

Два мира загораются...

В ОКРУЖЕНИИ

АВТОРЫ БЕСТСЕЛЛЕРОВ по версии *USA TODAY*

ЭЛЛА ФРАНК
БРУК БЛЕЙН

Глава 1.

В ад на бешеной скорости.

— Эйс, менеджер здесь.

Я смутно осознавал голос Дилана за своей спиной и его ладонь на своем плече, пока стоял у панорамных окон с видом на Лас — Вегас Стрип в президентском люксе «Syn», казалось, я не мог оторвать взгляда от прессы, которая собиралась у главного входа в отель далеко внизу. Казалось, их стекалось все больше с каждой минутой, и пока я наблюдал за растущей толпой, паника, которую я переживал, превращалась в полное оцепенение. Как такое возможно, что жизнь настолько радикально изменилась за промежуток в несколько минут?

— Эйс? — снова обратился Дилан. — Думаю, тебе стоит присесть.

Конечно, все эти люди здесь не из — за меня. Слова не могут так быстро разлететься.

Но даже когда эта мысль пришла мне в голову, я понимал, что это неправда. Образы вспыхивали в голове — папарацци, стоящий посреди люкса Дилана, переодетый в форму коридорного; *щелк, щелк, щелк* его камеры, когда он крал наши интимные моменты; Дилан, несущийся за ним в одном полотенце, обхватывающем его талию; и я, затаскивающий его обратно, когда мой мир разрушался за считанные секунды.

Уткнувшись лбом в прохладное стекло, я закрыл глаза и попытался замедлить яростное биение своего сердца.

— Дайте ему секунду, — услышал, как попросил Дилан, и его рука оставила мое плечо. Я понимал, что мне нужно развернуться и столкнуться с реальностью того, что только что произошло, но это будет означать, что я готов иметь дело с последствиями, которые последуют дальше. Где — то в номере названивал мой телефон, и можно было легко предположить, что это либо Роджер, мой менеджер, либо Мартина, мой публицист. Черт, возможно, они оба на громкой связи.

Секрет, который я так старательно скрывал, пошел на такие большие риски, как весь этот уикенд, чтобы защитить...

Я покачал головой напротив стекла. Как это теперь отразится на моей карьере? Конечно, весь мир знал, что я гей, но они ни разу не видели зрительного подтверждения этого. По словам Роджера и Мартини, даже моих родителей, моя карьера не выживет, если я буду красоваться отношениями на глазах у кинозрителей. И, к сожалению, я собирался выяснить были ли их прогнозы верны или нет, потому что ни за что на свете я не смогу отказаться от мужчины, который был мне жизненно необходим.

— Эйс? — голос Дилана был мягким, будто он уговаривал пугливого мустанга, и я не мог его винить в этом. Я знал, что он думает, что я в нескольких секундах от того, чтобы сорваться. Я сделал такой необходимый вдох, а затем, наконец — то, повернулся, чтобы ответить за свои действия.

Дилан стоял всего в нескольких метрах от меня, одетый в футболку и джинсы, и в тот момент по его глазам, впившимся в меня, и серьезному выражению лица, я понял, что первое, что хотел...нет, *должен* сделать — развеять его опасения.

Не страхи по поводу того, что начнется, потому что, честно говоря, я понятия не имел, какой кошмар развернется между нами в ближайшее время. Но я должен дать ему понять, что причина моего замыкания, причина моей паники не пропитаны сожалением моих

отношений с ним.

— Эйс, менеджер...

— Может подождать минуту, — сказал я и в три шага оказался лицом к лицу с ним. Я поднес свои ладони к его лицу и очертил пальцем его нижнюю губу. — Все могут подождать долбанную минуту.

Руки Дилана взлетели, чтобы сомкнуться на моих запястьях, а его взгляд был полон сострадания, пока блуждал по моему лицу, пытаясь удостовериться, что я в порядке. Это не так, и думаю было довольно очевидным. Но до того, как любое недопонимание проберется между нами, до того, как мы спустимся к людям, у которых есть очень серьезные мнения о нас и о наших отношениях, я хотел, чтобы Дилану стало на сто процентов ясным, что любое высказанное мнение — *не* мое.

Я сглотнул, пытаясь найти слова, чтобы объяснить все эмоции, которые пронеслись у меня в голове. Но до того, как успел хоть что — то выдать, Дилан опустил мои руки и обнял ими свою талию. Он уткнулся лицом в мое обнаженное плечо и шею и спросил:

— Ты в порядке?

Я усилил свои объятия, считая, что если не буду держать его крепче, он каким — то образом сможет ускользнуть из моей хватки и у меня больше никогда не появится подобной возможности.

— Нет, — ответил я. — Но сейчас мое сердце хоть как — то успокоилось, с тех пор как ты открыл ту дверь, и все полетело в ад на бешеной скорости.

— И могу я просто сказать, от лица всего отеля, как мы невероятно извиняемся за подобное вторжение, — произнес Чарльз Тот, помощник менеджера «Sun», выходя вперед. — Мы уже связались с местными властями, и будьте уверены, мы докопаемся до сути. Это почти невозможно, что у кого — то появился доступ к этому этажу, поэтому я не совсем уверен...

— Почти, — переспросил Дилан, поднимая голову с моего плеча. — Почти невозможно? Как мужчина умудрился украсть не только форму одного из ваших работников, но и еще ключ — карту с доступом к частному лифту, как и карточку для входа в мой смежный номер. Как вы, блять, можете быть настолько небрежными, *особенно* учитывая категорию гостей, которая останавливается на этом этаже?

Ох, черт. Дилан в бешенстве, и даже не смотря на закручивающееся вокруг нас дерьмо, я не смог подавить небольшую улыбку, которая изогнула мои губы, от его властного тона.

Чарльз побледнел и начал выкручивать свои руки.

— Гарантирую, мы...

— Не утруждайте себя обещаниями, которые не сможете сдержать, — произнес Дилан, обернувшись лицом к мужчине, превращающимся в приведение. — Вы уже потрудились посмотреть на улицу? Даже с сорок пятого этажа видно столпотворение людей. Что вы собираетесь делать с этим? С уроном, который уже нанесли? Будущему Эйса?

Моя рука сжала сильнее талию Дилана, чтобы он не смог сделать шаг вперед. По румянцу, ползущему вверх по его шее, я не был уверен, что он не удавит этого человека, которого буквально трясло в его начищенный лоферах от «Гуччи», и последнее, что нам нужно добавить для удовольствия журналистов — убийство.

— Я...эм...мы полностью доверяем властям... — сказал Чарльз.

— Которые магическим образом могут стереть снимки, которые, вероятно, уже разлетелись по всему интернету? — спросил Дилан. — Так.

— Я ценю вашу попытку помочь, но не могли бы вы оставить нас наедине на несколько минут? — попросил я Чарльза, и тот факт, что я выпинывал его за дверь, казалось, удивил его.

— Конечно, — ответил он, пятясь назад к входной двери. — Я только... охрана у дверей, пока вы... Точно, — затем, когда за ним захлопнулась дверь, я потащил Дилана прямо к дивану.

— Ладно, — произнес я. — Давай просто пробежимся по вариантам.

— Разве ты не должен для начала ответить на свой телефон? — спросил Дилан поверх настойчивой трели моего мобильного, и когда он, наконец, сел, я ушел в конец спальни, чтобы взять свой телефон. Уже десять пропущенных звонков и от Роджера и Мартины, в комплекте с более чем кучей сообщений. И пока я стоял, уставившись в экран, у меня было непреодолимое чувство дежа вю. Чуть меньше года назад, было то же безумие, те же звонки, то же ощущение отчаяния. Только в тот раз не было снимков. Босс Шейн из брачного агентства выдал мой секрет прессе, но прежде чем все вышло за рамки, Шейн прикрыла меня, и все потихоньку заглохло.

Когда я вернулся в гостиную и увидел потрясающего мужчину, сидящего на диване и не оставляющего в покое свои каштановые волосы, я понял, что тот раз был последним, когда я был один.

— Дилан... — сказал я, когда подошел и сел рядом с ним. Он наклонил голову, чтобы посмотреть на меня, и я не мог сдержаться, чтобы не провести пальцем по его челюсти.

— Не волнуйся обо мне, пожалуйста. Боже, — сказал он, качая головой. — У тебя и так достаточно беспокойств.

Мои губы вытянулись в тонкую линию из — за его слов, потому что одновременно с тем, что он был прав, и у меня есть миллион и одна вещь, чтобы поволноваться, моя голова и мысли были нацелены только на него — и это раскрыло мне глаза, Дилан — номер один среди моих беспокойств.

Я прочистил горло и потянулся за его рукой. Когда он переплел свои пальцы с моими, я осознал насколько его рука тряслась, и захотел хоть как — то его успокоить. Но это будет сложно, учитывая насколько тряслась моя собственная.

— Ладно, значит, — произнес я, а затем вздохнул. — Нам нужно определиться с тем, что будем делать дальше. Что *ты* хочешь сделать дальше?

— Я? — переспросил Дилан, широко распахнув глаза. Затем он сжал мои пальцы и осторожно отпустил. А когда он встал и начал нарезать круги передо мной, я видел, как крутились шестеренки в голове Дилана. Он закрылся, его лицо стало нечитаемым, а потом он остановился и посмотрел на меня сверху — вниз, и у меня появилось ощущение, что что бы он ни собирался сказать, это резанет меня по живому.

— Эйс... послушай, я скажу все, что ты от меня захочешь. Или вообще ничего, если уж на то пошло. Я могу отсиживаться в этом номере, пока все не уйдут. Что угодно. Но то, как я это вижу, если ты выйдешь отсюда один и начнешь все отрицать, тогда спустя какое — то время все должно прекратиться. Может, навсегда...

— Нет, — сказал я, поднимаясь на ноги. Это было единственное, чего я определенно *не* хотел. — Этого не произойдет, — я положил одну руку поверх тех, что он выкручивал перед собой, и покачал головой. — *Это*, все что между нами, не закончится. До тех пор, пока ты не захочешь сам.

Дилан пожевал свою губу, удерживая мою руку практически в мертвой хватке.

— Я...я...

— Я понимаю, что этого слишком много для восприятия. Черт, да я даже сам не могу это все принять. Но если ты захочешь, если ты захочешь меня, тогда я готов пройти через эти двери за руку с тобой и сообщить всему миру, чтобы шли на хер, — и как только эти слова вылетели из моего рта, я понял, что они были единственно правильными. Когда дело касалось Дилана, здесь не существовало выбора. Он был сделан в первый день, когда я его увидел, и если он намерен сделать это, остаться со мной и вынести все, что прилетит в нашу сторону, тогда не имеет значения, что все вокруг будут говорить. Он и мое решение — не подлежали обсуждению.

У меня отвалилась челюсть. *Твою мать*, я совсем не ожидал этого, и когда телефон на диване снова начал названивать, я спросил:

— Что насчет твоей команды? Разве у них нет насчет этого своего мнения?

— Уверен, у них множество мнений, но единственное, которое меня интересует, — твое.

— Ты не серьезно. Но все эти люди...

— Ни хрена не значительны сейчас, — что — то в интонации Эйса подсказывало мне, что он был убийственно серьезен, и я захлопнул свой рот. Когда он продолжил, его голос смягчился. — Это будет кошмаром. Я не собираюсь приукрашивать и говорить тебе обратное. Если ты останешься со мной, тебя будут преследовать. Повсюду. Твои снимки *будут* везде, и не только на сексуальных билбордах или реклама в журнале. Они будут ловить тебя в продуктовом магазине. На заправке. На выходе из моего дома. На выходе из твоего. Черт, да там, наверняка, будет летать вертолет над моим районом в обозримом будущем, и мне необходимо знать...

Когда он смолк, его взгляд упал в пол, а я потянулся к его лицу и поднес его губы к своим, желая заверить его, что я никуда не денусь. И когда я отстранился, я прошептал в его губы:

— По крайней мере, тогда нам не придется скрываться...

Прекрасные голубые глаза Эйса встретились с моими, и, казалось, он искал что — то.

— Но когда ты поймешь, что могут повлечь за собой отношения со мной, ты можешь захотеть обратного.

— Нет, — ответил я, решительно качая головой. — Не пытайся напугать меня.

— Я не о *себе* беспокоюсь.

— И о них тоже не волнуйся. И что, что они будут преследовать нас. Они будут выкладывать дерьмо в газетах...

— Лживое дерьмо.

— Я смогу справиться с этим. Но сможешь ли *ты*?

И вот это был уже серьезный вопрос. Да, Эйс имел дело с ценой славы всю свою взрослую жизнь, но я знал, чего ему может стоить выйти из укрытия и показать всему миру, кто он такой...и с кем. К тому же, быть геем — то, с чем он все еще примирялся. Он раскрылся только год назад, ради всего святого, и никогда не был в отношениях. Я тридцать лет жил, как гей, и знаю, какой ненавистью могут поливать нас. И в его работе? Это может — и станет — жестоким.

Эйс вздохнул и потер ладонью свои глаза, а когда снова посмотрел на меня, там была усталость, которой я никогда не видел прежде. Как будто он уже прожил то, что собирается произойти. Но там же была решимость, и в тот момент я понял, что нет пути обратно.

Эйс потянулся к моей руке, и когда мазнул большим пальцем по моим костяшкам, он сказал:

— Если ты будешь рядом, думаю я смогу выдержать все что угодно.

— Это самое милое, что вообще выходило из твоего рта. Не сказать, что я думал, что *Эйс Локк* никогда этого не скажет, — я дразнился. Хотя внутри, от его признания трепетала каждая часть моего тела.

— Эй, я могу быть милым.

— Да, ты был очень милым сегодня утром. И прошлой ночью, — сказал я, оставляя поцелуи вдоль его челюсти, по его носу, его лбу.

— А теперь, если *это* вскроется, то может уничтожить мою репутацию.

— Или может открыть абсолютно новый мир для тебя. Эйс Локк в романтических мелодрамах. Эйс Локк в причудливом Инди. Эйс Локк в анимации «Дисней»...

— Ладно, ладно, давай не сходить с ума. Эйс Локк в триллерах и боевиках подходит мне просто прекрасно. По крайней мере, сейчас.

— Тогда миру просто придется присоединиться. Кроме того, кто, твою мать, не любит тебя?

Эйс выгнул бровь, и когда я осознал, что предполагали мои слова, мое лицо запылало. Это только поспособствовало небольшой ухмылке на его губах расшириться, и я закатил глаза и игриво толкнул его в сторону до того, как что — то *еще* решит вырваться из моего рта.

Когда телефон Эйса в который раз зазвонил, он сказал:

— Мне, наверное, стоит разработать план игры со своей командой, если хочешь, собери свои вещи к отъезду. Гранд Каньон в следующий раз?

— В следующий раз, — ответил я с облегчением, что даже будет следующий раз, и когда Эйс сел на диван и поднес телефон к уху, я предоставил ему немного уединения и ушел в смежный номер, чтобы забрать сумку, из — за которой началось все это сумасшествие. Если бы я не оставил проклятые вещи здесь прошлой ночью, я бы не открыл дверь и тогда не было бы тех полуобнаженных снимков папарацци, никаких разработанных планов. Но я не мог думать об этом. Отказывался принять вину за хаос, который они вызвали. Эти ублюдки получили бы каким — то образом снимки, когда — нибудь, и не имело бы значения где — в Вегасе или в преследованиях в ЛА.

По крайней мере, это я пытался говорить себе.

Вернувшись в номер Эйса, я прошел позади дивана, чтобы не отвлекать его от накаленного разговора, остановился у окна и посмотрел вниз. Толпа перед входом в отель возросла больше, чем в два раза, и от этого мое сердце заколотилось сильнее в груди, когда я отступил назад.

Будут ли *все* эти люди преследовать нас? По крайней мере, мы собирались выходить через частный вход, так же как прибыли в отель, но что произойдет, когда мы выедем на шоссе?

Да, ладно, это совсем не пугает, думал я и направился в спальню, чтобы собрать наши сумки.

Глава 2.

Хочу держать тебя за руку.

— Мне очень жаль мистер Локк, и если мы что — то можем сделать...

Я захлопнул дверь перед лицом менеджера, в бешенстве от бесконечных извинений, которыми он распинался последние десять минут, стоя на пороге своего люкса. Полиция тоже уже приезжала и приняла наши заявления, но поскольку ничего по — видимому не исчезло — кроме сбежавшего ублюдка — они ничего не могли сделать.

Еще слишком рано для долбаной выпивки?

— Итак? Как все идет? — спросил Дилан, направляясь в гостиную с нашими собранными сумками и сбрасывая их на кресло. — Вы разработали план?

До бесполезного разговора с главой «Syn», у меня было долгое, затянувшееся совещание с Роджером и Мартиной насчет того, что стоит, а чего не стоит делать дальше. И поскольку никто, казалось, не соглашался, как и всегда в таких случаях, я решил действовать по своему собственному проклятому плану.

— Я собираюсь послать их на хрен, — ответил я.

— На хрен? Что означает... что, именно?

— Это означает, что мы уже повсюду в TNZ, и поскольку Мартина не считает, что нам в данном случае нужно что — то отрицать, тогда нет смысла прятаться дальше. Так ведь?

— Думаю, нет.

— Поэтому мы выйдем через главный вход и позволим им сделать все снимки, которые им нужны.

— Погоди, что?

— Либо это, либо альтернативный вариант, и я бы предпочел, чтобы фотографии, которые окажутся на всех обложках, не были снимками нас в полотенцах.

Дилан уставился на меня, а затем покачал головой, как будто неправильно расслышал.

— Значит... ты хочешь, чтобы мы вышли отсюда и прошли через все тех людей снаружи? Вместе?

Пока я нарезал круги перед диваном, от меня не укрылся тот факт, что этот момент я пытался избежать очень давно. Тот факт, что именно сейчас и здесь, когда клубок из эмоций наводняет меня. Злость. Расстройство. Возмущение. Смирение. Грусть. Но где — то под всем этим, я так же ощущал первый привкус свободы, и именно это укрепило мое решение.

— Да, — ответил я. — Если для тебя это нормально, тогда что ты скажешь насчет, выйти к ним с высокоподнятыми головами и поднятыми средними пальцами — это будет самое лучшее решение?

Дилан удивленно рассмеялся.

— То есть буквально показать «фак» прессе. Так. Отличный план.

— Ладно, тогда, может, взявшись за руки, но с тем же настроением.

Веселое выражение на лице Дилана испарилось, и он посмотрел вниз на свои потертые джинсы и обычную зеленую футболку. И до того, как успел хоть что — то сказать, я опередил его.

— Даже не думай переодеваться.

— Но... я в невероятном, охрененном беспорядке. Я не могу вот так выйти.

Подойдя к нему, я прошелся взглядом по его телу.

— Определенно согласен, что ты невероятно охрененный.

— Мне кажется, я бы предпочел наши фотки в полотенцах.

Я потребил пальцем подол его футболки, а затем скользнул под нее, чтобы ощутить гладкую, теплую кожу его живота.

— Ты идеально выглядишь.

— Ты с ума сошел.

— Вероятно.

Уголок рта Дилана изогнулся, и когда показалась одна из его ямочек, я покачал головой.

— Ты просто понятия не имеешь, насколько притягателен, так ведь? Да они друг на друга полезут, чтобы сфотографировать это лицо.

— Ты слегка необъективен.

— Я считал так еще до того, как ты стал моим, — как только слова вырвались из моего рта, я осознал, насколько близок был сейчас, чтобы выложить, как сильно в него влюблен. И это не упустил Дилан, если то, как его взгляд потемнел было хоть каким — то признаком.

— Считал, да?

— Да. На своем дне рождения, вообще — то. Моей первой мыслью было, что Расс — идиот, раз выпустил тебя из виду. Второй — что какая — то счастливая сволочь начнет ухаживать за тобой, до того как у меня появится шанс.

Дилан прижался к моим губам сладким поцелуем, и когда его губы изогнулись, он сказал:

— Они могли бы попытаться, но я был слишком занят мыслями об имениннике.

Я провел дорожку тыльной стороной своих пальцев вниз по его щеке и еще раз спросил, просто, чтобы убедиться.

— Ты уверен, что хочешь сделать это?

Дилан потянулся за моей лаской, и его глаза закрылись, его ресницы густые и темные на безупречной коже.

— Нет, — прошептал он, и мое сердце в тот момент остановилось. Затем он распахнул свои великолепные глаза, и выражение в них шокировало и вернуло меня к жизни. Они были полны страха, желания, и той же эмоции, что я испытывал тогда — одержимости. — Я не уверен насчет всего. Но уверен насчет тебя. Я хочу тебя, Эйс. *А ты* идешь в комплекте со всем этим.

Я оставил поцелуй на его лбу и отступил на шаг назад, очерчивая его пальцы своим, чтобы взять его руку в свою.

— Ладно, тогда давай сделаем это

Обойдя его, чтобы забрать наши сумки, я отошел только на два шага, когда Дилан потянул меня обратно за руку, и я снова посмотрел на него.

— Я же не должен, ну...говорить что — то, да?

Я рассмеялся на это.

— Нет. По сути, думаю, лучше всего, если ни один из нас ничего не будет говорить сейчас. Во всяком случае, наши снимки рука об руку будут намного эффектнее, чем любые слова. Но, возможно, ты захочешь надеть свои очки.

— Почему?

— Увидишь.

Я нервно вдохнул и подкинул повыше сумку на своем плече, когда Эйс повел нас к лифту и частному лобби, которое очевидно было расчищено для нашего отправления. Когда стало ясным, что Эйс не остановится на своем пути к двери, Чарльз засеменил рядом с нами.

— Может кто — нибудь возьмет ваши сумки? — спросил он.

Эйс не удостоил его и взглядом.

— Думаю, вы уже все были достаточно полезными.

— Ваш номер за счет отеля...

— Чертовски надеюсь на это, — фыркнул Эйс с отвращением.

— Если вы уже уезжаете, я попрошу водителя подъехать незамедлительно...

— Вообще — то, об этом уже позаботились.

Морщины на лбу Чарльза только углубились.

— Но там нет ожидающей у входа машины...

— Не в той стороне, — Эйс потянул меня налево, прямо к основной части отеля вместо того, чтобы пойти направо, к черному ходу.

Боже мой, подумал я, когда тихий коридор открылся в гудящий, огромный этаж казино. Эйс не колебался, когда повел нас мимо столов для блэк — джека и рулеток, даже несмотря на то, что я сжимал его руку изо всех сил. *Мы делаем это. Мы, действительно, держимся за руки...на людях...и все нас видят.* Но я едва замечал лица людей, мимо которых мы проносились, потому что Эйс не останавливался. Однако, когда мы проходили мимо игровых автоматов и около загруженной главной зоны регистрации, я услышал первые шепотки с именем Эйса в шуме. И естественно, когда мы проходили через лобби, начались удивленные крики.

— *Это Эйс Локк?*

— *Боже мой, посмотри, кажется это Эйс.*

— *Эйс! Можешь расписаться на моей футболке?*

— *Я не знал, что Эйс — гей...*

— *Это его парень?*

— *Эйс, могу я сфоткать вас?*

Эйс вел нас вперед, как будто не слышал ничего, и когда мы подошли к выходу, хватка Эйса на моей руке усилилась. И как только мы сделали наши первые шаги на улицу, и толпа бросилась на нас, я понял, почему он просил надеть очки.

Вспышки отовсюду, настолько ослепляющие, что если бы Эйс не держал меня за руку, я бы не знал, куда мне идти. Крики были оглушительными, каждый фотограф и журналист соперничали за внимание Эйса, пока охрана отеля расчищала для нас путь к заведенному Линкольну.

Если мне и казалась толпа огромной с сорок пятого этажа, это никак не сравнилось бы с реальностью того, что ожидало нас. Тела прижимались к нам со всех сторон, и в сочетании с жарой Вегаса, — это была удушающая комбинация.

Не упасть в обморок перед всеми этими людьми, — все, о чем я мог думать, когда водитель раскрыл дверь, и Эйс отошел в сторону, чтобы посадить меня первым.

— *Эйс, это твой новый парень?*

— *Где вы познакомились?*

— *Это правда, что вы тайно сбежали на выходные?*

Когда Эйс скользнул вслед за мной, дверь захлопнулась за ним, и хотя рев толпы хоть как — то заглушился, это все еще ощущалось, как центр торнадо. До ужаса тихо в сравнении с вихрем снаружи.

— Ты в порядке?

Голос Эйса был пронзительно — низким, а его пальцы крепче сжимались вокруг моих. Я бросил взгляд на свое тонированное окно и видел продолжающиеся вспышки камер папарацци, которые делали снимок за снимком, все претендуя на максимально денежный снимок.

— Дилан?

Я обернулся на свое имя, сталкиваясь лицом к лицу с мужчиной, сидящим рядом со мной, и впервые с тех пор, как мы познакомились, я увидел его в совершенно новом свете.

Эйс Локк — невероятно важный. Он не просто какой — то актер, которого знали несколько человек. Нет. Мужчина, сидящий рядом со мной, обнимающий меня рукой, — долбаная суперзвезда. И в какой — то момент, я просто забыл об этом.

— Никто не трогал тебя и не сделал больно, да?

Голубые глаза Эйса были полны беспокойства, пока он обследовал меня, насколько было возможным. Когда стало очевидным, что я не в состоянии говорить вообще, он кратко кивнул, удовлетворенный тем, что я в порядке, а затем наклонился к водителю.

— Отвези нас в МакКарран, — попросил он, а затем снова устроился рядом со мной.

Когда водитель начал ускоряться, я видел, как толпы людей, которые собрались в передней части машины, ради снимка внутри, разделялись, как Красное море, чтобы не получить удар. Мое сердце дико колотилось, и я догадывался, что мои глаза такие же большие, как и блюда, потому что никогда в жизни я бы не подготовил себя к тому, через что мы только что прошли. Думаю, никто бы не смог.

Когда Эйс сказал, что я понятия не имею, куда иду, я глупо верил, что он преувеличивает. *Ха*, подумал я, *если что, он совершенно не приуменьшал этого.*

— Эй? Дилан, посмотри на меня.

Я плотнул воздуха, пытаюсь успокоить свой зашкаливающий пульс, а затем повернулся к нему лицом. Брови Эйс сошлись вместе от волнения, а губы — плотно сомкнулись. Он смотрел настороженно, как будто волновался, что сбегу, и серьезно, если бы я не увяз так сильно в нем, это могло бы произойти. Этого было до хрена много к восприятию.

— Ты в порядке? — снова спросил он, и на этот раз я кивнул.

— Это было...Вау, Эйс. Это было безумием.

Эйс расхохотался, как будто не ожидал такого.

— Эм, да, я же говорил тебе.

— Но... — я замолчал, пытаюсь продумать свои следующие слова. — Видеть — это совсем по — другому. Господи, я никогда не видел так много людей в своей жизни. И все они хотели твоего внимания...я просто...полагаю, я забыл, кто ты, на минуту или две.

Когда мои слова повисли между нами, я на секунду задумался, что возможно обидел его, но затем он поднес мою руку к своим губам и улыбнулся перед тем, как прижаться поцелуем к моей ладони.

— Это лучший комплимент, который я слышал за долгое время.

Я освободил свою руку, чтобы потянуться к его подбородку.

— Видимо ты общался не с теми людьми.

— Видимо, — согласился он, и наклонился, чтобы мазнуть своими губами по моим.

Когда он отстранился, то снова спросил меня, на этот раз не оставляя место никаким заблуждениям.

— Я полностью пойму, если ты сейчас психанешь. Если захочешь изменить свое...

— Нет, — сказал я, качая головой. — В смысле, да, это было сумасшествием. И да, со мной все в порядке, но ни разу эта мысль не пересекала мой мозг, что я захочу... — я замолчал, а потом меня посетила ужасная мысль. — А твой пересекала?

Эйс удерживал мой взгляд, и искренность в нем сразила меня наповал, когда он сказал:

— Ни разу.

Пока машина ехала по изысканному выезду, а толпа меркла на расстоянии, до меня впервые дошло, что я встречаюсь с Эйсом Локком. На самом деле, встречаюсь с ним. И если то, как мой желудок перевернулся от ласкового выражения его лица, с которым он смотрел в мою сторону, было хоть каким — то признаком, то у меня не было сомнений, что я в безнадежной близости к влюбленности в Эйса Локка.

Глава 3.

Пир для короля.

— Нет, тебе не нужно приезжать... Нет, я не хочу делать заявление. Роджер, послушай...

Эйс казался замученным, обходя свою огромную кухню, а когда он перехватил мой взгляд через все помещение, его губы на мгновение изогнулись, прежде чем он снова вернулся к своему разговору.

Он отбивался от звонков последние несколько часов, с тех пор как мы вернулись к нему домой, приняли душ и спустились вниз, чтобы поесть, и не похоже, что что — то изменится в ближайшее время. Мой собственный телефон названивал без остановок, и когда в очередной раз пропищал о сообщении, я опустил взгляд и увидел, что оно от Дерка.

Дерек: Я уже могу тебе сказать «я же говорил»?

— Иди на фиг, — пробормотал я, пока печатал в ответ то же самое. Я едва отправил его, когда пикнуло еще раз, на этот раз от Рассы.

Расс: Привет...я только что видел ваши с Эйсом фотки в новостях. Перезвони мне.

Неа, даже отвечать на него не буду.

Дерек: Миленькое полотенце, кстати. Приятно знать, что ты все еще тренируешься.

Ох, ради всего святого.

Когда мой телефон начал звонить с неизвестного номера, я посмотрел туда, где Эйс растирал тыльную часть своей шеи, и принял внезапное решение. Отключив мобильник, я швырнул его на диван и пошел туда, где Эйс в данный момент протирал дырку в полу, чтобы занять место на одном из стульев за кухонным островком. Он все больше расстраивался, чем дольше висел на телефоне.

— Нет, я так же не планирую ничего отрицать. Выход из «Syn» уже был достаточным

заявлением, ты так не считаешь?

Откинувшись локтями на островок, я развел свои ноги и ждал внимания Эйса. С тех пор, как мы вернулись, один звонок сменял другой, и чем дольше это продолжалось, тем краснее становилось лицо Эйса. Пришло время отключиться и развеяться после бесконечного дня, который у нас был, и когда Эйс обернулся и направился в мою сторону, я прикусил губу — но он просто прошел мимо, видимо слишком увлеченный разговором, чтобы заметить мое приглашение.

Хмм. Может, ему нужно, что — то более очевидное.

Я переделся в тренировочные шорты и футболку, после того как мы приняли душ, поскольку я упаковал сумку только на ночь в нашу поездку, и когда я потянул футболку вверх и через голову, взгляд Эйса метнулся к движению. Бросив футболку на плиточный пол, я многозначительно улыбнулся ему, а затем вернулся в свою позицию, откинувшись на локти и с широко — разведенными ногами. *Это* заставило Эйса замолчать моментально, его взгляд блуждал по моему телу, но когда человек на том конце провода сказал что — то, это заставило его вернуть свою концентрацию на разговор.

— Ладно, — сказал он, вздохнув с досадой. — Мы можем встретиться, но не сегодня... после съемок, если завтра...да, хорошо.

Ладно, возможно, пришло время поднять все на ступеньку выше. Ни за что я не позволю внешнему миру вторгаться в наше личное пространство больше, чем сегодня, поэтому мне нужно *отключить* голову Эйса от завертевшегося хаоса и вернуться ко...мне.

Бросив взгляд на островок позади себя, чтобы убедиться, что там чисто, я спрыгнул со стула, и когда выхаживания Эйса повернули в мою сторону снова, я развернулся и медленно стянул свои шорты вниз. Поскольку под ними ничего не было, Эйсу открывался первоклассный вид на мою задницу, когда я наклонился и не спеша снял шорты с лодыжек, а затем вышагнул из них. Когда я поднялся и повернулся лицом к нему, я пинком отправил шорты подальше, и мой член оказался удовлетворен похотливым взглядом, которым уставился в мою сторону Эйс. Я слышал, как человек на том конце, повторял его имя, но Эйс был слишком занят разглядыванием моего обнаженного тела, чтобы заметить это.

Облизав губы, я попятился назад, а когда моя поясница врезалась в столешницу, я оттолкнулся и сел поверх нее. Брови Эйса взлетели, и он сглотнул, когда я лег перед ним, как пир для короля.

Твой ход.

— Эм...да, Роджер. Я здесь, — сказал Эйс, но его голос был отстраненным, и он не отрывал взгляда от меня, особенно когда моя рука провела дорожку вниз по животу, по моим бедрам, а затем обхватила член.

— Блять, — выругался под нос Эйс. — Что? Нет. Слушай, мне нужно идти...

Мужчине на том конце не понравилось это, впрочем, как и мне до этого. Эйс — мой на сегодня, и я не возражал сделать все, чтобы вернуть его внимание, взгляд и руки обратно к себе.

Я изо всех сил пытался сосредоточиться, о чем мне ныл без умолку Роджер в ухо, но серьезно, если я не потерял интерес двадцати минутами ранее, то вид Дилана, обнаженного и развалившегося на моем кухонном островке, сделало Роджера — *последним*, на чем я

сосредоточился.

— Я отключаюсь...Нет, я сказал...

Пока Роджер перебивал меня в очередной раз, я удерживал телефон у уха и пошел к краю островка. Я позволил своим глазам бродить по руке Дилана, которая сомкнулась на его эрекции, вверх по его безупречному телу к лицу, которое было повернуто в мою сторону, и когда он скользнул кончиком языка по своей верхней губе, я выругался.

— Нет, Роджер. *Не* приезжай сюда сейчас.

Ухмылка, которой Дилан одарил меня, была откровенно сексуальной, когда он подбросил свои бедра вверх и толкнулся своим членом в руку.

Господи, этот парень пытается меня убить. Было очевидно, что Дилан охотился за моим вниманием, и ни в коем случае я не стану ему мешать в этом. День был долгим, а солнце уже село после такого кромешного ада, и у меня сложилось впечатление, что Дилан был готов развешаться, готов отключиться от всего остального мира. Так же, как и я.

Не в состоянии больше сопротивляться желанию прикоснуться к нему, я провел кончиками пальцев по ближайшей ко мне руке, проходя вдоль кухонного островка. Когда я обогнул его, я уставился на бесстыжего мужчину, который занимался своей длиной, как будто лежал на спине в моей постели, а не посреди кухни, и вот сейчас...Роджеру пора.

— Я отключаюсь...Мне плевать, Роджер. С меня хватит разговоров об этом. Не звони мне больше сегодня или тебе придется спорить с моей голосовой почтой, — и до того, как он смог ответить, я отключился.

Когда я опустил телефон на другую столешницу, мне потребовалась минутка, чтобы поправить свой адски — твердый член, и заметить, как Дилан повернул свою голову на столешнице, чтобы посмотреть на меня. Его веки отяжелели, когда все выражение лица его стало чувственным.

— Вам удобно, мистер Прескот?

Дилан погладил свою длину, сгибая при этом одну ногу и ставя ее на островок.

— Ну, ты говорил мне, что я могу пользоваться твоей кухней, когда мне захочется. Но... — его слова были резко прерваны, когда я щелкнул выключателем на стене, погружая комнату в темноту. Но не совсем это было у меня на уме, когда я ударил по выключателю рядом, подсвечивая полосу из четырех галогеновых ламп, которые висели ровной линией над столешницей.

О, да, так намного лучше. Если Дилан хотел быть в центре внимания, я буду более, чем счастлив поставить его в центр софитов.

— Что ты говорил? — переспросил я, когда пошел туда, где он лежал, теперь так эффектно подсвеченный для моего пристального внимания. Взгляд Дилана следил за мной, и когда я опустил свои глаза, его пальцы закружили по головке его члена, прежде чем он помассировал своей скользкой ладонью вниз по стволу.

— Я говорил, — продолжил Дилан, когда я остановился у края столешницы и посмотрел на него сверху — вниз. — Что при том, что ты вроде как позволил мне пользоваться своей кухней, я серьезно задумался над тем, когда *ты* в последний раз ей пользовался.

Я потянулся к подолу своей футболки, и когда сбросил ее на пол к шортам, которые он отшвырнул ранее, Дилан поднял свою вторую ногу и согнул ее в колене, чтобы открыть превосходный вид на все, что я хотел пососать, поцеловать и потрогать.

— Твою мать, — сказал Дилан и толкнулся бедрами вверх. — Обожаю этот звук.

Я взялся руками за пуговицу на своих шортах и расстегнул ее, и когда я собрался скинуть их со своих бедер, я выгнул бровь, дожидаясь дальнейшего пояснения.

— Это рычание. Ты даже не осознаешь, что делаешь это. Но *блять*. Это так сексуально.

Он был прав: я даже не осознавал, что издавал звуки, но это не удивило меня. Из — за Дилана я чувствовал себя чертовым животным. Когда мои шорты упали на пол, я вышагнул из них и поднес свои руки к согнутым коленям Дилана, где затем проследил путь от голени до лодыжек.

— Разведи для меня свои ноги, — попросил я, и когда он сделал это, вид, который встретил меня, заставил меня жаждать освобождения. И пока Дилан водил своей ладонью вверх и вниз по своей жесткой эрекции, я не смог остановить собственные руки и не обхватить его за икры.

Мой голос был низким рокотом, когда я произносил:

— Нужно тебя подвинуть, вот так, — я потянул его к краю столешницы. Руки Дилана метнулись в стороны, чтобы удержаться, и освободили его член для моего рта. Склонившись над ним, я не тратил времени зря и пробежался языком от толстого основания до головки, а когда задержался на ней своими губами, подразнивая его, он толкнулся бедрами вверх, требуя большего.

— Тебе нужно попросить, — сказал я, поднимая свою голову и дьявольски ухмыляясь ему. — Ты заполучил мое внимание. Что — то еще хочешь?

Пока я выцеловывал внутреннюю часть его бедра, Дилан ахнул и затем сказал.

— Я хочу твой долбаный рот на себе, для начала.

Ваше желание для меня закон, подумал я, подтянул его ноги на свои плечи и взял на всю глубину до глотки. Застонав от наполненности его эрекцией, я поднялся к кончику, а затем опустил вниз снова. Пока я это делал, шальная мысль посетила мою голову. Нет ни единого шанса, что я хоть когда —нибудь смогу насытиться этим мужчиной. Как вообще стало возможным, что я мог взять его таким, где бы ни захотел этого? Что он может взять меня. Я понятия не имел, что это может быть так приятно. Понятия не имел, чего мне не хватало, в чем я отказывал себе многие годы.

И даже когда втянул его глубже, я все равно не мог привыкнуть к тому, что он — мой. И в этот момент, мне было плевать, кто знал об этом.

Когда бедра Дилана дернулись, а дыхание стало рваным, я поднял голову и покачал ей.

— Пока нет, — сказал я, и опустил его ноги с моих плеч. — Двигайся назад.

Мне больше не пришлось говорить, потому что Дилан быстро откатился назад по столешнице, и я подтянулся вверх, чтобы присоединится к нему. И...просто черт. Его стройное тело, раскрытое подо мной, вызвало во мне желание стать чуточку ближе — сделать все это *намного* ближе, и когда я опустил на четвереньки, то медленно пополз по его телу вверх.

Взгляд Дилана, не мигая, следил за мной — даже когда я оседлал его бедра...даже когда я опустил свое тело на него...и даже когда наши члены коснулись друг друга умопомрачительным скольжением, от чего перехватило дыхание в моем горле.

— Эта попытка в отместку за мои издевательства со стриптизом, не так ли? — пробормотал Дилан, выгнувшись подо мной, его горло обнажилось, и ждал, и я угодил ему, пробежавшись языком по всей длине вверх по его разгоряченной коже.

— Рад, что ты уловил суть.

— К черту твою суть, — сказал он, потянувшись между нами и обхватывая нас своей

рукой. Фрикций от его кулака и эрекции, скользящей напротив моего члена, было практически слишком, чтобы сдержаться, и я закричал, захватывая его губы поцелуем.

Господи, Эйс — сексуальный засранец. *О, да*, подумал я, когда его язык нырнул глубже между моих губ и потерялся об мой. Его ноги находились между раскинутых моих, а обе его руки опустились по бокам от моей головы, накрывая меня собой, пока я лежал на кухонном островке. Он практически отжимался, двигая своими губами поверх моих, стонал в мой рот, пока я сжимал руку вокруг наших жестких членов.

— Дилан... Твою... — сказал он, отрываясь от моего рта и целуя вдоль линии челюсти к моему уху. — Да, Боже. Сильнее.

Я повернул голову, поцеловал его челюсть и сжал, и его бедра впечатались вперед, задевая мой член своим.

— Нравится так? — спросил я, издеваясь над ним, делая так снова, и Эйс снова оказался здесь, втираясь в мои бедра своими.

— Да. Именно так.

Я застонал от его слов и оплел одной ногой заднюю часть его мускулистого бедра. В нем была сила и мощь, когда руки у моего лица напрягались, и у меня появилось явное желание наклониться и... *Ох, блять*. Я выгнулся и лизнул его бицепс, и когда уткнулся носом в изгиб его руки, он сместился, чтобы обхватить ею меня, опуская меня обратно на столешницу, и выгнулся своим телом наполовину со мной. Затем Эйс потянулся между нами и накрыл мою руку, которая обхватывала нас, и мы начали двигаться вместе.

Его губы призрачно касались моих, его дыхание теплое, когда он задыхался от каждого хрипа и толчков его бедер, и я использовал ногу, которой держался за него, чтобы приподнять себя вверх и встречать каждый толчок.

Я чувствовал, как его пальцы впивались в кожу на моем плече, где он держался, и в тот момент, когда я подумал, что он обрушит свои губы на мои, Эйс вместо этого опустил голову, чтобы мы оказались щека к щеке и прошептал на мое ухо:

— Ты, Дилан Прескотт, стоишь каждого скандала, о котором напишут...

Ах, черт, я уже сбился со счета, когда Эйс был таким. Когда он уничтожал клетки моего мозга, греховным образом используя мое тело, и восхитительным образом отпечатывался каждой частичкой на моей душе.

— И знаешь почему?

От его голоса, низкого и хриплого в моем ухе, не было и шанса, что слова вырвутся из моего рта. Так что вместо этого, я изогнулся и потерялся всей своей длиной по каменной стене его тела, и Эйс повернул голову и оставил настойчивый поцелуй на моей щеке, прежде чем сказать:

— Потому что с тобой, я нашел себя.

Все. Эти милые слова, сорвавшиеся с губ, которые мгновение назад разрушали меня, заставили меня напрячься под ним. Затем Эйс втянул мочку моего уха между зубов и сказал:

— Кончи для меня, Дилан. На нас обоих.

Он сместился, и пока я лежал плашмя на столешнице, Эйс начал вгонять свое тело поверх меня таким образом, что я едва ли не закатил глаза до затылка. Но я бы ни за что не упустил такого вида. Его руки сжимались по обе стороны от меня, и я потянулся вниз, чтобы

обхватить нас обоим кулаком, Эйс приносил трение, а я — усердие. Моя рука работала с дополнительным нажимом, а оргазм несся вниз по моему позвоночнику, и когда я почувствовал, как сжались мои яйца, а Эйс замер надо мной, мы оба пришли к впечатляющему освобождению одновременно и душой и телом.

Мы были так сильно изранены, и в тот момент чувствовалась такая свобода, что я был удивлен, что не ощутил слез в своих глазах от подобного облегчения. Даже после такой нагрузки на наши новые отношения, в конце дня, мы все равно остались одним целым.

Глава 4.

Сладкий. Упругий. Мой.

Я никогда не понимал потребности парней нанимать себе телохранителей, пока не столкнулся со стеной папарацци, которая дожидалась снаружи главных ворот на въезде в мой район, перед рассветом в понедельник.

— Ох, твою... — сказал Дилан с места, где сидел рядом со мной в Range Rover, когда открылись ворота и вспышки, как сотни молний, поразили одновременно. Эффект был ослепляющим, и не смотря на то, что солнце еще не встало, мне пришлось взять с консоли солнцезащитные очки, чтобы иметь возможность проехать мимо них на главное шоссе. И с надеждой не сбить никого в процессе, хотя не могу сказать, что впал бы в отчаяние, произойди подобное.

Агрессивные, маленькие засранцы.

Я маневрировал машиной медленно, пока толпа выкрикивала нам вопросы, и все о чем я мог думать: «Зачем им все это?» Неужели, они верят, что я опущу свое окно и отвечу им? *Впустую потрачу воздух.*

Краем глаза, я видел, как Дилан натягивал пониже свою кепку на лицо, и ощутил укол вины. Я не стал бы винить его совсем, если бы он захотел сбежать после прошедших суток. Боже, прошло всего лишь столько? Сутки? Такое ощущение, что вечность.

Как только мы проехали сборище, я стянул очки, и затем потянулся к руке Дилана.

— Прости, — сказал я.

Глубокая морщинка образовалась между его бровей.

— За что ты извиняешься? Не похоже, чтобы тебя просили об этом.

— Нет, и все же. Я знаю, это часть работы, но мне жаль, что втянул тебя во все это.

— Я больше не хочу слышать ни одного извинения от тебя, ты понял? Я с тобой, и они все со временем отстанут. Правильно?

Наверное. Возможно. Я так надеюсь на это. Вместо того, чтобы ответить ему, я спросил:

— Итак, Пейдж собрала все, что тебе нужно из твоей квартиры прошлой ночью, или нам нужно по дороге заехать?

— Нет, у меня есть все, что нужно до вечера. И передай ей очередное спасибо за это.

— Передам.

Когда мы осознали, что возвращение назад прошлой ночью наверняка вызовет безумие, я позвонил Пейдж и попросил об услуге. В отличие от Шейн, которую пресса бы узнала по прошлому году, у Пейдж была возможность войти и выйти из квартиры Дилана, прихватив при этом несколько необходимых вещей, и остаться незамеченной.

Поездка до студии была спокойной, как и обычно бывает, пока остальная часть ЛА не проснулась, не считая горстки машин, которые держались у нас на хвосте всю дорогу. Когда мы наконец — то проехали ворота Warner Bros., мы были свободны. На несколько часов, по крайней мере.

Когда я припарковался на место прямо перед звуковой студией, Дилан отпустил мою руку.

— Похоже, мы нарушили твое правило, — сказал он, уголки его губ изогнулись. — Разве не ты предупреждал меня об отношениях между коллегами?

— Это правило действует до сих пор. За исключением того, что этот коллега — я, — склонившись над консолью, я схватил его за затылок и потянул на себя для поцелуя. Его губы были нерешительными поначалу, как будто он нервничал из — за того, что все смотрели, но затем они смягчились под моими, и он жадно меня поцеловал.

Когда, наконец, отпустил его, я ухмыльнулся и сказал:

— Хорошего дня на работе, мистер Прескотт.

— Ну, кто бы мог подумать? Похоже, Эйс Локк изменил свою политику насчет поцелуев. И, должен сказать, я одобряю это.

— Умник, — произнес я, рассмеявшись брошенным мне в лицо словам, которые я сказал, когда мы только познакомились. Когда Дилан развернулся на сидении, чтобы забрать свою сумку, я распахнул свою дверь и спрыгнул наружу, в тот момент, как Рон припарковал свой спорткар на место рядом со мной.

— Доброе утро, — сказал я, когда он выбрался наружу, а потом рассмотрел слова на его футболке. Она гласила: «*He Лажу С Нарциссами*». — Миленькое послание с утра.

— Надел специально для тебя. Что с тем хренофестивалем, который просто разрывал мой телефон?

— Длинная история.

— Ну, я с радостью послушаю. Умоляю, скажи, что ты не всерьез встречаешься с этим... — когда взгляд Рона упал на Дилана, выбирающегося из моей машины, он заткнулся.

— Привет, Рон, — поздоровался Дилан.

Пока наш ошеломленный режиссер смотрел туда — обратно между нами, его челюсть сжалась.

— Точно, — сказал он. — Увидимся, мальчики, на площадке.

Оглянувшись на обеспокоенное выражение Дилана, я пожал плечами.

— Он справится.

— Если он будет орать на меня сегодня, *не* говори ничего.

— Да, да.

— Эйс, я серьезно. Если откроешь свою варежку, я тебя лишу секса.

Я не спеша обошел перед внедорожника и наклонил голову.

— Ты угрожаешь мне?

— Чертовски верно. Теперь, когда все знают, ты не можешь говорить абсолютно ничего в мою защиту.

— А если скажу, ты не дашь мне.

— По меньшей мере, неделю.

Я выгнул бровь.

— Целую неделю?

— Ладно, может, парочку дней.

— Уверен, что на коленях верну твою благосклонность, — сказал я, и он закатил глаза. Отступив назад до того, как я успел коснуться его, Дилан ухмыльнулся и сказал:
— Лучше отправляйтесь в свой трейлер, мистер Локк. Время не ждет.

Четыре часа и тридцать пять минут спустя, я хотел оказаться где угодно, но не там где находился сейчас — прежде всего на съемках с Эйсом Локком, моим новым парнем. В ту секунду, как я открыл дверь на студию 16 и шагнул внутрь, все стало... ну, странным.

Рон сегодня бушевал, и если я переживал, что сегодня он будет срывать на мне, то не стоит волноваться, потому что не я был на линии огня. Нет, эта честь принадлежала Эйсу, и только Эйсу. С первой реплики до той, которую он повторял уже в двенадцатый раз, ничего, что сказал, сделал или как ударил Эйс, не приносило счастья Рону, и по напряжению в плечах и челюсти Эйса, что не укрылось от меня, — он был близок к взрыву.

— Хватит. Стоп. Стоп! — орал Рон, слезая со своего кресла и выходя из — за камеры.

Сегодняшняя съемка в основном проходила в тесном помещении, где мы стояли вплотную друг к другу вокруг Эйса, который обращался с пламенной речью к своей команде о преодолении врага и о том, кто выступит вместе с ним. Как выяснилось по странным взглядам, которые были устремлены на нас с Эйсом все утро, я мог бы поверить, что если бы это не было утвердительно *прописано* в сценарии, ни один из этих мужчин не встал бы добровольно рядом с Эйсом в данный момент. *Кроме меня, конечно же*, подумал я, продолжая смотреть в пол.

— Ради всего святого, Локк. Это так же пылко, как и мокрая тряпка. В чем твоя чертова проблема сегодня?

Я желал Эйсу сохранять хладнокровие, зная, что обычно он почтительный тип, особенно с Роном, с которым, как он говорил, ему нравилось работать, и он действительно восхищался им. Но после всего, что произошло за последние сутки, похоже, терпение Эйса была на исходе.

— Что со мной не так? — переспросил Эйс и слетел с площадки, на полпути встречая Рона. — Что *не так* — что ты не переставал придирааться с тех пор, как я оказался здесь?

Весь актерский состав парализовало, пока мы наблюдали как два «локомотива» сталкивались головами впервые с начала съемок. И я не упустил того, что все в этом помещении были хорошо осведомлены, что я, вероятно, стал причиной трений и разногласий этим утром. Ну, такое впечатление у меня создалось, пока я сканировал любопытные взгляды, глядящие между мной и напряженной спиной Эйса.

— Если ты постараться изо всех сил, я отстану от тебя, — сказал Рон. — А сейчас, это небрежно и не отрепетировано. Я хочу ощутить, что последую за тобой на конец долбаного света. Хотя сомневаюсь, что ты можешь отыскать свою голову в заднице.

Рон скрестил руки поверх груди, кипя от злости на Эйса, и в тот момент, когда я мельком взглянул на мужчин, стоящих с противоположной стороны подиума, у которого мы все собрались, я перехватил взгляд Рассы. Он с прищуром смотрел на меня, а его губы вытянулись в тонкую линию, и я чувствовал осуждение в его глазах, и молил Бога, чтобы земля разверзлась и поглотила меня целиком.

— Хрень собачья, — наконец — то, взорвался Эйс. Слова прогремели на площадке и отразились эхом от стен. *Господи*, я никогда не видел Эйса таким. — Я идеально доносил

эту речь последние десять или двенадцать раз, что ты заставил меня переснять. Это никак не связано с моими актерскими способностями, и мы оба знаем это.

Лицо Рона побагровело, и он выглядел так, будто дым сейчас повалит из его ушей, и с трудом вдохнул.

— Перерыв, собирай свое дерьмо вместе и возвращайся на площадку через полчаса, — сказал он Эйс, и когда Эйс пролетел мимо него и зашагал к дальнему выходу, Рон вернул свое внимание к нам. — Остальные, поешьте что —нибудь и тоже возвращайтесь через полчаса. Если опоздаете, дверь будет заперта. Ясно?

Когда все начали расходиться с площадки, Рон пошел к противоположному выходу, бормоча, что ему нужно выпить, а я заметил Расс, собравшегося уходить.

— Эй, Расс. Подожди! — крикнул я, побежав за ним. Он не разговаривал со мной, когда я приехал сегодня утром, но мы все были в такой спешке, подготавливаясь к съемкам, что у меня не было времени спросить у него, как прошли выходные или...если на то пошло, причину, почему он смотрит на меня, как на врага.

Он остановился и помахал одному из парней, с которым мы зависали пару раз после работы, а затем повернулся, следя за тем, как я подхожу и останавливаюсь напротив него. Когда стало очевидным, что он не станет тем, кто инициирует разговор, я скользнул рукой в карман своих белых брюк и улыбнулся ему, надеясь непринужденно вернуться к дружбе, которая образовалась между нами.

— Как дела, старик? — спросил я. — Хорошо провел выходные?

Рот Расса приоткрылся, будто он собирался что — то сказать, а затем захлопнулся, и он развернулся, чтобы уйти. *Какого...?* Я потянулся за его запястьем и развернул обратно, и когда он бросил взгляд вниз на мою руку на нем, то быстро сбросил ее.

— Да, было бы лучше, если бы ты держал свои руки при себе, — сказал он. — Не хочу, чтобы твой парень приревновал и избил меня. Бог знает, какое Эйс Локк может нанести повреждение чьему — то лицу.

Меня передернуло на это, и я покачал головой.

— Да, ладно тебе, Расс. Ты же знаешь, что он не такой. Я хочу поговорить с тобой минутку. Хочу понять...

— Я занят, — сказал он и собрался снова уйти.

Чееееерт.

Я встал перед ним и нахмурился.

— Расс.

— Я занят, Дилан. Я звонил вчера, чтобы поговорить. Оказалось, я не стою твоего времени, так что...эй, я умываю руки.

— Это не так. Вчера было...было...безумием, вот чем это было. У меня не было времени разговаривать с...

— Как давно ты трахаешься с ним? Это же Локк. Или все обстоит наоборот? Должен сказать...Мне любопытно, как и остальной части мира. И разве не ты — тот, кто говорил мне, что не готов нырять в отношения сейчас? Угу...довольно очевидно.

Вопрос Расса был настолько грубым и откровенным, что у меня резко закончились все слова. Его взгляд впился в меня, и в тот момент я понял, что наша с ним дружба на этом закончилась.

Это не было моим сознательным решением, что «все, мы больше не можем оставаться друзьями». Но, пока Расс стоял и дожидался от меня подробностей наших отношений с

Эйсом, интимных подробностей, я понял, что хрена с два скажу ему что — то. И никогда бы друг не поступил так, как он.

Я ничего не должен ему объяснять. Мы не встречались; у нас *едва* зародилась дружба. И вот он ожидает от меня чего? Объяснения? Сплетен? Злорадства?

Ну, он глубоко разочаруется. Я начал отступать от него и покачал головой. *Охренеть — как — невероятно.*

— Увидимся, Расс.

Я развернулся на пятках, готовый уйти и разыскать Эйса на фуд — корте, когда услышал крик Рассы:

— Это было на его дне рождения, не так ли?

Но я не стал оглядываться назад.

Катастрофа. Именно в это превратились утренние съемки. Рон был невозможен с первых слов, что вылетели из моего рта, и все, что выходило дальше только больше выводило его из себя.

Я не дурак. Я хорошо осведомлен, что это его такой способ многозначительно намекнуть мне, насколько он разочарован тем, что большинство СМИ воспринимали наш выходящий фильм, вращающимся вокруг главной звезды и его коллеги, а это слишком плохо. Но ни за что я не позволю возможности встретиться с Диланом ускользнуть от меня только из — за того, что это может быть немного неудобным. *Ладно, может, сильно неудобным.* Но несмотря на то, что я сказал Дилану насчет отношений между коллегами, правда в том, что это не незаконно. Это не было прописано в наших контрактах. Это было просто...ну, неодобрением к тому цирку в СМИ, который часто следует за этим — что, безусловно, произошло и с нами.

Да, и это только начало.

Я гонял кусок простой, вареной курицы по пластиковому контейнеру и чувствовал зарождающуюся головную боль в основании черепа. Мне нужно справиться с собой. Это — только начало того, что обещает стать *самыми* трудными месяцами. Прошло два дня с тех пор, как пресса раскрыла, что я с кем — то встречался. И всего лишь вопрос времени — черт, нескольких часов — пока они не сложат дважды два и не поймут, что великолепный мужчина в моем номере в одном полотенце — тот, же мужчина, что в данное время украшал все билборды «Calvin Klein» по всей стране.

Я очень надеялся, что Дилан понимал, на что он согласился...потому что все станет только напряженнее, когда это выяснится.

— Простите? Это место занято?

Я поднял взгляд на мужчину, который только что был в моих мыслях. Он стоял рядом со мной с обеспокоенным выражением на лице, наверняка, интересуясь, остыл я или еще нет. После спектакля с Роном, я не мог винить Дилана за осторожность, и, учитывая широкое расстояние вокруг меня на площадке фуд — корта от команды и актерского состава, было очевидно, что все они тоже ждали, что именно последует дальше.

Но разве могут возникнуть какие — то вопросы? Дилан серьезно беспокоился, что я откажу, что он не сможет сесть со мной? *Простите, но ни хрена подобного.* Какой в этом смысл? Или во всем этом, если на то пошло, если я прогоню его? Все уже следили и

сплетничали, если бормотание, достигающее сейчас моих ушей, было хоть каким — то признаком.

Я выдавил кривую улыбку, а затем указал на стул напротив себя вилкой.

— Вот сюда ты можешь посадить свою сладкую попку.

Обеспокоенное выражение сошло с лица Дилана, и его губы изогнулись в медленной улыбке.

— Сладкую, да? — переспросил он, присаживаясь напротив меня и ставя перед собой свою тарелку. Я с тоской посмотрел на стейк и картошку и кивнул.

— Сладкая. Упругая. Моя. Выбирай.

Дилан посмотрел налево, потом направо, прежде чем вернуть свой взгляд на меня с приподнятой бровью. *Бедный мальчик не совсем уверен, что должен делать. Или что я хочу, чтобы он сделал. Что ж, время исправить это.*

Я потянулся через стол, положил свою руку поверх его и сжал успокаивающе.

— Это нормально со мной разговаривать, знаешь ли.

Дилан наклонился и понизил голос.

— Такая ирония исходит от тебя, не считаешь? Еще на прошлой неделе у меня даже возможности не было смотреть в твою сторону.

— Да, но все меняется, — сказал я, когда он перевернул ладонь, и наши пальцы переплелись. — Я определенно уверен, что большинство людей уже знают, что ты больше, чем просто *смотришь* в мою сторону.

Я заигрывающее подмигнул, и это возымело желаемый эффект. Щеки Дилана вспыхнули, и он рассмеялся.

— Тебя не волнует, что кто — то может сделать снимок?

— Чего? Нас, держащихся за руки? Это менее скандально, чем ты почти голый в моем номере... — я позволил своим глазам задержаться на теле Дилана, а затем перевел взгляд и увидел, как он качает головой из — за меня. — Что?

— Ничего.

— Нет... что? Скажи мне.

— Меня просто удивляет твое такое спокойствие сейчас, думаю так.

— Спокойствие? — переспросил я. — Прости, но тебя разве не было утром на съемках?

Дилан поднял свои глаза на меня, и его губы изогнулись.

— Нет, в смысле... да, я был там. Я не об этом. Рон, ожидаемо, взбешен и срывается на тебе. Но я имел ввиду... — он снова просканировал наше ближайшее окружение — ... несомненно, ты знаешь, что все здесь следят прямо сейчас за нами. Обсуждают нас.

Дилан выглядел таким возмущенным, что я не смог сдержать смешок, который вырвался из меня.

— Да... и? Стыдишься меня, Мечта?

— Ой, я тебя умоляю. Кто в здравом уме будет стыдиться тебя? — мой желудок сделал сальто из — за этих слов, но потом его стянуло, когда он добавил. — Просто все эти предположения, что они делают. Это видно по их глазам, каждый раз, когда они переводят взгляды с тебя на меня. Черт, даже Расс только что спрашивал меня, кто трахает...

Когда Дилан подавился словами и сделал вдох, мне не нужно было продолжения от него, чтобы узнать, о чем его спрашивали. Конечно же, этот белобрысый засранец был здесь, и до того, как я успел остановить себя, я спросил:

— Что ты ответил ему?

— Ничего, — ответил Дилан, а затем нахмурился, вытягивая свою руку.

Твою мать. Да, что за херня со мной? Я не хотел, чтобы это прозвучало обвиняюще. Я знал, что Дилан ничего бы не сказал. Мой вопрос был просто рефлекторной реакцией. То, что так давно въелось в меня, и это было так трудно игнорировать.

— Эй? Прости. Конечно, ты ничего не сказал. Я просто...

— Я понял, — сказал Дилан. — Привычки трудно ломать. Ты привык, что люди треплют своими языками. Но Эйс?

— Да?

— Таким никогда не стану я. Я никогда не поступлю так с тобой. Не причиню тебе такую боль.

И когда я поднял нож, чтобы разрезать мягкую курицу перед собой, я понимал, что это правда. Дилан действительно сделает все, что в его силах, чтобы *не* причинить мне боль. Он рядом со мной открыто, пока мы разбираемся с тем помешательством, которое обрушилось на нас, когда он мог уйти при первых же признаках безумия.

Я чувствовал себя придурком. Мне не нравилось, что я позволил своей досаде из — за этой ситуации перекинуться на него, когда в реальности все, что удерживало меня хоть в половину вменяемым все адское утро — тот факт, что я смогу открыто насладиться обедом вместе с этим мужчиной. Все остальные могли идти к черту. Поэтому я потянулся через весь стол и украл из его тарелки несколько долек картошки — фри. Дилан уставился на меня, когда я сжевал одну, а затем выгнул свою бровь.

— Ох, пожалуйста, — сказал он. — Угощайтесь. Я совсем не хочу ее.

Я подхватил еще одну и закинул ее в рот, прежде чем нацелить на него свое самое сокрушенное выражение.

— Ты даже не планировал, сядься сюда со стейком и картошкой, пока я давлюсь вареной курицей и капустой, поделиться со мной, да?

Дилан отрезал кусок от своего стейка и пихнул его между своих губ. И пока он жевал, он ухмылялся мне, и я был счастлив вернуться к его благосклонности.

— Вообще не так, — ответил он, а затем облизал свои губы. — Все, что мое — твое.

Мой член дернулся на его явный подтекст, и поскольку я не хотел, чтобы наш первый публичный поцелуй — *или тисканье, если на то пошло*, — был во время ланча на съемках, я настроился на кражу его картошки и впился в нее, перед этим сказав:

— Это, мистер Прескот, очень приятно знать.

— Я рад, что ты так считаешь, — сказал он с озорной улыбкой, и я не мог бы сказать, задержался ли кто еще на фуд — корте после этого, потому что смотрел только на мужчину напротив себя.

Глава 5.

Громко и гордо.

— Только не злись, — сказал Эйс с того места, где стоял посреди своего трейлера, застегивая молнию на сумке. Сейчас конец самого худшего дня на площадке — пока, во всяком случае — и под плотным напряжением остального кастинг состава, я пришел в трейлер Эйса, чтобы помыться и переодеться.

Я поднял взгляд оттуда, где сидел и листал один из журналов Эйса «Musclemag».

— Злиться? С чего я должен злиться?

— Потому что половина твоих ежедневных тренировок прекратится.

— Половина моих... О чем ты говоришь?

Эйс раскрыл жалюзи и указал на гладкий, черный линкольн, стоящий на холостом ходу рядом с его внедорожником.

— Боюсь, что ты не сможешь больше ходить домой пешком, так что когда ты не со мной, ты будешь в ней.

— Почему я не смогу ходить домой пешком? Это меньше километра.

— Помнишь толпу, с которой мы столкнулись этим утром?

— Да...

— Привыкай. Они уже наверняка у входа перед студией, а я не могу позволить толпе напасть на тебя.

Я швырнул журнал на диван рядом с собой и подошел к Эйсу, мои ладони легли на его бедра.

— Единственная причина, по которой я буду злиться, если ты отменишь мои ночные упражнения, — сказал я.

— Без вариантов.

— Хорошо. Тогда я буду послушным и не стану жаловаться на водителя.

Эйс ухмыльнулся, и его руки сместились на мою задницу, притягивая ближе для поцелуя.

— Мне не нравится, что тебя не будет сегодня в моей постели, — пробормотал он в мой рот.

— Я бы предпочел не присутствовать там, когда Роджер будет проделывать новую дырку в твоей заднице. К тому же, я должен спать в своей собственной постели в такие дни.

Он оттолкнул меня со стоном.

— Не фанат ни того, ни другого, но...

— Придется столкнуться с этим, хотя я, может, поставлю один из твоих фильмов, чтобы скоротать вечер. Позвонишь мне потом? Дашь знать, что Роджер не придушил тебя голыми руками?

Эйс расхохотался, хватая свою сумку, а затем открывая дверь для меня.

— Ха, он только лает, но не кусается. Но я в любом случае позвоню тебе.

Когда мы вышли из трейлера к своим машинам, я не мог сдержать укол грусти от необходимости разойтись по разным сторонам, хоть это было всего на ночь. Такое ощущение, что мы прожили целую жизнь за последние несколько дней. Эти события прочно укрепили присутствие Эйса в моей жизни, что если бы я остановился и сильно задумался об этом, то меня могло бы напугать, какой курс все приобретает. Но все это просто казалось... правильным. Мы не торопились; мы просто узнавали друг друга, и разве мог я что — то поделаться с желанием проводить все свое время с этим потрясающим мужчиной рядом со мной?

Я мельком взглянул, как Эйс доставал ключи из кармана своих черных джинсов, и затем пошел впереди меня, позволяя моему взгляду бродить по тому, как идеально они сидели на нем сзади.

О, да. И все это мое.

— Увидимся с утра пораньше? — спросил он, оглядываясь через плечо, и когда он заметил, на чем мой взгляд был сосредоточен, то рассмеялся.

— Что смешного?

— Ты. Так приятно, что мы больше не прячемся.

— Что могу поделать, если твоя задница — то, ради чего некоторые люди упали бы на колени?

— Меня волнует одна конкретная личность, падающая на колени передо мной. Увидимся скоро, Мечта, — сказал Эйс, подмигивая, а затем скользнул на сидение своего Range Rover.

Вздохнув, я пошел к задней части Линкольна, поздоровался с охранником Эйса, Френком, и позволил ему увезти себя от мужчины, из — за которого я надорву пакетик со смазкой чуть позже.

И какой я должен поставить фильм с ним, чтобы посмотреть сегодня и получить удовольствие...

— Ох, твою ж мать, — сказал я, когда Линкольн выехал из ворот студии прямо в такое полчище людей со всех сторон обочины, выкрикивающих разные вопросы. Камеры взрывались вспышками, когда мы проезжали мимо. Я спустился пониже на сидении и заслонил лицо своей рукой, как козырьком, пока мы ехали короткое расстояние до моего дома.

Там было ничуть не лучше.

Да вы издеваетесь надо мной, думал я, когда машина остановилась напротив моего многоквартирного здания. Я даже не видел входа на лестницу, которая вела к моей студии, потому что всю лужайку и обочину покрывало море незнакомцев, а когда мы остановились, тихий блок за секунды превратился в полноценное столпотворение.

— Оставайтесь на месте, мистер Прескот. Я провожу вас до дома. Какой этаж?

Я оцепенело назвал ему номер квартиры, и затем он выбрался из машины, пробираясь сквозь толпу, чтобы открыть мне дверь.

Боже мой... Мне серьезно нужно выходить из машины, или я могу прятаться и дальше в ней? Я потянулся за своими очками, которые обычно висели поверх моей футболки, но когда их там не оказалось, я выругался. Затем задняя дверь приоткрылась, и Фрэнк оказался рядом, его рука вытянулась, чтобы отогнать всех, кто находился поблизости. Крики были оглушительными, когда я вылез наружу, и после того, как Фрэнк захлопнул за мной дверь, он опустил свою огромную руку на мою спину и медленно повел меня через давящую толпу. Я чувствовал давление со всех сторон, пока слушал:

— *Что вы можете рассказать о ваших отношениях с Эйсом Локком?*

— *Как долго вы скрывали в тайне ваш роман?*

— *Эйс дал вам роль в «Мятеже 2»?*

Прижимаясь подбородком к груди, а глазами глядя в землю перед собой, чтобы не споткнуться, я позволял Френку вести меня, как казалось, целую вечность. К тому времени, как мы добрались до подножия лестницы, которая вела к моей квартире, я вспотел, и так было, пока Фрэнк не забросил меня внутрь и не захлопнул дверь, а я запер ее за ним, вот тогда я смог сделать свой первый глубокий вдох.

Это сумасшествие какое — то...

Я не видел, чтобы Эйс имел дело с толпой такого размера с тех пор, как познакомился с ним, и глупо позволил себе забыть, что он не просто обычный парень, которого иногда могут преследовать парочка людей. Нет, он — мега — невероятная — кинозвезда, и люди во всем мире знали кто он. Я задумался об этом на минуту. Люди во всем *мире*. Так что это не

просто толпа снаружи, или журналисты, дожидаящиеся на входе в студию, или те, кто преследуют его до дома. Нет, те люди только посланники, кто доносят до тысяч и тысяч людей, которые жаждут всего, что смогут добыть касаясь Эйса. Я потер ладонью глаза и пошел на кухню, чтобы налить стакан холодной воды, выпивая его залпом. Когда я откинулся на столешницу, то наткнулся взглядом на вазу с цветами, которую подарил мне Эйс перед нашей поездкой в Вегас. Смесь ярко — желтых, сиреневых и розовых бутонов была свежа, как и прежде, незапятнанная безумием последних двух дней, и глубоко вдохнув их аромат, я вытащил свой телефон и нажал на звонок.

— Уже соскучился по мне? — послышался глубокий голос Эйса, и казалось, что я был на громкой связи. Я быстро глянул на время, по которому стало понятно, что он еще никак не мог добраться до дома, особенно если кто — то следил за ним.

— Всегда, — ответил я, а затем. — Эйс, они окружили мой дом.

— Что? Там пресса?

— Фрэнк только что протащил нас через...блять, я даже не знаю, сколько человек там снаружи.

— Проклятье, они быстро работают. Я думал, что у нас есть немного времени, до того как они узнают кто ты.

— Не повезло.

Эйс шумно выдохнул.

— Прости...

— Я сказал, никаких больше извинений.

— Да, но они дежурят у твоего дома. И не похоже, что у тебя есть ворота, чтобы сдерживать их. Хочешь, я попрошу Фрэнка привезти тебя сюда?

— Нет, нет, конечно, нет. Они не собираются врываться или еще как — то проникать, я просто подумал...ты должен знать. Вот и все.

— Я серьезно, если хочешь собрать свои шмотки и приехать сюда...

— Тогда я сделаю это. Но все в порядке. Правда. Я просто поужинаю, понаблюдаю за тобой по телику, а потом вырублюсь к чертям собачим. Обещаю.

— Ладно... — Эйс казался неуверенным, но я был непреклонен.

— Повеселись с Роджером.

— О боже. Обязательно. Позвонить тебе потом?

— Буду с нетерпением ждать.

Отключившись, я рискнул войти в свою тесную гостиную и плюхнуться на диван. Затем я щелкнул пультом от телика, и попал прямо в тот момент, когда образ, уставившийся с экрана на меня, был — мной.

Вау. Ладно, это что — то новенькое.

Ведущая широко улыбалась своему напарнику, пока они строили догадки о новом «красавчике» в номере Эйса.

Господи Боже. Я потер ладонями свои глаза, будто мог стереть образы оригинала, но нет, там был я.

Я, стоящий на пороге люкса Эйса в полотенце, обернутом вокруг моей талии, мои волосы зализаны назад после душа, а рот открыт. И там, за моим плечом, стоял Эйс, одетый в то же самое. *Довольно инкриминирующе?* Мы выглядели так, будто принимали утренний душ вместе...что, естественно, так и было.

Следующим снимком, который появился, был, когда Эйс вел меня через лобби отеля

«Syn». Моя голова опущена, но кто угодно мог уловить, что сфотографировали в удачный момент, поскольку Эйс смотрел прямо на них, и взгляд его был взрывоопасен. Потрясающего, цвета грозового неба.

Этот мужчина, безусловно, притягателен, нет сомнений в этом, даже когда он доведен до предела.

Затем мелькнуло фото, которое ведущая прокомментировала, как ее любимое, и я сел прямее, подкатившись к краю дивана, почти в ужасе от того, что увижу.

Это был кадр, когда Эйс открывал для меня дверь, после того как мы прошли мимо папарацци у «Syn», и его рука лежала на моей пояснице, когда он помогал мне забраться в Линкольн. Они показывали отдаленный кадр, охватывающий толпу и нас двоих, а затем приблизили его на руку на моей спине, и ведущая захихикала, как школьница.

— Ох, не знаю, как ты, Брэд, но мое сердце трепещет от того, что, наконец, Эйс появился с тем, от кого он, очевидно, не может держать подальше свои руки.

Брэд, ее со — ведущий, мужчина, который мог бы сойти за Кена, стрельнул в нее яркой, белозубой улыбкой и кивнул.

— Да, будет интересно узнать больше об этом таинственном незнакомце, который, похоже, пленил звезду боевиков, любимца Голливуда. До сих пор Эйс был очень скрытен к своему недавнему и очень публичному камин — ауту. Но учитывая, как взорвалась эта история за последние сорок — восемь часов, и без опровержений того, что мы все видели, — очевидно, что этот мужчина — кто — то особенный, раз Эйс держал его в тайне.

Я нажал кнопку на пульте и телевизор погас. Насколько странно, что люди обсуждают тебя, будто ты часть какой — то конспирации или сговора? И теперь я понимал, что имел в виду Эйс, когда говорил, что все изменится, когда люди узнают, потому что теперь только вопрос времени, когда они выяснят мое имя. Я вообще — то был удивлен, что они до сих пор его не узнали, и тогда весь мой мир попадет под изучение — и не только, каким его вижу я.

Был ли я готов к этому? Блять. Я очень надеюсь, что да.

Когда я проложил себе путь через толпу фотографов к главному въезду на мою территорию, я поехал по подъездной дорожке к гаражу и заметил внедорожник Роджера, припаркованный в стороне и дожидаящийся меня.

Классно. Он рано. У меня даже пяти минут не было, чтобы собраться после охрнительного дня и перед тем как иметь дело с ним. Я нажал на кнопку гаража, и пока тот медленно открывался, я заметил, как дверь машины Роджера открылась, и он вышел на улицу, его взгляд приковался к тонированному стеклу с моей водительской стороны.

О да, он прилично раздражен. Да без разницы. Это мне приходилось иметь дело с людьми, которые имели свое чертово мнение насчет моих с Диланом отношений. После Рона и всей команды «*Мятежа 2*», относящихся к нам, как к прокаженным, поведение Роджера — *последнее*, с чем я хотел иметь дело.

Не прошло и пяти секунд, как я припарковался и выбрался из машины, а Роджер прилип ко мне, как банный лист.

— Ну и, надеюсь, ты гордишься собой, — произнес он.

Я захлопнул дверь и прошел мимо него, чтобы открыть заднюю, наклониться и взять свою сумку. Когда она повисла на моем плече, я развернулся лицом к моему седоволосому, краснолицему менеджеру.

— Громко и гордо, разве ты не слышал?

Глазки — бисеринки Роджера прищурились, и он указал на меня пальцем.

— Ох, считаешь, что настолько хитер, да? Ты знаешь, какую катастрофу учинил за прошедшие два дня?

— Я создал проблемы? Seriously? Хах, не слышал ни слова об этом.

Я протолкнулся мимо него и пошел прямо к двери, ведущей в мой дом. Он следовал настолько близко за мной, что я поразился тому, что он не цеплял носками своих ботинок мои пятки.

— Что ты делаешь?

Я не стал останавливаться; просто закатил глаза и продолжил идти по коридору до гостинной зоны за кухней.

— В смысле, помоги мне понять, Эйс. Почему сейчас? Почему, когда твоя карьера зашкаливает и все, к чему ты прикасаешься, превращается в долбанное золото, ты выставляешь напоказ любовничка?

Я выбрал игнорировать его, пока скидывал свои туфли, решительно настроенный взять пива из холодильника, перед тем как вступить в разговор, но Роджер не отставал.

— Тебе одиноко? Ты возбужден? Мы могли бы осторожно свести тебя с кем —нибудь.

— Ой, иди...

— У него что сорокасантиметровый хер или что? В смысле, скажи мне, что такого особенного в этом мальце, что ты готов поиметь нас всех.

Вот. Оно.

Я обернулся к мужчине, который отвечал за мою карьеру почти десятилетие, и сорвался.

— Для начала, — произнес я и сделал шаг к Роджеру, что вынудило его отступить. *Приятно знать, что он достаточно умен в некоторых аспектах.* — Тебе нужно заткнуться на одну долбаную секунду за всю твою жизнь и послушать меня. Давай — ка проясним несколько вещей. Или возможно, мы должны, наконец — то, выложить все как есть и уяснить, что *не* все так натурально.

Челюсти Роджера сжались, и я мог сказать, что он физически сдерживался от какого — то рода комментария, которое с нетерпением рвалось наружу. Но это было слишком плохо. Я устал и замучался ходить на цыпочках вокруг своей ориентации, и пришло время, когда все узнали это, значит они либо со мной, либо валят к чертям из моей жизни.

Сколько помнил, я в каком — то отношении всегда скрывал то, кто я есть. Было ли это от моих родителей, себя или публики, я всегда скрывался — и с меня хватит. Никто не скажет мне, что это неправильно. Никто не будет говорить дерьмо о Дилане в моем присутствии, и пока он готов мириться со всем багажом, который последует за этим, то Бога ради, я буду бороться за то, чтобы он чувствовал себя настолько комфортно рядом со мной, насколько это возможно для человека.

Начиная с Роджера.

— *Ты работаешь на меня.* Так что я не имею тебя, насколько я осведомлен. Это в действительности никак не повлияет на тебя. Я нанял тебя по одной конкретной причине: позаботиться о моей карьере. *Я плачу тебе по этой же причине.* А не о размышлениях и мнении, чем все в этом мире занимаются прямо сейчас, — я замолчал, чтобы глотнуть успокоительного воздуха, потому что чувствовал, что моя злость может выплеснуться на мужчину, который свирепо уставился на меня в ответ. Мужчину, чьим советом год назад

было: «Оставайся в шкафу, потому что никто не поймет, и твоя карьера пойдет ко дну. Кого волнует, если ты несчастлив в личной жизни в расцвете лет? Быть геем — не очень хорошо для твоего образа».

Мда? Ну и к черту это дерьмо.

— Тут для тебя срочные новости, Роджер. Я — гей. А точнее, я люблю встречаться, обниматься, целоваться и трахаться с мужчинами, и тебе нужно подняться на борт и принять это. Что касается «мальца». Он — мужчина. Его зовут Дилан Прескот. И если я еще раз услышу, как ты его называешь в столь неуважительной манере снова, наедине или публично, я уволю тебя быстрее, чем ты успеешь моргнуть, — рот Роджера распахнулся, и до того как он успел что — то сказать, я перебил его. — Понял?

Он коротко кивнул

— Понял. Полагаю тогда тебе плевать, что всемирно известная реклама «Blue Obsession» отозвала свой контракт. Ну, знаешь, с тех пор как мы раскрыли все карты.

Слова Роджера, как хук справа в челюсть, когда они проникли в мой мозг, и я действительно понял, что он только что сказал.

«Blue Obsession» кинули меня? Серьезно? Я подписал эти бумаги только на прошлой неделе. Мой шок, должно быть, стал очевиден, потому что Роджер ликовал, кивая и скользя руками в свои карманы, в восторге от того, что он нанес свой собственный удар, после моей тирады.

Я поднял руки к лицу и потер его — усталость запредельная. Это, именно то, чего я больше всего боялся, и глупо твердил себе, что этого не будет. Люди боялись иметь дело с актером боевиков — геем, потому что, *черт...ну, раньше никогда не было ни одного такого.*

— Шокирующе, не так ли? Как желания одного человека вызвали проблемы для стольких вокруг.

— Убирайся.

— Что...

— Убирайся, — повторил я.

— Нам нужно...

— Я не хочу разговаривать ни с одной гребаной душой, пока не приду в себя и не подготовлюсь. Это касается тебя, Мартины, прессы, каждого, блять.

— И когда же это случится?

— Черт возьми, я сообщу тебе. Господи, Роджер, — сказал я. — Отвали.

Роджер поднял свои руки вверх, показывая ладони в знак капитуляции, пока пятился от меня.

— У тебя должен был быть план, до того как все об этом узнали.

Я зыркнул на него.

— С чего ты такой полезный, Роджер? Ха, ты даже не воспринимаешь всерьез эту тему, Роджер. Так что не начинай лекции насчет того, что я должен, а что не должен делать. Слишком поздно. Теперь нам нужно разбираться с тем, как все обстоит сейчас.

— И как это?

— Я говорил тебе, когда созрею на разговор с тобой, я сообщу. До этого времени, убирайся из моего дома.

После того, как Роджер неохотно ушел, я защелкнул замок, включил сигнализацию, а затем налил себе выпивку покрепче.

Боже, это был очень долгий день. Весь мой мир распирало на один огромный взрыв.

Тот факт, что я все еще стоял спустя прошедшие сорок восемь часов, был просто чудом.

Когда я сел за островок и сделал еще один большой глоток выпивки, мои глаза пробежались по мраморной столешнице. Разве прошла всего ночь с того момента, как Дилан лежал, раскинувшись здесь, голый и жаждущий, на этом самом островке, чтобы отвлечь меня от разговора с Роджером? Просто удивительно, как только одна мысль о мужчине, которого я знал всего несколько коротких недель, смогла успокоить меня и помогла отключиться от остального мира. И шокирующе было осознавать, насколько сильно я сожалел, что его не было сейчас здесь, рядом со мной.

Глава 6.

Где — то теряешь, а где — то находишь.

— Похоже на то, что ты будешь очень занятым человеком на следующие несколько месяцев, Дилан. Спрос зашкаливает, как и твои рейтинги, поэтому мы выпустим тебя на столько съемок, насколько сможем, — сказала Клодия, мой агент из «JGE Models», протягивая мне толстую стопку контрактов, ожидающих моей подписи, и откинулась назад за своим столом. — Поскольку ты все еще снимаешься в фильме, большинство из этих работ не требуют твоего отъезда на далекие расстояния от ЛА, но когда ты округлишься с «Мятежом 2», ожидай несколько зарубежных поездок. Париж с нетерпением ждет тебя.

Я моргнул, не уверенный, что правильно расслышал ее.

— Париж? Seriously? — когда она кивнула, я посмотрел вниз на брэнды рекламных съемок на следующие несколько месяцев и не мог поверить в свою удачу. Проклятье, та реклама Calvin Klein окупилась десятикратно. — Я никогда не был в Европе, — произнес я тихо.

— Поверь, ты полюбишь ее.

— Уверен в этом. Вау. Это... нечто нереальное. Спасибо, — *твою мать*. Прощайте, студенческие займы. Здравствуй, финансовая независимость.

— Нет нужды благодарить меня. Ты сделал все самостоятельно.

Я поднял руку, чтобы пробежаться ею по волосам по привычке, но замер, когда мои пальцы наткнулись на короткие, колючие прядки. Видимо, мне придется прикупить немного Miracle — Gro, чтобы снова отрастить их длинными, когда закончатся съемки фильма.

— Оставь так, — сказала Клодия. — Колючие тебе больше идут.

— Seriously?

— Это образ, по которому люди начали тебя узнавать. Нежелательно менять его пока.

Образ, по которому они узнают меня?

— Но... было длиннее для рекламы Calvin Klein. Что ты имеешь в виду под «люди начали узнавать меня»? Я не снимался больше нигде, кроме фильма с тех пор, как подстригся.

Глаза Клодии засияли под проволочной оправой ее очков.

— Кроме горячей откровенности, опубликованной на обложке каждого журнала страны. Мой телефон разрывался несколько недель, с тех пор как вы, ребята, ворвались на сцену.

Что? Погодите секунду...

Подняв руку вверх, я сказал:

— Эм, постой. На кого конкретно под «люди начали меня узнавать» ты ссылаешься?

Она кивнула на бумаги в моих руках.

— Те, кто важны.

— И когда именно они потянулись к тебе за мной?

— Хмм. Я бы сказала...три недели назад, возможно? Я должна перепроверить, но это было безостановочно.

Три недели назад...

От меня не ускользнуло, что три недели назад — ровно столько времени прошло с нашего с Эйсом возвращения из Вегаса. Если наши отношения послужили причиной, по которой я получил все эти предложения, то мне нужно выяснить это до того, как я подпишу любой из этих контрактов.

— Клодия...могу я спросить, почему эти компании так внезапно подтянулись? Это никак не связано с моей...личной жизнью. Так?

Она залиvisto рассмеялась и потеряла жемчуг на своей шее.

— Ох, Дилан. Конечно, из — за этого. Твоя реклама для Calvin Klein уже создала много шума вокруг тебя, но сейчас ты — парень, который находится в объятиях самой сексуальной звезды на планете. Люди просто ломаются, чтобы заполучить тебя.

Мой рот распахнулся. *Парень в объятиях самой сексуальной звезды на планете...* Это все, что потребовалось?

— Эм... — сказал я, потирая тыльную сторону своей шеи. — Не уверен, что это для меня нормально.

— Ну, а что ты ожидал, что произойдет, когда вы станете встречаться?

Что это сохранится в тайне, было моей первой мыслью, но следующей было: *Чего я ожидал?* Что наше появление на публике не станет таким уж событием ни для кого? Так невероятно наивно было подумать о таком с моей стороны.

— Так получается, эти компании хотят меня из — за того, с кем я? — переспросил я.

— Они совсем не так говорили. Но прежде чем проснется твоя совесть, вот, что тебе необходимо понять о том мире, в котором ты оказался: здесь все построено на народном спросе, и когда ты попадаешь на большую волну, тебе нужно преодолеть ее.

— Большую волну? Благодаря моему парню?

— Ты знаешь, как тебе повезло? Большинство людей не получают Gucci и обложку GQ.И совершенно не важно, как этого добились. Важно, что ты будешь делать, когда получишь такой шанс, поэтому не упрямясь. Используй то, чего добился в свою пользу.

Используй, чего добился? То есть использовать Эйса. Это она подразумевала?

Я прикусил свою нижнюю губу и снова перечитал список на своих коленях. Это компании мечты — те, благодаря которым ты получишь всемирную известность и оплатишь студенческие займы и мега — ипотеку, и останется еще достаточно, чтобы купить небольшой остров. Ладно, может, я немного преувеличил, но эта цифра была намного больше той, которую я ожидал увидеть за всю свою жизнь. Но теперь все это казалось...запятнанным. Как будто я не сделал ничего, чтобы заслужить все это, кроме как встречаться с мужчиной, которого я выбрал бы, и не важно, какой была бы его профессия.

— Мне нужно немного времени подумать об этом, — сказал я.

— Подумать о чем? — брови Клодии взлетели до линии роста волос. — О чем тут думать? Это колоссально. Это сделает твою карьеру...

— Которой бы у меня не было, если бы не определенный человек, разве не так? — когда она захлопнула свой рот, я иронично рассмеялся и встал. — Я дам тебе ответ в течение

недели.

Клодия уставилась на меня так, будто у меня выросло две головы, когда я скрутил контракты, а затем запихнул их в задний карман своих штанов. Коротко кивнув, я покинул ее кабинет и пошел вглубь коридора, который выходил в лобби агентства. И прежде чем направиться к входной двери, я достал свои очки и ключи от прокатной машины, на которой ездил последние пару недель. А затем, глубоко вдохнув, я толкнул дверь, чтобы столкнуться с десятками папарацци, которые, казалось, преследовали меня на каждом шагу в последнее время.

— Эйс, какого это потерять роль Разрушителя в фильме Нормана Роквелла?

— Вы с Диланом Прескоттом живете вместе?

— Эйс, что вы думаете о том, что СМИ называют вас двоих ПресЛокк?

Когда я заезжал в главные ворота своего района и оставлял крики журналистов, выстроившихся в ряд по обочинам, позади, мой мобильник зазвонил, мелодия указывала на того, кто звонил намного чаще в последнее время, несмотря на нашу размолвку, несколько недель назад. Закончились светские беседы, а на их место пришли короткие, разговоры «по делу».

— Роджер, — поприветствовал я, когда ответил.

— Боюсь у меня плохие новости.

— Еще больше? Это становится обыденностью.

— Студия Main Line решили найти кого — то еще для «*First Watch*».

Желудок ухнул. Меня не удивила потеря роли в «*Разрушителях*», даже не моргнул — часто — когда Blue Obsession и Ashland кинули меня в качестве представителя. Но я фанат «*First Watch*» комиксов с детства, и это был главный удар под дых, — потерять то, чего я ждал более двух лет.

Глубоко вдохнув, я проехал свои ворота и заехал в гараж.

— Могу я спросить почему?

— Ты знаешь так же хорошо, как и я, что они не обязаны объяснять причину.

— Это персонаж в трико, ради всего святого. Думаешь, у них хватило бы ума оставить меня ради этого.

Роджер молчал, но я знал, что на кончике его языка была остроумная шпилька, только и ожидающая, когда ее выпустят. Не нужно говорить, чтобы я услышал ее.

— Прости, что я доносчик таких плохих новостей, — сказал он. — Возможно, ты сможешь взять тот отпуск на Бора — Бора намного раньше, чем думал.

Черт, по уровню загрузки моего расписания было очевидно, что я могу уйти в отставку в течение нескольких недель.

— Точно. Спасибо.

Я нажал на «отбой» и, заглушив двигатель, сполз по сидению. Прошедшие три недели отправили мою карьеру в крутое пике, компании разлетались вправо и влево до неизбежного крушения. Я знал еще тогда, сидя в президентском люксе «Syn», что все пойдет под откос. Но никогда в своих самых безумных мечтах, я не подумал бы, как хреново все может стать.

Эйс Локк — тонущее судно. Уместно, учитывая предпосылку фильма, в котором я сейчас снимался. И худшая часть всего этого, что Дилан, вероятно, пойдет на дно вместе со

мною.

Его арендованная машина была уже припаркована рядом с моей, поскольку у нас был выходной от съемок, и он воспользовался ключами, которые я дал ему, чтобы попасть внутрь.

Страшно подумать, насколько важным он становился для меня за такой короткий промежуток времени, но пока я выбирался из своей машины и направлялся в дом, чтобы найти его, звук его, стучащего чем — то на моей кухне, стал первым кусочком радости, закрывшимся в мой день.

Как у него так просто получается сделать все чуточку менее безнадежным? Какого рода магией он обладал, что только один его вид заставлял меня забыть, в какой катастрофе находилась сейчас каждая часть моей жизни?

И когда я ступил в открытую зону гостиной, которая соединялась с кухней, я сбросил свою сумку на пол и ждал нужного момента... *И вот он.* Дилан обернулся на меня через плечо, стоя перед раковиной с включенной водой, и медленная улыбка заиграла на его губах.

Боже мой. Это всегда было разрядом в сердце, — видеть его здесь, в моем доме. Понимать, что он выбрал остаться здесь со мной, даже не смотря на все то дерьмо, что последовало за этим.

Я пошел по плиточному полу в его направлении, и когда подошел ближе, я заметил, что он держал стальной дуршлаг в раковине, наблюдая за моим приближением. Когда я обошел островок и остановился рядом с ним, я заметил его босые ступни, поношенные джинсы и обычное, синее поло, и подумал, что он никогда еще не выглядел таким красивым — или родным.

— Привет, — сказал он, когда я устроился рядом с ним, мое бедро упиралось в раковину.

Я заглянул через его плечо в дуршлаг, чтобы узнать что там, и благодарно застонал на приготовленную пасту «ракушки», которую он промывал.

— Привет, — сказал я и наклонился, чтобы прижаться поцелуем к его виску. — Хорошо бы поговорить...но что бы ты ни готовил, пахнет божественно.

Дилан нахмурился, а затем дотянулся до смесителя, чтобы перекрыть воду, встряхивая дуршлагом. Когда он поставил его над пустой кастрюлей на столешнице рядом с собой и подцепил полотенце, чтобы вытереть руки, он развернулся и зеркально отразил мою позу. Бедро упиралось в раковину, а руки скрещены.

— Не так быстро, красавчик...Мы обещали, что будем рассказывать обо всем, и не важно плохо или хорошо. Помнишь? Ты не хочешь ничего мне рассказать? Или после ужина?

— Позже...после него. Мы можем поговорить об этом *после* ужина. Не хочу портить твой кропотливый труд и хорошую еду.

Лицо Дилана исказила гримаса.

— Все так плохо?

Я постарался беззаботно пожать плечами, но уверен, что он понимал — я в полном дерьме.

— Все одно и то же. Просто...

— Да?

Я сделал глубокий вдох, перед тем как судорожно выдохнуть.

— Это просто намного *хуже*, чем я ожидал. Как это пережить. Знаешь? Вместо того,

чтобы гадать когда «*что если*» произойдет. Это...просто пугает, как все быстро рушится. Ты понимаешь, о чем я?

Я не мог спокойно смотреть на Дилана, когда прошедшие несколько недель начали воспроизводиться в моей голове. Как мы ездим на работу, мне сообщают плохие новости, мы возвращаемся ко мне домой и обсуждаем это. Затем в зависимости от времени суток и количества людей, от которых мы увернулись или столкнулись на нашем пути, мы проваливались в сон в течение нескольких секунд. Иногда Дилан даже уходил к себе домой, если чувствовал себя особенно храбрым, а затем несся по лестнице вверх, как будто на какой — то олимпиаде по подъему по долбаной лестнице, чтобы избежать щелкающих камер.

Господи. Кто я такой, раз заставляю его проходить через все это? Так жить — не вариант. Так даже невозможно встречаться. Но, что останавливало меня от того, чтобы отпустить Дилана, — что останавливало меня от того, что, как я знал, было бы самым легким решением для нас обоих и завершением всего — были все без исключения эмоции, что кружились в глазах Дилана, когда бы он ни посмотрел на меня, так же как и сейчас. Эти необыкновенные глаза были полны сочувствия, желания, понимания и одной эмоцией, я начинал верить, была...любовь?

Он уронил свои руки по бокам и сделал шаг вперед, положив ладонь на мою грудь и сказав:

— Понимаю. Отлично понимаю. Никто не знает, как бы почувствовал себя в твоей ситуации. Не только в той, где ты имеешь дело со всем миром, который заинтересован в твоём партнере, а намного позначительней...ты имеешь дело с «выходом из шкафа». Ты просто не говоришь об этом, это просто заметно. А это может напугать любого. Даже вас, мистер Локк. Так что тот факт, что ты находишь это трудным для преодоления, не делает из тебя меньше человека, мужчину, или, черт, даже знаменитость. Потому что *никому* не приходится делать то, что делаешь ты, — затем Дилан наклонил свое лицо в бок и мазнул нежным поцелуем в уголке моего рта. — Думаю, это делает тебя невероятно мужественным.

Он собрался отступить на шаг назад, но я был быстрее. Я раскрыл свои руки и обнял его за талию и удерживал на месте, опуская голову, упираясь своим лбом в его и закрывая глаза.

— Я не ощущаю себя смелым, — прошептал я. — Я чувствую, как все сбегает от меня. Дилан прикоснулся пальцами к моей щеке, и пока гладил ими вдоль линии моей челюсти, он сказал:

— Я — нет.

Я открыл глаза, чтобы увидеть, как его губы искажались в ухмылке.

— Нет, не ты.

Он откинулся назад в моих объятиях и покачал головой.

— Неа. На самом деле, я абсолютно уверен, что скоро тебя будет тошнить от меня, из — за того сколько времени я провожу здесь.

— Это невозможно.

— Ха, это сейчас ты так говоришь, — сказал Дилан, а затем закинул свои руки мне на шею и чмокнул в губы. — Но это потому, что ты можешь отправить меня домой, когда тебе захочется.

На этот раз, когда он отступил на шаг, я отпустил его, шлепнув по заднице. Когда он добрался до плиты и потерял ладонью свою пострадавшую попку, он оглянулся на меня с притворно хмурым выражением лица и пообещал, что я заплачу за это позже. И это было еще одной причиной, по которой я смирюсь со всем, с чем придется, чтобы удержать Дилана

в своей жизни. Его врожденная способность делать даже самые мрачные дни чуточку светлее.

После того, как мы проглотили достаточно пасты, чтобы пробежать несколько дополнительных миль на беговой дорожке в тренажерном зале Эйса завтра утром, мы устроились бок о бок в уютной гостиной зоне перед камином на заднем дворе дома Эйса, и я уютно свернулся рядом с ним. Его настроение слегка оттаяло после его приезда домой, и я был доволен, что смог сделать это для него. Успокоить его, пока он переживал все это дерьмо. Это сводило с ума — сидеть и смотреть, как спонсоры, режиссеры и продюсеры продолжали отказываться от него, а когда он наконец — то рассказал мне, что роль в «*First Watch*» сорвалась, мое сердце разбивалось из — за него. Я помню, в каком он был восторге, когда рассказывал мне о выходящем фильме и что участие в нем, как воплотившаяся мечта, поэтому сегодня эти новости стали самым большим ударом за последнее время.

Когда его рука обняла меня за плечи, и он притянул мое тело к себе, я положил ладонь на его грудь и закинул ногу поверх. Когда я практически обвился вокруг него, Эйс взял мой подбородок между своих пальцев, приподнял мое лицо к своему и трепетно поцеловал. *И вау... Кто бы мог подумать, что Эйс — один из самых ласковых мужчин на планете?*

— Мне уже тошно от разговоров о себе, — сказал он. — Такое впечатление, что только этим я и занимаюсь в последнее время. Как прошла твоя встреча с агентом?

Чеееррт. Я не знал, как Эйс воспримет это, поэтому вместо того, чтобы ответить, я решил, сосредоточиться на первой части его предложения.

— Ой, ну не знаю. Мне вроде как нравится эта тема. Я немного эксперт в ней, — когда тихий рокот завибрировал в его груди подо мной, я начала вываливать всю его статистику. — Полное имя — Эйс Сэмюэль Локк. Тридцать три года. Рост — почти 190 см и вес приблизительно 100 кг. У тебя каштановые волосы, пронзительные, голубые глаза, и я бы сказал двадцати — сантиметровый член, возможно плюс три или больше см...

— Ты серьезно? — спросил Эйс и сел прямо, а я чуть не опрокинулся с него. Я потянулся и вцепился в его бицепс, чтобы удержать себя на месте. — Ты не мог узнать размер моего члена из интернета!

Я сдерживал свои губы в серьезном выражении и наигранном шоке.

— Ты не знал?

Он удерживал мой взгляд достаточно долго, что я больше был не в состоянии сдерживать смех, а когда он повалил меня на спину и прижал, то проехался своими бедрами по моим и зарычал.

— Думаешь, это очень смешно, да?

Я выгнулся вверх, чтобы укусить его за подбородок, но Эйс сместил голову в сторону.

— А ты беспокоился, да?

— Ну, в последнее время меня ничего не удивляет. Но если это было так, тогда да, я был бы в шоке, — он замолчал, нависая надо мной и удерживая мои руки над моей головой. — Но ты очень точно предположил, учитывая обстоятельства.

Я обнял его талию своими ногами и дернулся вверх под ним.

— Что могу сказать? Я в некотором роде эксперт и в этом.

Он расхохотался, а я улыбнулся его веселью. Это происходило так редко и недостаточно

долго в последнее время, что было приятно послушать, и заставило меня засомневаться в продолжении разговора об остатке моего дня. Я собирался попытаться убедить Эйса, оставить эту тему, когда он перекатился на бок и притянул меня к себе.

— Расскажи мне, как прошел твой день, Дилан? Как прошла встреча с твоим агентом?

Я поджал губы, и когда отвел взгляд, Эйс позвал меня по имени, привлекая мое внимание обратно к себе.

— Что случилось? Что — то плохое? Тебя уволили? Кинули...

— Нет. Нет. Ничего подобного. Вообще — то...все наоборот.

Эйс склонил голову вбок, пока я обгладывал свою нижнюю губу. *Блять. Черт.* Почему это должно быть так чертовски сложно?

— Наоборот? Это должно быть...хорошим. Правильно?

Я кивнул, и Эйс потянулся, чтобы разгладить морщинку, которая, я чувствовал, отпечаталась между моих бровей.

— Почему ты так волнуешься? Расскажи мне.

— Ну...дело в том, что мой агент вся такая радостная, потому что я получил предложение за предложением от крупных клиентов. В смысле, таких...действительно, *крупных* клиентов, Эйс. *Gucci, GQ, Italian Vogue*, и они даже хотят, чтобы я полетел в Париж и...и...

— И что? Это фантастика, — сказал Эйс. — Серьезно, потрясающие новости.

— Нет, — ответил я и покачал головой. — Ты не понимаешь. Единственная причина, по которой я получил все эти предложения, — из — за тебя. Из — за нас. Они не были заинтересованы во мне раньше и, вероятно, не заинтересовались бы...

— Замолчи на одну чертову секунду...

— Эйс.

— Я сказал — замолчи.

Я захлопнул свой рот и ждал того, что бы он ни собирался сказать, понятия не имея, как он отреагирует. Но когда появилась ухмылка, такая широкая, что грозила выйти за пределы его лица, я почувствовал...растерянность.

— Ты не понимаешь, так ведь? — спросил он.

Я сощурился, пока взгляд Эйса блуждал по мне.

— Не понимаю что?

— Что видят все, когда смотрят на тебя. Дилан, ты добился этого не из — за меня...

— Да, я...

— Шшш... — сказал он и приложил палец к моим губам. — *То есть*, возможно, это произошло чуточку быстрее, благодаря тому, что открылось в Вегасе и всему, что произошло потом. Но они обратились к тебе не из — за этого. Если бы ты был типичным таким парнем, журналы по всему миру не выстраивались бы в очередь, чтобы разместить тебя на своих обложках. Нет, мистер. Ты уже был на своем пути. У тебя лицо ангела. Оно идеально. Я считал так даже до того, как узнал тебя. Черт, я обычно проезжал на несколько миль больше, чтобы *просто* увидеть тебя. Все это ты получил лишь своей собственной заслугой, и тот факт, что они заметили тебя чуть раньше — всего лишь бонус.

Интересно, мои глаза так же широко раскрыты, как и рот, который, я уверен, распахнулся. Вау. Это совсем не то, чего я ожидал.

— Ты же согласился, да? Ты подписал контракты?

— Ну, нет, — произнес я. — Я хотел подумать об этом. Обсудить с тобой.

Губы Эйса изогнулись, когда он прижался ими ко мне.

— Ты очень милый, Дилан Прескот.

— Эй, не пытайся меня отвлечь.

— Я и не пытаюсь. Здесь нет ничего такого, что действительно нужно обсуждать. Это удивительный шанс, тот, преимуществом которого тебе нужно полностью воспользоваться. Именно так все работает в этой индустрии. Связи, люди, знакомства с другими, — он замолчал и поцеловал меня снова. — Ты заслужил это.

Мое сердце сжалось от его искренности, и от того каким великодушным он был, что даже в самое худшее время своей карьеры, он был здесь, рядом, поддерживал меня, искренне гордился мной.

Глава 7.

Залет.

Я практически затаил дыхание, когда Эйс прохромал по палубе спасательного корабля, пристально всматриваясь в то, что осталось от уничтоженного корабля *ВМС США*. С того места, где я сидел за камерой, у меня открывался вид на его сильную спину, его военную форму, что больше походила на лохмотья, чем на идеальную, которую он носил в начале фильма.

Это был последний день съемок, после длинных двенадцати недель, и хотя моя последняя сцена была отснята несколько дней назад, я не планировал упускать важную, финальную сцену Эйса. Сказать, что мой первый опыт съемок в фильме был странным, станет преуменьшением века. Обстановка между нами, командой и актерами так и не оттаяла, и по сути мы проводили большую часть времени в трейлере Эйса, избегая взглядов, чем собственно съемок.

Ну, не сказать, что время, проведенное в трейлере Эйса, было не *очень* плодотворным.

Поскольку у меня не было планов продолжать сниматься в фильмах, я впитывал оставшиеся минуты, наблюдая за своим мужчиной со стороны. Площадка полностью замерла, когда одна из камер поймала реакцию Эйса на разруху перед ним, и на тот факт, что он выжил. Жаль, что я не видел его лица, но я чувствовал настроение, которое он установил, видел напряжение его плеч и то, как он вообще держался.

— Папочка!

Маленький мальчик, около четырех, бежал прямо на Эйса, который дернулся, разворачиваясь на звук. Даже через все расстояние помещения я видел слезы в его глазах и улыбку, что осветила все его лицо, когда он похромал к мальчику, — все это заставило меня сильнее прикусить свою нижнюю губу. Когда он подхватил малыша в свои большие руки и обнял теснее, его взгляд уловил женщину со светлыми волосами, которая нерешительно шла в его сторону. Слезы струились по ее лицу, и когда она, наконец — то, остановилась напротив Эйса, он притянул ее к своей груди и поцеловал в макушку. Картинка их троих, созданная напротив зеленого экрана, который был установлен для заката на заднем плане, вызвала парочку слышных шмыганий носом, а затем камеры медленно удалялись, полностью открывая воссоединение и счастливый конец.

— Стоп. Снято! И на этом заканчиваем с «*Мятежом 2*»! — закричал Рон, и оставшаяся часть команды и актерского состава взорвалась аплодисментами и свистом.

Я встал и захлопал вместе с ними, когда Эйс опустил мальчика вниз, а затем потерял тыльную сторону своей шеи. Когда он поднял взгляд, его глаза встретились с моими, а улыбка, которую он подарил мне, сильнее растопила мое сердце, чем сцена, которой мы все стали свидетелями.

Когда Эйс направился в мою сторону, Рон продолжал говорить, но я не мог бы сказать, о чем. Я сосредоточился исключительно на роскошном — пусть и немного потасканном — мужчине перед собой.

— Поздравляю, мистер. Потрясающая сцена, — сказал я.

Улыбка Эйса стала шире.

— Слышать это от своего самого большого поклонника — многое значит.

— *Я определенно твой самый большой поклонник в постели, и не забывай об этом. И твои фильмы мне нравятся тоже.*

Он рассмеялся и толкнул меня.

— Задница.

— Ммм, и это мне нравится тоже.

— Ох, да? Возможно, я позволю тебе поцеловать ее позже.

— Возможно, я сделаю больше этого, — потом я подмигнул ему и сказал. — Итак, каковы ощущения? Ты закончил.

— Ну, за исключением всех повторных и дополнительных съемок, да. Это кажется... облегчением, честно говоря.

— Знаешь, я понятия не имею, что за повторные съемки.

Рука Эйса легла на мои плечи, и он повел нас туда, где стояли Рон и камеры.

— Как насчет того, что я объясню тебе это сегодня, *после* того, как ты сделаешь, что обещал мне.

— Я «за» в этом...

Он напоследок сжал меня, а затем его рука покинула меня, потянувшись вместо этого к Рону.

— Просто хочу поблагодарить тебя. Думаю, фильм выйдет потрясающим, и я горжусь, что стал его частью, — сказал Эйс.

Проклятье. Должен признать, что этот парень был намного великодушнее, учитывая трудности, который Рон создавал ему последние недели. Ни за что, черт возьми, я не сделал бы то же самое, особенно после того, как Рон разглядывал руку Эйса, прежде чем неохотно пожать ее.

— Всегда рад, Эйс, — сказал он, и я не упустил то, что он не смотрел в мою сторону. Когда Рон отпустил его и убрал свои руки в карманы, он откинулся на своих пятках. — И, эм... В смысле, я хотел поговорить с тобой до того, как ты уйдешь.

Он собирался извиниться? *Ему же, блять, лучше.* Эйс заслуживал хотя бы это.

— Ты упоминал до этого, что собираешься закатить вечеринку по поводу окончания съемок, и я просто хотел убедиться, что все еще в силе. Озвучить это для всех, до того как они уйдут сегодня и все такое.

Ты, блять, серьезно?

К его чести, Эйс даже бровью не повел. Вместо этого, он спокойно ответил:

— Конечно. Я попрошу своего ивент — организатора разослать всем детали на электронку.

Рон хлопнул Эйса по плечу и кивнул.

— Классно, — затем он развернулся и пошел обратно к деконструкции его установки.

Даже не раздумывая об этом, я потянулся к руке Эйса, переплетая наши пальцы. Спустя месяцы такой осторожности в демонстрации наших отношений на глазах у всех, мне было насрать на то, что эти уроды подумают. Как кто — то в здравом уме мог обращаться с мужчиной рядом со мной, кроме как с абсолютным уважением и восхищением? Он бы отдал свою рубашку незнакомцу. Он организовывал глупую прощальную вечеринку и тратил собственные деньги, чтобы убедиться, что люди, которые отвернулись от него, все равно хорошо проведут время. Я прикусил язык, вместо того, чтобы высказать все, что чувствовал.

Когда мы покинули звукозаписывающую студию, оказалось, что мне тяжело держать собственный язык за зубами.

— Почему ты это сделал?

— Иногда приходится мириться с этим и быть командным игроком.

— Или ты можешь просто послать их всех на хер.

— Я сделал это в своей голове.

— Это не то же самое.

— Какой смысл опускаться до его уровня? От этого все станет только хуже.

— Но этот парень собирается сделать херову тучу денег на тебе, когда выйдет этот фильм. Последнее, что он мог сделать, это сказать: «Прости, я был мудаком, и должен быть более понимающим и обращаться с тобой, как с человеком, личную жизнь которого украли и выпустили в мир, чтобы все ее обсудили»

Эйс поднял наши руки и поцеловал мои костяшки.

— Спасибо. Но все в порядке.

— Не в порядке.

— Мы должны отпустить это.

Когда мы вошли в трейлер, я вздохнул, но глубоко в душе понимал, что он прав. Хотя я не считал это справедливым. Эйс постоянно удивлял меня в том, каким человеком он был. Каждый день он показывал мне свои разные стороны. Стороны, которые я никогда не представлял, что кто — то подобный ему мог иметь, и сегодня это было смирение.

Здесь был человек, который по всем меркам, был очень влиятельным игроком в этом бизнесе. И все же он проводил последние несколько недель, делая все, что в его силах, чтобы сохранить мир на съемках. Он делал все возможное, чтобы было менее неловко для меня и всей чертовой команды, когда в действительности он мог вести себя, как эгоист и требовать того, что я наверняка даже не мог представить. Я так же понимал, что он был способен уволить Расса в мгновение ока, и поскольку он не сделал этого, от этого он казался...ну, казался просто охренительно — невероятным.

Я бросил взгляд на то, как он расстегивал воротничок своей рваной военной куртки и как рылся по всей сумке в поисках телефона. Когда он обнаружил его, он уселся за небольшой кухонный стол и прокрутил номера в своем телефоне, несомненно, выискивая номер организатора мероприятий, и когда я захлопнул за собой дверь, он поднял глаза и кривовато улыбнулся в мою сторону.

— Ты выглядишь довольно серьезным, Дилан, — в его голосе присутствовало веселье, но оно не достигало его глаз. — Ты в порядке?

Я медленно кивнул и пошел туда, где он сидел. Я потянулся за телефоном и положил его на стол, и когда обхватил его лицо с одной стороны и опустил свои губы к нему, я сказал:

— Я просто замечательно.

Эйс отстранился немного и приподнял бровь.

— Замечательно, м?

— Мхмм. Я просто подумал...

— Как всегда опасное занятие, — сказал он и поднял ладонь, чтобы положить ее прямо поверх моего сердца, и мне стало интересно — мог ли он почувствовать, как оно колотилось?

— Нет. Не в этот раз, — сказал я.

— Нет?

— Неа. Я просто подумал, насколько ты прекрасен.

— Ладно, льстец...

— Я серьезно, — сказал я, поднося вторую руку, чтобы устроить его лицо между моих ладоней. — Я бы хотел, чтобы ты на один день стал мной, чтобы увидеть, насколько неопишимо смелым, милым и экстраординарным человеком ты являешься. У тебя есть так много всего, Эйс, но...ты намного щедрее и скромнее, чем все, кого я знаю.

— Дилан...

— Шшш, — прошептал в его губы. — Я просто хотел, чтобы ты знал, что я... — я сдержал себя в последнюю минуту, и когда его взгляд впился в меня, меня парализовала масштабность эмоций, затопивших мое тело.

Боже, как так произошло, что за двенадцать недель этот мужчина полностью перевернул мой мир с ног на голову?

Но это так. Эйс заставил меня захотеть того...того, о чем я никогда не думал раньше. Того, что, я всегда полагал, *никогда* не захочу.

— Ты...? — спросил он, но мой разум сменил направление. Все эмоции размылись и превратились в нечто совершенно другое, а потом я совершенно неожиданно спросил:

— Ты хочешь детей?

Судя по его ошарашенному выражению лица, я мог бы с тем же успехом спросить — не серийный ли он убийца. Его глаза расширились, а рот распахнулся, и он выглядел настолько сбитым с толку, что я не смог остановить смешок, который вырвался из меня.

— Эм... — произнес он.

Он казался настолько потрясенным, что заставило меня рассмеяться только громче.

— Прости...но тебе нужно видеть свое лицо прямо сейчас...Клянусь, я не беременный, — когда я снова начал хохотать, рот Эйса захлопнулся, и он поднял свои руки вверх к моим запястьям, обхватывая их и утягивая меня за собой в кабинку. Он откатился по сидению назад, пока не привалился спиной к стене, а я неловко не распластался на нем.

— Ну, прости, что ты слегка выбил меня из колеи, — сказал он.

— Слегка?

— Ладно, охренеть как. Но это не то, что я ожидал услышать, после всего, что ты сказал.

Я нацелил ухмылку в его сторону, пытаясь принизить тот факт, что находился в трех секундах от того, чтобы вручить большую часть себя, чем смог бы вернуть, реши Эйс, что он не...

— Эй? — спросил он. — Ты куда?

— Ам?

Теперь пришла очередь Эйса усмехнуться.

— Да, *что* с тобой? Твои мысли явно не здесь.

Я вздохнул, понимая, что он прав. Возможно, я просто разваливался после съемок или что — то в этом роде. Но я чувствовал себя до странности сентиментальным. Как будто все мои чувства были здесь, прямо на поверхности.

Я погладил пальцами его щеку.

— Просто я подумал, что ты стал бы удивительным отцом, вот и все. И мне было любопытно.

Он прищурился.

— Не думаю, что это все, *но* отвечая на твой вопрос. Да, думаю однажды и... — его взгляд так намерено удерживал мой, не давая и шанса смотреть куда — то еще, и намек был кристально очевиден, до того, как он даже сказал об этом. — ...С правильным человеком, я бы определенно рассматривал возможность завести детей. А ты?

— На самом деле, я никогда не думал, что захочу, учитывая то, где я родился и все такое. Но... — я пожевал свою нижнюю губу, внезапно сожалея, что не смог удержать свой проклятый рот на замке.

— Но?

Мой взгляд был приклеен к нему, и я решил, что сейчас или никогда действительно просто выложу все это.

— Но наблюдая за тобой на площадке сегодня, я задумался, а «что если».

Ухмылка, которая изогнула губы Эйса, была такой самодовольной, и впервые с тех пор как мы вошли в его трейлер, его глаза осветило то же веселье, которое передавала его улыбка.

— Ты пытаешься намекнуть мне, что хочешь залететь от меня? Потому что, Дилан, должен сказать тебе, у меня довольно, могущественные, активные мальчишки, но никакое количество травки — горянки не поможет *этому* произойти.

Теперь пришла моя очередь ловить челюсть, а когда Эйс начал надрывать живот от смеха, я врезал ему по руке.

— Хрен.

— Ау, но ты только что сказал, что я удивительный.

— Удивительный хрен.

— Но не достаточно волшебный, чтобы ты забеременел.

— Не мог бы ты *прекратить* повторять это. Это подбешивает меня.

Раскатистый смех Эйса вибрировал по всему его телу, когда он обнял меня за талию, и наконец — то, спустя минуту или две, когда его веселье поутихло, он погладил мою спину вниз до задницы и притянул настолько близко, насколько возможно.

— Это нормально заглядывать в будущее и думать о том, что может быть, Мечта.

Я положил свою голову на его плечо и закрыл глаза.

— Знаю. Все это просто так быстро происходит. Иногда мне приходится ущипнуть себя, чтобы поверить в реальность всего этого.

Я ощущал его губы на своем виске, а затем он прошептал.

— Это реально. Так что поверь. Планируй. Верь в это.

Я кивнул, а затем наклонил голову, чтобы увидеть, как он смотрел на меня. На его лице была нежная улыбка, и впервые за весь день он выглядел расслабленным, и я понимал, что так долго, сколько мы пробудем вместе, будущее будет ярче, чем никогда.

Люблю большие буйки и не стану лгать.

— Знаешь, как бы я не любил смотреть на тебя без одежды, что — то в том, как этот костюм сидит на тебе, заставляет меня... — Дилан откинулся на спинку сидения в Линкольне и медленно рассматривал меня. Его зубы теребили нижнюю губу, пока его пристальный взгляд спускался по всей длине моего тела, а затем он добавил. — Ммм. Хочу попросить водителя развернуть машину и вернуться к тебе домой.

— И пропустить свою первую прощальную вечеринку? Почему, мистер Прескот, вы не осмелитесь отказать мне в возможности обнимать вас на нашем первом публичном мероприятии.

— Не осмелюсь? — волчий оскал, которым он одарил меня, рассмешил меня. Ни за что я не позволю ему соскочить так легко.

— Да, ладно, осмелишься. И как бы я не хотел ничего больше, чем раздеть тебя догола и оттрахать на каждой поверхности своего дома, я обещал девчонкам, что приглашу тебя.

Дилан притворно надулся, но его глаза мерцали.

— Буду с нетерпением ждать этого позже, но я в восторге от знакомства с твоими друзьями.

— И попробуешь самые пьяные коктейли за всю свою жизнь.

— Что за хрень эти пьяные коктейли?

— Моя слабость. Это обычно молочный коктейль с элитным алкоголем. Просто подожди.

— Они идут в комплекте с розовыми зонтиками и прочей херней?

— Иногда

Он рассмеялся.

— И ты собираешься с гордостью носить это по всей вечеринке, не так ли?

— Чертовски верно.

Когда машина припарковалась у тротуара «Licked and the After Dark», где была устроена прощальная вечеринка «Мятежа 2», стайка журналистов на обочине повернулась в нашу сторону, и вспышки их камер последовали незамедлительно и бесконечно.

— Готов? — спросил я, подразумевая больше, чем просто «ты готов выйти из машины?». Мне нужно было убедиться, что он готов не только столкнуться с натиском, когда мы выйдем, но и готов к тому, что каждый наш маленький шаг будет препарирован таблоидами. Но прекрасное лицо Дилана оставалось спокойным и уверенным, так что когда он кивнул, я улыбнулся в ответ. — Тогда давай сделаем это.

Наш водитель распахнул заднюю дверь, и я вышел первым, сохраняя эту улыбку на месте, помахав рукой камерам, и выкрики, которые затопили мои уши, не заставили себя ждать.

— Эйс, ты приехал со своим парнем?

— Это правда, что вы с Диланом приехали вместе?

Я не собирался сегодня или в любом обозримом будущем не то, чтобы отвечать, но и признавать любой вопрос, поэтому проигнорировал крики и отошел в сторону, чтобы Дилан мог выйти из машины.

И что за охренительным был этот выход. Когда он вышел, папарацци столпились ближе, желая этих денежных снимков роскошного мужчины, вставшего рядом со мной и

потянувшегося за моей рукой.

— Дилан, посмотри сюда!

— Мы можем снять, как вы целуетесь?

Когда Дилан переплел свои пальцы с моими, я нежно сжал их. Затем я двинулся сквозь полчище, продолжая смотреть вперед и закрыв рот на замок, даже когда услышал:

— Что вы можете сказать об источниках, которые заявили, что на съемках присутствовало напряжение из — за ваших отношений?

— Эйс, ты выбил Дилану роль в «Мятеже 2»?

— Дилан, как ты оцениваешь Эйса в постели?

На последнее заявление я затормозил, и Дилан остановился позади меня. Затем я развернулся на пятках к фотографу, который выкрикнул вопрос, перешедший черту, и когда он заметил, что мой пристальный взгляд остановился на нем, он частично опустил свою камеру.

Но сколько бы я не хотел этому агрессивному мудаку высказать все, что думал, многолетний опыт перевесил то, что крутилось на кончике моего языка, поэтому я лишь приподнял бровь, а он дернулся от меня, и затем мы пошли дальше. Быстрее продвигаясь мимо вспышек, от которых возникало ощущение, что кто — то направил стробоскоп прямо на нас, и нас очень быстро проводили в «Licked», и я услышал, как Дилан выдохнул от облегчения, так же как и я.

— Эйс Локк, — сказала Рили, в платье с воланами прямым из пятидесятых, неспешно подходя к нам.

— Рили, — сказал я, отпуская руку Дилана, чтобы обнять свою подругу и женщину, которая была владелицей «Licked and the After Dark». — У меня не хватает слов, чтобы отблагодарить тебя за то, что позволила организовать вечеринку здесь. И за то, что смирилась с хаосом, который вместе с этим последовал.

Она рассмеялась, целуя меня в щеку, а затем отступила на шаг назад.

— Ты издеваешься? Это же бесплатная реклама, малыш.

— Чертовски верно, — раздался знакомый голос, и когда я посмотрел поверх плеча Рили, то увидел Пейдж, моего организатора мероприятий/дарителя ключ — карты от «Syn», которая слегка наклонилась к окну, подглядывая сквозь шторы. — Они просто обезумели там, — сказала дерзкая блондинка, выпрямляясь и обходя нас вокруг, пересекая черно — белый пол в брюках прямого покроя и обрезанном топе. Когда она остановилась рядом с Рили, она обстоятельно осмотрела нас с Диланом, а затем протянула ему свою руку. — И теперь вижу почему. Привет, нас официально не представляли. Я — Пейдж Айрис Трэймор — Эшкрофт.

Дилан усмехнулся, и мое сердце заколотилось, когда появились его ямочки.

— Это немного трудно выговорить, — сказал он, пожимая руку Пейдж, и нагло, как и всегда, она посмотрела в мою сторону и поджала губы.

— Он сказал это с теми ямочками, от которых у тебя в первую очередь слетели трусы? — спросила она меня. — Если так, то я могу понять почему ты отважился выступить против этого полчища папарацци там, на улице, — когда она вернула свое внимание к Дилану, то заявила как ни в чем ни бывало. — Ты сексуальный.

— Эм... — Дилан пытался ответить и провалился.

— Это — Дилан, и как насчет вести себя хорошо сегодня и отпустить его руку? — сказал я.

— Как насчет того, что ты попытаешься заставить меня, — сказала Пейдж с ухмылкой, говорящей «удачи тебе в этом»

— Ты же помнишь, что он гей, так, Пейдж? — напомнила Рили своей подруге, и моей в — очень — скором — времени — *бывшей* — сотруднице.

Пейдж сделала вид, что обдумывала это, а затем кивнула.

— Мне *придется*, по — видимому, запомнить это, но никогда не знаешь...

— Не хотел бы оскорбить тебя, потому что ты выглядишь действительно...ну, пугающе, — наконец, произнес Дилан, вытягивая назад свою руку, и бросил взгляд на меня. — Придется поверить, когда я говорю, что мне нравятся мужчины. А конкретно, этот мужчина. Так было с тех пор, как я впервые увидел его, а это было за много лет до нашего знакомства.

— Ауч. Отшили, П.А.Т.Э¹, — сказал Хантер Морган, парень Рили, когда остановился позади своей женщины. Он обнял ее за талию и поцеловал в висок, а затем ухмыльнулся нам двоим. — Привет, парни, не обращайтесь внимание на Пейдж. Она заноза в заднице любого.

— Я никогда и не обращал, — сказал я, бросив в ее сторону добродушную улыбку.

— Сегодня огромная явка, — сказал Хантер, указывая на открытые двери, которые вели в зону «After Dark», где размещалась вечеринка. Нельзя отрицать, что Хантер был красивым парнем, и когда он откинул свои темные волосы с глаз, я видел, какое влияние он оказывал на Рили — как и Дилан, видимо, который повернул голову, чтобы улыбнуться мужчине, который только что поприветствовал нас.

— Мда, такое ощущение, что это станет нормой для нас на какое — то время, — сказал я, положив ладонь на спину Дилана, просто чтобы поддерживать с ним связь.

— Не знаю, как вы справляетесь, — сказала Рили. — Было неплохое безумие в прошлом году, когда ты и Шей... — пропищала свое последнее слово она, когда Хантер нежно сжал ее, и нацелила на своего парня взгляд «что?»

Дилан был тем, кто заговорил первым.

— Все нормально. Я знаю все о Шейн и Эйсе, — он огляделся. — А она здесь сегодня? Я так ее и не поблагодарил за то, что отправила меня навверх в твой день рождения.

Когда это жаркое воспоминание вспыхнуло в моей голове и перенесло меня обратно в мою спальню, где Дилан стоял на коленях — *эм, с полным ртом*, — я поцеловал его в ухо и сказал:

— Я тоже так и не поблагодарил ее.

— Она будет, — ответила Рили, отходя от Хантера и направляясь в сторону длинной стойки со стеклянной витриной, в которой располагались вазочки с цветным и необычно названным мороженым. — Она звонила, чтобы сказать, что они с Нейтом опоздают немного, что обычно означает...

— Что она покувыркается в постели со своим *молодым* парнем, перед тем как появится здесь и вести себя прилично, — влезла Пейдж, когда мы все пошли в сторону стойки.

— Да, что типа того, — сказала Рили. — Клянусь, этой девушке нужно лучше планировать свое время.

— Хмм, да. Она должна планировать свой выход, по меньшей мере, за сорок минут до того, как пойти куда — то. Да, мисс Филлипс? — спросил Хантер, проходя мимо своей девушки и целуя ее в шею. Когда щеки Рили окрасились в нежно — розовый оттенок, он посмотрел на нас троих, дьявольски ухмыляясь, а затем развернулся назад, чтобы взять посуду.

— Итак, что сегодня будешь, Эйс? «Мастер — Дрочун» или «Лодку матросов»?

Дилан прыснул рядом со мной, а затем расхохотался в голос.

— *Это* названия напитков?

— Я же говорил, — сказал я и обнял его за плечи. — Это алкогольные молочные коктейли для взрослых.

— Ты не говорил, что у них такие пошлые названия, — сказал Дилан, наклонившись, чтобы легонько чмокнуть меня в губы. — Не удивительно, что ты так похож на них.

— Мхмм, — согласился я в его губы, пока Пейдж не начала намеренно кашлять, отходя в сторону.

— Снимите номер, оба, — она замолчала и подхватила засахаренную вишенку из небольшой чаши перед Рили, а затем закинул ее в рот. — Ах, точно же, вы уже сделали это. Это же во всех новостях.

Я закатил глаза и показал ей средний палец, пока она крутила стебелек от съеденной вишенки между своих пальцев.

— Я буду «Лодку матросов», а Дилан, думаю, попробует «Мастер — Дрочун» сегодня.

— Это намек? — спросил Дилан.

Я поиграл губами с его ухом и прошептал:

— Или приглашение.

— Ладно. Ладно, вы двое. Вы даже хуже, чем практически женатая пара здесь, — сказал Пейдж, кивая на Рили и Хантера, обходя нас вокруг, чтобы втиснуться между нами. Она закинула свои руки в изгибы наших локтей и сначала посмотрела на Дилана, а затем на меня. — Итак...ответьте честно. Вы в порядке после всего этого? Из — за прессы? Я знаю, что они могут быть сумасшедшими, и в ту ночь, когда я завозила вам кое — какую одежду, после вашего возвращения из Вегаса, они раскинули лагерь перед воротами Эйса, как стая голодных гиен.

— Было тяжело, — признался Дилан, но потом его взгляд нашел мой и смягчился. — Но, несомненно, стоило того.

— Ой, боже, — сказала Пейдж. — Даже не начинай, Локк. Все это сопливое дерьмо серьезно, начинает убивать любое остаточное возбуждение, которое возникло или нет, когда вы двое целовались.

И в этом вся Пейдж. Грубая и не извиняющаяся за свое отсутствие фильтра.

— Ну, все что я хотела сказать, если тебе нужно будет надрать кому — то задницу, отвлечь, решить проблему, сыграть «бороду» любому из твоих сексуальных, *горячих* мужчин...

— Пейдж, — сказала Рили, скользя двумя напитками по столешнице к нам, украшенными, *чем бы вы думали*, розовыми зонтиками и всем прочим.

— Я *только* предлагаю свои услуги.

— Естественно. Дай им уйти на вечеринку. Именно для *этого* они здесь, помнишь?

— Ладно. Ладно. Но запомните. Если вам что — то понадобится, позвоните мне.

Я улыбнулся ей, понимая, что она и в правду имела ввиду то, что говорила, когда отошла в сторону, позволяя мне положить ладонь на поясницу Дилана, где она лежала раньше.

— Спасибо, Пейдж. Мы это ценим, серьезно.

— Вам же лучше, — ответила она, выхватив напиток, который Рили поставила перед ней. — Я не предлагаю себя просто так кому — то

— А теперь это слишком уж просто, — усмехнулся Хантер и отпил пива, с которого

только что смахнул пенку. — Где Доусон, когда он нужен тебе?

И пока я уводил Дилана подальше от этих троих, махнув им, мне показалось, что я услышал, как Пейдж ответила:

— Несомненно, где — то этот грязный член есть.

Я содрогнулся, вспоминая их с Ричардом Доусоном нерегулярные стычки, что я видел, и не завидовал этому парню, зная, через что ему придется пройти, чтобы смягчить ее.

— Итак...готов? — спросил я и наблюдал за тем, как улыбка Дилана померкла, и он кивнул, как человек обреченный на нежеланную участь. Прямо сейчас, я отлично понимал, что он испытывал. Но это не закончится, пока не начнется. Так что пришло время смело встретить трудности.

Пока ладонь Эйса поглаживала меня по изгибу чуть ниже поясницы, мы шли в сторону открытых дверей, на которые ранее указал Хантер. Я не мог припомнить последний раз, когда чувствовал такую нервозность, но сама мысль переступить порог тех дверей на вечеринку полную людей, которые без сомнения дожидались прибытия Эйса, заставляла ускоряться мой пульс.

Но это глупо, твердил я себе. Все эти люди работали с нами на площадке несколько недель. Не то, чтобы эти отношения были новы для них, так что нам не о чем беспокоиться...*правильно?*

Я проглотил свою нервозность, пытаюсь зацепиться за чувство расслабленности, которое Рили и ее друзья умудрились вселить в меня, и только я начал чувствовать хоть толику спокойствия, Рон вышел перед нами.

— Эйс, — сказал он, останавливаясь, чтобы посмотреть на мою пару.

Эйс резко остановился рядом со мной, и его плечи напряглись так же сильно, как и мои. *Проклятье*, ну что ж, по крайней мере, мы можем сказать, что повеселились первые пять минут с его друзьями.

— Рон, — обманчивым тоном ответил Эйс.

— Послушай...я...эм... — Рон бросил взгляд в мою сторону, вероятно, ожидая моего ухода, но этого не произойдет — не сегодня. Я больше не снимался, и этот парень не влиял на мои действия, поскольку я не работал на него, поэтому если Эйс был счастлив обнимать меня, пока они разговаривали, тогда я был более чем рад остаться.

Когда стало очевидным, что ему придется продолжить разговор или уйти, так и не сказав вовсе ничего, Рон повернулся к Эйсу лицом еще раз и начал заново.

— Я задолжал тебе извинения.

Ну, и как вам такое? Я пытался удержать свою челюсть от падения на пол, но это было трудно, потому что никогда за миллион лет, я не ожидал, что подобное выйдет изо рта Рона Кинга.

— Я не должен был срывать свое расстройство из — за определенной ситуации на тебе. И прошу прощения за это.

Что касалось извинений, они были довольно бестолковыми, но учитывая, что было шоком вовсе это услышать, меня не удивило, когда Эйс протянул руку старшему мужчине.

— Я ценю это, Рон. Мне всегда нравилось работать с тобой.

— И мне с тобой, Эйс, — ответил Рон, а затем его взгляд метнулся ко мне. — Ты тоже

неплох, когда не занят разглядыванием главного актера.

Смех Эйса вынудил меня метнуться взглядом к нему, и по легкому кивку от него я вернул свою собственную улыбку Рону.

— Ну, это, на самом деле, комплимент для тебя. Просто означает, что ты выбрал притягательного мужчину на главную роль.

— Да, он привлечет кассовые сборы. Люди любят его. Убедись, что он помнит об этом, ладно, малец? — когда Рон протянул мне свою руку, меня окатил сильный прилив гордости в груди, потому что Рон был прав: Эйс имел колоссальную популярность у зрителей по всему миру, и тот факт, что он хотел быть со мной, был по — прежнему несколько шокирующим. — Для своего первого фильма ты был довольно неплох, учитывая все обстоятельства.

— Ха, — сказал я, качая головой. — Не думаю, что фильмы — моя жизнь, но спасибо за такую небольшую поддержку моей хрупкой уверенности.

По слегка усилившемуся давлению ладони Эйса, я перевел взгляд в его сторону и увидел здоровую дозу тех же эмоций, что сам испытывал: гордости, сияющей в ответ на меня.

— Тогда ладно. Не буду вас больше задерживать. Я просто хотел объяснить.

— Это очень ценно, Рон, — сказал Эйс, когда режиссер направился вглубь клуба, оставляя нас с Эйсом все еще в нескольких шагах от главного входа.

— Вау, — произнес я, неверяще качая головой. — Не ожидал этого.

— Я вроде как тоже. Рон — не плохой парень. Он просто вспыльчивый, и наши отношения принесли кучу вопросов в прессе касаясь фильма, с которыми он не хотел иметь дело последние несколько недель.

Думаю, я мог бы понять это.

— Да, когда ты выставляешь все таким образом.

— Готов встретиться с остальными?

Я сморщил нос.

— Уверен, что мы не сможем ускользнуть через главный вход «Licked»?

— Если бы. Но мы должны появиться.

— Ладно, ты прав. Уверен, в любом случае, все не будет так уж плохо. Думаю, мы не такая уж новость для них.

— Думаю, мы вскоре узнаем об этом, — сказал Эйс, и мы сделали несколько шагов, необходимых, чтобы пересечь открытые двери «After Dark», и как будто время застыло, вся музыка, танцы и разговоры прекратились.

Глава 9.

Жуки под микроскопом.

Боже, и я думал, что мы сможем с Эйсом проскользнуть незамеченными.

Я просканировал море людей, которые стояли вокруг высоких столов небольшими группками, смеялись и болтали с напитками в руках, и наклонил голову вверх, чтобы рассмотреть изысканную розовую и фиолетовую ткань, растянувшуюся по потолку. Это было потрясающе в том смысле, что она стекала в каждом углу помещения, а затем опускалась на пол, создавая интимную и элегантную атмосферу. Я узнал нескольких актрис «золотой эпохи», которые висели на стенах, и подумал, что это идеальное место для прощальной

вечеринки в киноиндустрии. Освещение было тусклым, люстра в центре раздавала слабое свечение, и здесь были кабинки, выстроившиеся в ряд у стен, в форме U и выглядели достаточно уютными, чтобы заснуть, если кто — то захочет, хотя в настоящий момент все они были востребованы и забиты под завязку.

Хотя все пространство было огромным, и я видел свободные участки в небольшом отдалении от нас и всей толпы, казалось, стены давили на нас. Я придвинулся чуточку ближе к боку Эйса и не упустил, как его пальцы крепче впились в мои. Мое сердце гроыхало от всех взглядов, направленных на нас, и я чувствовал, как горели мои щеки, как будто мы были в центре внимания под долбанным прожектором. Я сглотнул комок в своем горле и только собрался сказать Эйсу что — то остроумное, замершему рядом со мной, как он сделал шаг вперед и начал пробираться сквозь знакомые лица съемочной команды и актерского состава и не — очень — знакомые, но *любопытные* взгляды их партнеров.

Создавалось такое ощущение, что мы жуки под микроскопом. Теплая ладонь Эйса тесно прижималась ко мне, пока он шагал, опережая меня, и с каждой группой людей, что мы проходили, я не упускал из внимания, как они улыбались Эйсу, но затем их взгляды опускались ниже к руке, которая обнимала меня. *Любопытные ублюдки.*

Нет и шанса, что Эйс упустил то изучение, под которое мы попали, продолжая идти через толпу, но здороваясь со всеми без исключения, кто сумел сказать «привет», вместо того, чтобы лишь глазеть нас. Он направлялся к затемненному углу, который я заметил, когда мы вошли в «After Dark», и прямой и самый короткий путь, что он выбирал, был знаком, что ему требовалась минутка, или возможно пять, чтобы собраться.

Когда мы добрались до пустого пространства, он завел меня так, что я оказался спиной к стене, а он поймал меня в ловушку, предоставляя всем присутствующим гостям фантастический вид на его широкую спину и ничего больше.

— Господи, — сказал он.

— Ага, — ответил я. — Напряженно, а?

Эйс покачал головой.

— Я решил, что все будет нормально, знаешь ли? Мы работали с этими людьми ежедневно. Они видели нас и знали, что мы вместе, но...

Ему не обязательно было говорить это. Я знал точно, что он испытывал. Мы оба думали, что сегодня удачное время для нашего первого в некотором роде выхода в свет, как пары, потому что это будет среди друзей Эйса и наших коллег. Но мы не учли нескончаемые сплетни и шепотки от их партнеров и супругов, которые начались в ту секунду, как мы покинули Рили и ее друзей.

Мда, в ту секунду, как мы оставили их и ступили на вечеринку, где стали «развлечением». И если это заставляло нервничать меня, кто жил открыто и был горд большую часть своей жизни, то я понятия не имел, что должно быть испытывал Эйс.

Пытаясь сохранять спокойствие хотя бы самому, и тем самым успокоить его, я сжал свои пальцы вокруг него и стрельнул своей самой обаятельной улыбкой.

— Эй, они такие любопытные.

— Они охреневшие любопытные придурки, вот кто они, — сказал он, выражая ту же мысль, что появилась у меня раньше. — Можно подумать, что они никогда раньше не видели гей — пару. А живя в ЛА, я считаю, что в это очень трудно поверить.

Я слегка пожал плечами, понимая его досаду, но мне пришлось добить его еще больше.

— Они никогда не видели *тебя* частью гей — пары. Ты серьезно считаешь, что они бы

смотрели так, если бы я вошел сюда, держась за руку с каким — то парнем?

Эйс нахмурил свои брови.

— Как насчет того, чтобы *не* проверять эту теорию?

Я усмехнулся, и Эйс шагнул ближе.

— Я и не говорил, что мы должны. Все, что я хотел сказать, — что это из — за тебя все плятятся на нас.

Эйс вздохнул, и я потянулся, чтобы погладить его по щеке, но в последнюю секунду остановил себя. Когда его взгляд вспыхнул и сместился на руку, которую я только что опустил, он сказал:

— Даже на секунду не задумывайся, что ты не можешь сделать со мной то, что хочешь прилюдно. Если ты хочешь прикоснуться ко мне, то ты, блять, прикасаешься ко мне. Именно в этом причина нашего камин — аута, помнишь?

Ооох, мне это нравится. Раздраженная реакция, потому что я не коснулся его. Поэтому я поднял руку и провел пальцами вдоль его челюсти.

— Полагаю, что ты можешь оказаться прав. Но не думаю, что мне стоит делать *все*, что я захочу...

Это заставило губы Эйса растянуться в ухмылке.

— Нет?

— К сожалению, нет. Не думаю, что это подходящее время или *место* для подобного. Но если ты заинтересован в представлении на публике, я знаю местечко, куда мы могли бы пойти, — я убедился, что сексуально подмигнул плюс к этому, когда вспомнил о той запретной ночи в «Syn». Взгляд Эйса опустился на мои губы, и я пробежался языком по ним, продолжая сбивать его с мысли, что он являлся объектом внимания многих, а вместо этого давал ему понять, что он был единственным центром для одного — *меня*.

— Ты пытаешься отвлечь меня? — спросил он.

Я наклонил голову вбок.

— А что? Получается?

Когда Эйс сократил оставшийся промежуток между нами и опустил свою голову к моей щеке, я практически задохнулся. И не из — за того, что он был так близко, а из — за того, что он находился так близко на людях. Это творило нечто серьезное с моим сердцем и членом.

— Напоминанием тебя обнаженного с моим членом внутри? Угу, почти на сто процентов отвлекает от всего, — ответил он.

Я собирался повернуть голову и сообщить Эйсу, что я не только отвлекал, но и был по — настоящему, офигенно твердый, но до того, как я успел, в поле моего зрения показалась пара. Я узнал мгновенно женщину — Мэллори Джейкобс. Она играла жену Эйса в «*Мятеже 2*» и была одной из «милашек» Голливуда. Ее длинные, светлые волосы были переброшены на одну сторону и водопадам спадали по ее левому плечу красивыми, мягкими волнами. Однако, соблазнительное красное платье, что было на ней, с глубоким вырезом на груди довольно очевидно доносило, что вместе с тем, что ее называют «милашкой», Мэллори более чем способна нацепить на себя маску соблазнительницы, а рядом с ней был... *о боже мой*, это правда Алехандро Мэндэз? Если Мэллори была милашкой Голливуда, то ее давнего парня прозвали ее принцем. Истинная Голливудская знать, именно так, с их — то родителями, которые являлись большими шишками в этой индустрии. Он обнимал ее за талию и утыкался своим носом в ее шею, а она хихикала, и когда ее взгляд встретился с

моим, она ухмыльнулась, как если бы мы оба были в одинаковом, затруднительном положении. Затем губы Эйса прижались к моей шее, и я усмехнулся точности сравнения, и нежно толкнул его.

— В чем дело? — спросил он, его глаза мерцали, и я покачал головой, потому что, *Господи*, он был великолепен, когда возбуждался, и румянец на его щеках намекал, что возбуждение становилось все больше, чем дольше мы стояли в нашем темном углу.

— Ни в чем, но у нас появилась компания. Поэтому веди себя прилично, красавчик.

Он выпрямился, его плечи напряглись, но когда он повернулся и заметил Мэллори, я обратил внимание, как все его тело видимо расслабилось.

— Эйс, — она лучезарно улыбалась, расцепила руки Алехандро и шагнула вперед. Она обхватила ладонь Эйса между двух своих и приподнялась на носочки, чтобы прижаться поцелуем к его щеке. Эйс вернул этот ласковый жест, и я знал из разговоров, которые были у меня с ним последние несколько недель, что дружба между этими двумя была искренней. Он множество раз выражал, как бы ему хотелось, чтобы у Мэллори было больше существенных ролей, потому что тогда, по крайней мере, будет одно дружелюбное лицо на площадке. И это правда, у нее было меньше строк, чем у меня, так что в действительности она пробыла на съемках парочку дней.

— Мэллори, боже, я счастлив видеть тебя здесь сегодня, — произнес Эйс.

— Требуется некоторая моральная поддержка? — спросила она, когда ее взгляд снова нашел мой, и она улыбнулась.

— Можно и так сказать. Или, может, я просто хочу присутствия еще хоть кого — то здесь, чтобы перевести с нас центральное внимание.

Она сверкнула своей знаменитой улыбкой и пробежалась ладонью вдоль руки Эйса, чтобы сжать его пальцы.

— Не хотелось бы добивать тебя, но я могла бы войти сюда голой, и никто бы не оторвал своих взглядов от вас двоих.

— Мне кажется, в это трудно поверить, Мэллори, — сказал Алехандро, когда остановился рядом с ней, и она скользнула рукой в изгиб его локтя.

— Я тебя умоляю, про этих двоих только и говорит весь город... черт, да весь мир.

— Спасибо за напоминание, — сказал Эйс, и когда я подошел к нему, он автоматически потянулся за моей рукой, и от этого небольшого жеста мое сердце глухо забилося.

— Приятно, наконец — то, познакомится с тобой, — сказал Алехандро, протягивая свою руку Эйсу. — Я несколько раз хотел поработать с тобой, и когда Мэллори сказала, что снимется в одном из твоих фильмов, я знал, что это станет идеальным местом, чтобы сделать бесстыжий шаг. Я — большой фанат.

Вау, подумал я, наблюдая, как два необыкновенно красивых мужчины пожимали друг другу руки. *Вот это комплимент*. Я едва остановил свою челюсть от падения, но если бы Алехандро просто сказал мне, что он *мой* фанат, я бы, наверное, грохнулся в обморок. И по сути, я находил чрезвычайно сложным не вести себя, как фанат, перед этой парочкой. Но Эйс, как и всегда, спокоен в трудных ситуациях. Спокойствие на его лице было невероятным. Потому что это были его коллеги, Мэллори — его подруга, что я постоянно, похоже, забывал, до вот таких вот моментов, когда испытывал благоговение перед знаменитостью, а он был...ну, Эйс был собой. Это часть его мира.

— Ты издеваешься? — усмехнулся Эйс. — Я уверен, что не отказался бы. Если мы сможем найти правильный проект, тогда это будет просто фантастически.

Мэллори ткнула локтем своего мужчину и нацелила в его сторону ослепительную улыбку.

— Видишь, я же говорила. Нет нужды нервничать.

Я бросил взгляд на волевой профиль Эйса, когда он улыбался этим двоим, и в этот момент, я находился в полном и совершенном восторге. У этих двоих было три награды Кино Академии, и у них чуть ли голова не кружилась от перспективы работать с моим мужчиной. *И будь я проклят, если это не вызывало во мне гордость, что я именно тот, кто находился в его объятиях.*

И как будто Эйс прочитал мои мысли, он повернулся лицом ко мне, а затем слегка нахмурился.

— Прошу прощения за свою невоспитанность, — произнес он, а затем снова перевел взгляд на них двоих. — Я был настолько одержим идеей скрывать все, что даже забыл представить...

— Дилан Прескот, — сказал Алехандро вместе с Мэллори, которая сказала:

— Я умоляю тебя, Эйс. Можно подумать, что кто — то в этом помещении не знает имени твоего очаровательного парня.

Видели. Я знал, что нравлюсь ей.

— Очаровательного... — произнес я, протягивая свою руку в ее сторону. — Принимаю это.

Когда она пожимала мою руку, она рассмеялась, и это было настолько мило, что я не смог сдержаться и ответил тем же.

— Ну, тебе стоит, ты — потрясающий. Эйсу повезло отхватить тебя до того, как успел кто — то другой.

Я уже собирался ответить, когда она выпустила мою руку, я взял руку ее парня, чтобы пожать. Но когда я поднял на него глаза и встретился с его пристальным, прямо в лоб, взглядом впервые, я запнулся в своих словах.

— Я...эм...аам...

Эйс усмехнулся рядом со мной, и я хотел развернуться и врезать ему по руке. Уж простите, Алехандро было очень привлекательным мужчиной. Очень *знаменитым*, привлекательным мужчиной, и это казалось странным, находится под пристальным вниманием того, кто казался таким знакомым, потому что ты видел его на больших экранах. Нет и шанса, что обычный человек, т. е я, не проглотил бы свой язык.

— Приятно познакомится, Дилан, — сказал Алехандро.

Отыскав свой язык, мне удалось как — то согласиться с тем, что мне тоже приятно с ним познакомится, а затем момент был упущен, и Эйс заговорил снова. Они втроем обсуждали свои выходящие фильмы и о том, чем будут заниматься потом, а затем они расспросили, чем занимался я, пока Мэллори не заявила, что готова к еще одному шейку «Сучка с острова Гиллиган», Алехандро извинился, и они оба ушли в сторону бара.

И пока я наблюдал за их уходом, я удерживал взгляд на них, пока они прокладывали себе путь через толпу.

— И что скажешь начет золотой пары Голливуда? — спросил Эйс, его губы были у моего уха.

Мой взгляд преследовал этих двоих, пока они не достигли стойки, и когда Мэллори наклонилась, чтобы пообщаться с барменом, Алехандро бросил взгляд через свое плечо, и в этот раз, когда его глаза встретились с моими, а губы изогнулись в распутной улыбке, у меня

перехватило дыхание, и я закашлялся.

Нет.

Ни единого долбаного шанса...

Но когда Алехандро пробежался взглядом по мне, а затем метнулся им между нами с Эйсом, я понял, что попал в самую точку.

Видимо, у золотой пары Голливуда секрет побольше, чем наш, потому что я был на сто процентов уверен в тот момент, что смотрел на...Зорро.

Когда Мэллори и Алехандро ушли в сторону бара, я пытался придумать предлог, с которым бы согласился Дилан, чтобы мы могли уйти отсюда, когда его пальцы сжались вокруг моих. Я повернулся, чтобы встать перед ним и заглянуть в его дикие глаза, и тогда я заметил, как распахнулся его рот, и казалось, что он подбирает слова.

Поражен — звездой. Я знал, насколько пугающими могут быть встречи с людьми настолько знаменитыми, как эти двое. Я был развалиной на своей первой вечеринке по окончанию съемок, но от этого Дилан становился только более покоряющим. Это невинность и ...*Погодите — ка.* Щеки Дилана приобрели ярко — розовый оттенок, и он продолжал бросать взгляды поверх моего плеча, что заставило меня самого оглянуться. Но все, что я увидел, были Мэллори и...

Ох. Твою. Блять. Мать. Мой взгляд встретился с темными глазами Алехандро, и когда он мазнул языком по своей нижней губе, у меня появилась незамедлительная реакция на то, что он наблюдал за нами, как и в ту ночь в «Syn».

Нет. Я же нафантазировал себе все это, так? Но единственный взгляд на пылающее лицо Дилана сказал мне, что это не так. Он тоже его узнал. Узнал незнакомца, который стоял напротив нас, как и Алехандро сейчас, в тени, пока я трахал Дилана, как никогда раньше.

— Эйс, — прошептал Дилан и покачал тихонько мое запястье. Но это было бесполезно; такое ощущение, что я находился в каком — то трансе. Загипнотизирован мужчиной, который все еще наблюдал за нами.

Как я упустил это? Как так получилось, что улыбаясь и находясь так близко, я не сложил все вместе, но издали только одного намека на самодовольную ухмылку полную секса хватило, чтобы я вернулся обратно в клуб, находясь глубоко внутри Дилана, кончая одновременно с мужчиной, которому только что пожимал руку?

Я оторвал свой взгляд от того, который только что пошатнул весь мой мир в мгновение ока, и посмотрел на Дилана. Я не был уверен, что ожидал увидеть, но не лихорадочное возбуждение. Выражение его лица было напряженным, на грани, но не потому, что он был раздражен или волновался. О, нет, у Дилана был взгляд, про который он однажды сообщил мне одну конкретную вещь. Он выглядел так, как человек, который хочет быть оттраханным. И я был именно тем, кто подходил для этой работы.

Я уставился на выход из «After Dark» и сказал таким хриплым голосом, что удивился, что он вообще меня услышал.

— Давай убираться отсюда.

И ответ Дилана кивком был всем согласием, которое мне требовалось.

Было очевидно, когда мы пролетали мимо друзей Эйса, что ему плевать на тот факт, что мы провели меньше часа на вечеринке, которую он спонсировал. Но я не считал, что он до конца осознавал, что подумает пресса, когда мы вышли на тротуар и посыпались вопросы.

— *Вас попросили уйти оттуда пораньше?*

— *Это правда, что вы разругались с командой?*

Господи, я даже не задумывался, что это будет выглядеть именно так, если мы уедем раньше, и Эйс замешкался на краткое мгновение. Однако две секунды спустя, мы снова двинулись, и, слава богу, наш водитель припарковался прямо напротив входа в «Licked», так что мы пробрались сквозь толпу и запрыгнули на заднее сидение Линкольна в рекордные сроки.

Когда мы тронулись с места, я продолжал держать голову низко, не желая предоставлять им отчетливый снимок, но когда ладонь Эйса опустилась на мое бедро, мой взгляд метнулся в его сторону. На его губах играла улыбка, пока он легонько водил пальцами по материалу.

— Что? — спросил он. — Я не могу...*успокоить* своего парня, после того как прошел толпу голодных папарацци? — Лихорадочный блеск в его глазах, появившийся несколько минут назад не ослаб: он стал даже более интенсивным в темном, замкнутом пространстве.

— Прямо здесь? В машине? — прошептал я.

Он прикусил свою нижнюю губу, а его пальцы подкрадывались к моему члену, который твердел в ускоренном темпе из — за возбуждения, которое, я ощущал, излучалось от Эйса. Я умудрился как — то оторвать свой взгляд от него, чтобы посмотреть в окно, и убедиться, что снаружи никто не заглядывал в салон, но мог разглядеть только огни зданий, которые мы пролетали со свистом.

Я пытался говорить тише, чтобы водитель не услышал меня, и кивнул в его сторону, спрашивая при этом:

— Что если кто — то увидит?

— Полагаю, нам нужно быть осторожными.

Ну, блять.

— Любишь рисковать, да, Локк?

Когда он перекинулся через сидение и прижался губами к моей щеке, я проглотил стон, который хотел ускользнуть на свободу.

— Обычно нет... — сказал Эйс, а затем, выбрав этот момент, коснулся плоской ладонью молнии моих штанов. — Но в последнее время стал *упорнее* сдерживать свои порывы.

Я повернул голову и на его лице, так близко расположенном ко мне, я видел, как расширялись его зраки, и от этого мое дыхание только участилось.

— Позволь мне коснуться тебя, — сказал Эйс, и я на автомате посмотрел на водителя, но Эйса это не устроило. Его ладонь оставила место между моих ног, чтобы подняться вверх и вцепится в мой подбородок, поворачивая мою голову так, чтобы я был лицом к нему, а его взгляд опустился на мои губы. — Не волнуйся насчет него. Ему хорошо платят.

Ага, черт, кого я пытался обмануть? Можно подумать, я бы не позволил ему сделать то, что он только что попросил. Я скользнул чуть ниже по кожаному сидению и развел ноги.

Взгляд Эйса упал на мои движения, и когда рокот одобрения покинул его горло, я был близок к тому чтобы заскулить.

— Видишь, если не *упираться* то, не так трудно добиться этого, так ведь?

— Может, прекратишь повторять это слово? — я понимал, что говорил практически раздраженно, но Господи Боже, я знал свои пределы и сидеть на заднем сидении Линкольна с ласкающим меня ладонью Эйсом...*блять*...

— *Упираться?* Это перестать повторять? Потому что, Дилан, — произнес Эйс, его теплое дыхание призрачно отражалось на моих приоткрытых губах, пока он продолжал удерживать меня в плену своим властным взглядом. — Мой член упирается сильнее, чем никогда, с того момента как я догадался, что Алехандро тот, кто следил за нами, когда я затрахал тебя до того состояния, что ты не смог идти в ту ночь в «Syn».

Проклятье... Напоминания, почему мы вернулись в эту машину, несущуюся через весь город к дому Эйса, было достаточно, чтобы дернулись вверх мои бедра под давящей ладонью Эйса.

— Помнишь свои ощущения? — спросил он, смыкая пальцы на эрекции, над которой был безнадежно потерян мной контроль. — Когда я раздевал тебя догола, и как ты вставал на колени передо мной? Перед *ним*?

Я ахнул и потянулся вниз своей рукой, чтобы прижать *его* крепче к себе. Однако, это было недостаточно. Я не думал, что было бы чего — то достаточно, чтобы ослабить ноющую боль, которую он зародил своими словами, образами и яростным способом, которым удерживал мой взгляд, как вроде какого — то сексуального волшебника.

— Помнишь? — спросил он снова, на этот раз интонацией, которая подразумевала, что он ждал ответа.

Я поднял руку оттуда, где она покрывала его, и вцепился в его бицепс, настолько сильно, что даже удивился, что он не попросил меня отпустить его. Но если он собирался сорвать мною горячо любимую крышу своим чертовски пошлым воспроизведением одной из самых жарких ночей в моей жизни, тогда мне нужно хоть что — то, за что держаться.

— Да, — ответил я томным голосом, который даже не узнал. Эйс медленно кивнул, а затем потянулся, чтобы выпустить мою рубашку из штанов, позволяя ее длине упасть поверх того места, где секундой ранее касалась его рука.

Когда мой взгляд скользнул к окну, чтобы узнать притормозил ли кто — то рядом с нами или висит у нас на хвосте, голос Эйса переключил меня обратно на него.

— Закрой глаза, — попросил он, и я недоверчиво уставился в ответ. — Представь, что мы снова там... в «Syn»... все взгляды устремлены на нас, когда я прикасаюсь к тебе.

Его рука переместилась под мою рубашку, и он расстегнул пуговицу моих штанов, а затем потянул молнию вниз. С дьявольской улыбкой на лице, его пальцы нырнули под мои боксеры, и хоть моя рубашка как — то прикрыла, что его пальцы — *блять* — сомкнулись на мне, я все равно ловил себя на подглядывании в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что водитель не обращал на нас внимания.

— Я больше не буду тебя просить, — произнес Эйс, его хватка на моем члене усилилась, но он не двинулся дальше, не давал мне фрикций, в которых я так нуждался, поэтому, когда мои бедра дернулись вверх, он покачал головой. А затем его ладонь начала отстраняться, и я быстро перехватил его запястье, чтобы остановить.

И пока он ждал того, что я сделаю, я старался очистить голову ото всего, кроме мужчины, сидящего рядом и осмелившегося сделать мне приятно. Закрыв глаза, я позволил

своей голове откинута на подголовник и толкнуть его руку обратно в свои трусы. Когда его палец закружил по головке моего члена и затем размазал смазку вниз по всей длине, я проглотил стон, который жаждал прорваться на свободу. Он снова сомкнул на мне ладонь, сжимая основание моего члена, и медленно — мучительно — начал подниматься вверх.

Когда его кулак прогладил дорожку вниз и сжался у основания члена, мои глаза распахнулись, и я скрипнул зубами. Губы Эйса изогнулись в нахальную улыбку того, кто знал, что он держал всю власть в этой ситуации. И одновременно с тем, что он сводил меня с ума, тот факт, что он чувствовал в каком — то роде свободу рядом со мной, доводил меня до настоящего, долбанного восторга.

Неужели всего лишь несколько недель назад мне было нельзя даже быть замеченным в машине вместе с ним? А сейчас мы здесь... *боже мой...*

— Что — то не так, Дилан?

Хриплый звук моего имени заставил меня потянуться к его лицу, и когда я обхватил его щеку своей ладонью, я искал в его глазах любой намек на сопротивление, любой намек на то, что я не должен делать то, что знал, было предельно ясно написано на моем лице. Когда я не нашел ничего, кроме жесткого движения по моему члену, тогда я понял: этот издевающийся засранец — мой.

Я пробежался ладонью по его шее и потянул на себя, чтобы смять его губы своими. Давление вокруг моего ствола возросло, когда я врезался своим языком между губ Эйса и сплелся вместе с ним, и когда он начал по — настоящему заниматься мной, я не смог бы удержать свои бедра на месте, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

Я скользнул пальцем по тыльной стороне его шеи и по его коротким волосам, пока не обхватил его затылок, удерживая его там, где хотел. *Чертовски жарко.* Я хотел развернуться к Эйсу, заползти на его колени, и оттрахать кулак, который надрачивал мне. Но не имело значения, сколько денег Эйс заплатил водителю, существовала разница между тем, что он видел нас целующихся в зеркале заднего вида, и что он увидит меня, сидящим верхом на Эйсе.

Я оторвал свои губы от Эйса и нырнул рукой вниз, чтобы остановить его пальцы. Мое дыхание перешло в придушенные вздохи, и я уперся своим лбом в его и зажмурил глаза. Если я не успокоюсь, то обкончаю всю его ладонь на заднем сидении его проклятой машины, и когда мы приблизились к его огороженному району, я достаточно связано понимал, что не так я хотел закончить это.

— Эйс, тебе нужно... — я пытался оттолкнуть его от себя, когда заметил несколько затухнувших вспышек, но он уткнулся носом в мой висок, а его рука лежала поперек моих бедер, и я не смог бы спихнуть его с себя, если он не хотел этого.

— Расслабься, — произнес он, и у меня перехватило дыхание, и я дернул головой, чтобы потереться своим виском об него. Жест был одновременно ласковым и невероятно интимным, учитывая, где находилась его рука, и бросив взгляд в окно, я заметил несколько случайных вспышек, которые погасли, когда машина проезжала мимо, и я понял, что они ничего не получили в темноте ночи, когда мы сидели за тонированными окнами.

— Но там снаружи камеры, — сказал я. — И я бы предпочел кончить от твоего члена внутри. Как считаешь, сможешь продержаться две минуты, которых хватит припарковаться на твоей подъездной дорожке и пересечь порог двери, а, красавчик?

Эйс освободил мою изнаывающую плоть и вытащил свою руку из моих штанов, и когда он провел своим липким, влажным пальцем по моей губе пошлой лаской, я втянул его, и он

зарычал.

— Две минуты, — предупредил он. — Я сдержу себя, — и когда машина резко остановилась перед его домом, он сказал. — Молнию застегни, но не трогай пуговицу. От этого только зря потратим чертово время.

О, да, кто в здравом уме послушался бы этого приказа? Определенно не я.

Глава 11.

Лестница в небо.

Когда водитель уехал, я повернулся, чтобы увидеть Дилана, стоящего на главном крыльце и прислонившегося к стене в ожидании меня. Его рубашка была выпущена и свисала поверх его штанов, а на лице было выражение, которое кричало только об одном — о сексе.

Я потянулся вниз, чтобы поправить свою эрекцию, перед тем, как направиться в его сторону, и попытался успокоить возбуждение, которое раздирало меня. С момента, как Алехандро наблюдал за нами и поездки обратно, я боролся с желанием сорвать с Дилана одежду и оказаться своим ртом на нем или членом внутри него, и это будет чудом, если я поднимусь с ним наверх в спальню, до того как наброшусь.

И пока я шел туда, где он стоял, его взгляд путешествовал вниз по моей рубашке к штанам, от чего мне стало только сложнее идти, потому что когда он, наконец, поднял свой взгляд на меня, и они столкнулись, я понимал, что он испытывал. Напряжение, электричество, потрескивающее между нами, было настолько ощутимым, что просто удивительно, что воздух не искрил и не шипел, когда мы оказались на расстоянии касания.

— Ты мог войти внутрь. У тебя есть ключи и код, — напомнил я, доставая собственные ключи и вставляя их в замок.

Дилан пробежался языком по своим верхним зубам, его веки опустились наполовину, а свет над нашими головами открывал красный оттенок его щек, когда он оттолкнулся от двери и сделал шаг ко мне, так что весь его перед коснулся моей ладони, руки и ноги.

— Но тогда бы я пропустил это, — ответил он и наклонился, чтобы прижаться поцелуем к моей челюсти.

— Если ты, блять, не остановишься...

— Тогда что? — прошептал он, и впился своими зубами в мою челюсть, когда я повернул ключ, толкнул дверь и снял сигнализацию. Я повернулся, сгреб в горсть его рубашку и притянул ближе, пересекая порог спиной вперед.

— Ты еще спрашиваешь об этом, — сказал я, а Дилан направил в мою сторону улыбку, которая давала понять, что он знает, что делает. Я пинком закрыл входную дверь, пока мои глаза сканировали прихожую, в поисках лучшего места, чтобы... — *Дилан...* — произнес я, когда он скользнул ладонью по моим штанам.

— Я думал, ты говорил о двух минутах. Тебе лучше ускориться, если ты планируешь сдерживать *это* обещание, Локк...

Когда он отпустил меня и начал отдаляться, я отпустил его рубашку. Он подмигнул мне и повернулся прямо к лестнице. Я последовал за ним, но затем у меня возникла идея получше, и я зацепил его запястье своими пальцами, и потянул, умника, обратно на себя.

— Две минуты говоришь? — переспросил я.

Когда взгляд Дилана сощурился на меня, я силой потянул его обратно мимо размашистой лестницы и за угол. Когда мы добрались до того места, где я именно хотел его, я хищно улыбнулся, развернул его и приложился губами к его уху. Затем я прошептал:

— Думаю, если мы сделаем это здесь, у меня останется несколько секунд в запасе. Руки на перила, Дилан, я собираюсь сделать так, что твои колени к херам подогнутся.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Блять, нет ничего горячее, чем Эйс Локк, раздающий сексуальные приказы. Фантазии, которые у меня всегда были о нем, не шли ни в какое сравнение с реальным мужчиной позади меня, и я изумился в тот момент тому, как изменилась моя жизнь. И как бы сильно я не хотел сейчас развернуться лицом к Эйсу, чтобы следить за каждым развратным движением, которое он хотел сделать со мной, я хотел угодить ему еще больше, поэтому вцепился в перила, которые очерчивали лестницу.

— Ты собираешься обыскать меня, Локк? — спросил я и по шире расставил ноги.

— Даже близко нет.

Эйс прижался ко мне сзади, его руки снова расстегивали молнию на моих штанах, а затем он погладил ладонью мой твердокаменный член. Когда я застонал, его толстая эрекция вжалась в мои ягодицы, и я заматерился из — за того, что не пихнул один из тех презервативов со смазкой, когда мы уезжали. И сейчас, когда мы начали, нет ни единого шанса, что я захочу остановиться. *Блять.*

— Что — то не так? — спросил Эйс, когда нырнул рукой под резинку моих боксеров во второй раз за сегодняшний вечер. Но когда он не добрался до моего члена, ожидая вместо этого мой ответ, я скрипнул зубами.

— Клянусь Богом, если ты не дашь мне кончить в следующие полторы минуты...

Без предупреждения Эйс стянул мои штаны и трусы вниз по бедрам одним слитным движением, оставляя их просто свисать под моей задницей, а затем я услышал звук молнии и разрывания пакетика из фольги.

— То что?

Да, гений, что ты собрался сделать? Черт, если б я знал, но угроза отлично прозвучала в тот момент. Я ломал голову, пытаюсь придумать что бы такого сказать наглому мужчине позади себя, но до того как я успел хоть что —нибудь сформулировать, огромные ладони Эйса легли на мои обнаженные бедра, его пальцы разошлись в стороны, пока он устраивал меня именно там, где хотел.

Эйс мурлыкал, и этот гортанный звук проходилась вибрацией от моего позвоночника к яйцам, подтягивая их к телу, плотно и напряженно, пока он оглаживал своими ладонями мои ягодицы.

— Это то, о чем я подумал, — сказал он, когда его большой палец поиграл с началом моей расселины. — Ты хочешь этого так же сильно, как и я, и если я захочу, чтобы ты ждал тридцать минут... — прошептал Эйс, лаская губами раковину моего уха. — Тогда ты будешь стоять здесь и ждать эти чертовы тридцать минут.

Ладно....черт. Я теряю терпение. Я потеряю проклятое терпение, если он не прекратит так говорить ...

— Ох, черт, Эйс, — застонал я, когда он облизал дорожку вверх по моей шее, а затем положил свою левую ладонь поверх моей, которой я вцепился в перила до белых костяшек. Я

чувствовал, как покрытый презервативом член втирался в мою задницу, пока он целовал и посасывал чувствительную кожу под моим ухом.

— К счастью для тебя, — сказал он. — Тридцать минут — в тридцать раз дольше. Боже, Дилан, мне нужно оказаться внутри тебя.

— Дааааа... — произнес я, когда Эйс поднес свою руку, которая лежала на моем бедре к моему рту, и коснулся пальцем нижней губы.

— Пососи его.

Охренеть. Я не уверен, с чего он взял, что я переживу так много, но знал, что существовал единственный способ добиться того, чего я хотел, — если я буду выполнять все, что он просил. Я едва приоткрыл губы, когда Эйс скользнул своим указательным пальцем внутрь к моему языку. Гортанный стон вырвался из мужчины, который мучил меня, когда я закружил языком вокруг его пальца, и ладонь, которая обхватывала меня на перилах, сжалась, а его бедра подались прямо на меня.

Когда я продолжил сосать его, он входил и выходил им из моего рта, как будто трахал его, а затем добавил средний палец к сочетанию.

— Вот так, Дилан. Смочи их как следует. Нужно подготовить и растянуть тебя, перед тем как я... — он замолчал, чтобы провести своим членом вдоль моей расселины, и я услышал, как из меня вырвался всхлип, когда я толкнулся в него, страстно желая ощущения его горячей плоти напротив себя. — Перед тем, как я сорвусь на тебе.

Черт возьми, он издевается? Как я должен думать или контролировать себя, когда он одержим идеей уничтожить любое подобие самообладания, что было во мне? Я был за пределами всего рационального на этом этапе; все, что я мог делать, — надеяться, что выживу, потому что когда Эйс делал так...когда он действительно отпускал себя и работал на откровенном желании, он становился силой, которую приятно созерцать. Вся эта сила и все сдерживаемые эмоции создавали горючую смесь, которая всегда оставляла меня в состоянии близком к параличу, и мне *нравилось* быть тем, кто срывал его тормоза.

Эйс убрал свои пальцы от моих губ, и когда я ощутил влажные кончики, спускающиеся вниз по моим ягодицам, скользкой дорожкой к моему анусу, я стиснул зубами свою нижнюю губу.

— Нет, нет, не делай этого, — сказал Эйс, массируя подушечками своих пальцев мою тугую дырочку. — Не отказывай мне в удовольствии слышать, насколько сильно ты наслаждаешься тем, что я делаю с тобой.

Когда слово *«тобой»* покинуло его губы, он толкнулся кончиком пальца внутрь меня, и я застонал.

— Дааа, Дилан...блять, да, вот так, — произнес он, разрабатывая своим пальцем проход глубже, и затем он поднес свои губы к моему уху и прошептал. — Я хочу услышать, как перехватит твое дыхание, когда я погружусь в тебя. И я хочу услышать, как ты кричишь в потолок моего долбанного дома, когда я возьму тебя так жестко, что ты рухнешь с ног, и мне придется уносить тебя по этой проклятой лестнице.

— *Ааах, Эйс...* — удалось мне выдать, когда он толкнулся двумя пальцами внутрь меня, и прикусил мочку моего уха.

— Сегодня, ты — мой. Твое разочарование, — сказал он, вытягивая свои пальцы, так что я вскрикнул, умоляя его заполнить меня снова — и он выполнил это. — Твой оргазм. Твое удовольствие. И твои требовательный крики, — сказал он мне, выделяя каждое желание выпадом своих пальцев, прежде чем убрать их, чтобы вцепится в мое бедро, и

широкая головка его члена прижалась к моей дырочке. — Сегодня, все это — *мое*, Дилан.

Черт, он попал в самую точку с этим, потому что в ту секунду, я бы отдал свой последний вдох, чтобы заполучить его в себя. К счастью, моего последнего вдоха не потребовалось, только одного слова.

— Даааа.

Где — то между перешагиванием порога моего дома и Дилана, прижатого к лестнице, у меня сорвало крышу. Потому что что — то в его виде, стоящем с поднятыми руками, пальцами обхватившими кованые завитки моих перил и его черными штанами, спихнутыми под его задницу, заставило выйти на поверхность ту часть меня, с которой я все еще знакомился. Ту часть, где Дилан давал мне разрешение отрываться на нем, но которую я все еще учился принимать. Большую часть времени мне удавалось умерить ее как — то, обуздать немного. Но и были другие случаи, как та ночь в «Sun» и прямо сейчас, когда у меня было ощущение, что я смотрел сквозь красную дымку желания.

Мой член пульсировал, когда устроился у тугого входа Дилана, и стоны, которые вырывались из него каждый раз, когда я надавливал на эту восхитительную дырочку, заставляли меня дразнить его все больше и больше. Я не мог объяснить, почему звуки его разочарования, увеличивали это желание, но так блять было всегда. Я видел его напряженные плечи под рубашкой и то, как его пальцы сжимались всякий раз, когда я раскачивался аккуратно туда и обратно. И, наконец, когда показалось, что с него хватит, голова Дилана развернулась в мою сторону, и его лихорадочный взгляд перехватил мой, я понял, что он уже здесь, вместе со мной.

В красной дымке.

Желания.

Именно этого я ждал. Я закрепил свою хватку поверх его руки на железе и впился пальцами в его бедро, и, не произнеся ни слова, толкнулся вперед и погрузил свой член в самое совершенное место, где я когда — либо был. В роскошную задницу Дилана.

Крик, который вырвался на свободу из него, был необычайно довольным, когда он использовал перила, чтобы подтянуть себя вверх и прогнуться в спине для меня, и я подался вперед, мой перед врезался в его спину, а член заполнил его. Я проникал так глубоко, что даже не видел просвета между нашими телами. Когда мы оба стояли так, наше громкое, затрудненное дыхание было единственным звуком, которое раздавалось эхом в пустом пространстве. То факт, что мы были так близко, насколько возможно двум людям интимно связанным, и все еще оба полностью одетые, был настолько невероятно возбуждающим, что мне пришлось на секунду прикрыть глаза и успокоиться. Я чувствовал, как зверь царапался во мне, пытаясь вырваться и сорваться на том, кто был под ним, и тогда Дилан потребовал:

— Сделай это, твою мать, — он отпустил одну руку с перил, чтобы сжать свой член, и это был мой предел.

Я вышел из его тела, а затем ворвался обратно, заставляя его споткнуться, но он быстро стабилизировал себя и толкнулся в ответ с такой же силой, его задница поглощала мой ствол до основания — *и черт возьми* — у меня поплыло перед глазами от того, насколько феноменально это ощущалось.

— Дилан... — сказал я. Предупреждая в каком — то роде, когда он соскользнул сам с

меня, и снова, двинулся назад своими бедрами, насаживаясь самостоятельно.

— Давай, — сказал он и направил бешеный взгляд в мою сторону. — Завязывай со своей чертовой вежливостью, когда мы оба знаем, что ты смертельно желаешь обратного.

И после этих слов что — то внутри меня щелкнуло. Рука, которая накрывала Дилана на перилах, переместилась на спину, к его рубашке, которая болталась между нами, загораживая мне вид, а сейчас я хотел видеть, хотел видеть, как мой ствол исчезал в его дырочке.

Я собрал черный материал его рубашки и сжал ее в кулаке, а затем она скользнула вверх по его позвоночнику к задней стороне его шеи, чтобы крепко вцепится в нее. И пока я держал его там, я вынудил Дилана наклониться вперед, пока он не оказался настолько близко к лестнице, что я знал, что буду убирать беспорядок, который он устроит, вместо того, чтобы объяснять это кому — то. Но сейчас, наблюдая, как его обе руки обвивали крепче перила, я начал вбиваться в него с такой силой и мощью, на какую был способен. Это была какая — то гонка.

Слова, вылетающие из Дилана, были требовательными и несдержанными, когда он просил от меня именно того, что хотел.

Укуси меня.

Жестче.

Еще.

Глубже.

Сделай это со мной.

И я выполнял все, о чем он просил меня, вцепившись изо всех сил в перила, я брал его так, как только мог желать.

Все еще сжимая его шею ладонью, я переношу вторую, чтобы накрыть его руки на перилах и вдавил в твердую поверхность лестницы. Я вклинил ногу между его бедер, и когда он повернул свою голову, я поймал его губы агрессивным и болезненным поцелуем.

От его вкуса и стонов, соскальзывающих с его губ, оргазм захлестнул меня, а Дилан оторвал свою голову от меня и зажмурился, когда его руки напряглись, а пальцы побелели в тех местах, где он мертвой хваткой держался за перила. И потом, без всякой физической стимуляции его налившегося члена, Дилан кончил с такой страстью и силой, что я рвано и шумно задышал, когда мое имя вырвалось из его горла громким криком.

Блять. Это было настолько сексуально, что я не смог удержаться от мысли — сможет ли он разговаривать завтра? — когда рухнул на него. Интересно, как быстро я смогу раздеть его и убедить на второй раунд.

Глава 12.

Детям до 13.

— Эйс, — промычал я сквозь сон на следующее утро. Его обнаженная грудь в данный момент служила мне в качестве подушки, и я прижался к нему крепче, не желая и не в состоянии пока что открыть свои глаза. Но у настойчивой трели телефона Эйса были другие идеи.

— Эйс, — я тихонько потряс его. — Ответишь?

Все, чем мне ответили, было ворчание, а затем сильные руки Эйса обхватили меня за

спину, удерживая около него. Его голос был хриплым ото сна, когда он заговорил:

— Они могут сообщение оставить.

И как только слова покинули его рот, звонок прекратился, и с зевком я устроился обратно на нем. На пять секунд.

Как только звонок снова отразился эхом от стен грандиозной спальни Эйса, мои глаза, наконец — то, приоткрылись. Приподнявшись, я произнес:

— Ладно, ты либо отвечаешь на этот звонок, либо отключаешь телефон.

— Еще слишком рано.

Быстрый взгляд на часы сообщил мне обратное.

— Вообще — то, уже больше десяти.

— Что? — спросил Эйс, подсакивая в кровати. — Как это больше десяти?

Вытянув руки за головой, я ухмыльнулся ему.

— Такое случается, когда ты трахаешь меня всю ночь напролет, — когда бровь Эйса взлетела, будто спрашивая, «*это проблема?*», я добавил. — И я вовсе не жалуясь из — за этого.

— Это просто повод для наказания посерьезнее, — сказал он с греховной улыбкой на губах, и когда он собрался запрыгнуть на меня сверху, я оттолкнул его назад.

— Эйс, я утоплю твой телефон в горячей ванне, если ты не ответишь.

Его рука метнулась к сердцу, и затем он расхохотался и перекатился, чтобы взять телефон. Он нажал на громкую связь и ответил:

— Алло?

— Мистер Локк, у нас тут незапланированные посетители к вам у ворот.

— Естественно, Пит. Все с камерами в руках, несомненно.

Охранник района прочистил горло.

— Вообще — то, сэр, они утверждают, что являются вашими родителями.

— Моими родителями? — Эйс нахмурился. — Ты уверен?

— Да, сэр. Дэн и Патриция Локк, 23 Cliff Acre Court, Чикаго....

— *Эйс Сэмюель Локк, скажи этому юноше, что мы не пролетели полстраны, чтобы посмотреть на своего сына через забор. А теперь будь умницей, открывай.*

— Да, да, это... Черт. Пропусти их, — Эйс потер лоб, когда Пит подтвердил его просьбу и отключился. Затем он перевел свой взгляд на меня, с извиняющимся выражением на лице.

— Так значит... — сказал я. — Твои родители здесь.

— И заранее прошу прощения, — сказал он, спрыгивая с кровати и затем накидывая на себя вчерашние штаны.

— Кажется, я говорил тебе то же самое, когда ты разговаривал по Skype вместе с моими.

— И разница в том, что твоя семья чертовски спокойная.

— Спокойная — определенно точное слово.

— Мои же... — Эйс нажал кнопку на своем телефоне, чтобы открыть главные ворота дома. Затем он посмотрел на меня и пожал плечами. — Нет.

Когда серебристый Мерседес въехал на подъездную дорожку Эйса, он склонился над кроватью и быстро поцеловал меня.

— Спускайся, когда будешь готов, — сказал он, а затем покинул комнату, чтобы спуститься вниз.

Я смотрел в окно, как машина парковалась перед домом, и седоволосый мужчина в идеальном костюме вышел с водительской стороны и обошел машину к пассажирской,

чтобы открыть дверь. Женщина, которая вышла оттуда обладала на удивление короткими светлыми волосами, и была одета в платье ниже колена. Когда мама Эйса приняла руку своего мужа и пошла к входным дверям, моей первой мыслью стала, что они выглядели так, будто направлялись на службу в церковь. Эйс не слишком часто говорил о своих родителях, но я узнал, что он вырос в католической семье и был единственным ребенком, лишь по первому впечатлению, я мог сказать, что они были полной противоположностью Зигги и Солнышку.

Моей второй мыслью стала, что мои штаны все еще валялись на полу в прихожей, где я снял их вчера, перед тем как мы перешли с Эйсом ко второму раунду. *Черт. Дважды черт.* Надеюсь, Эйс избежит от них, до того как они войдут, иначе это станет адским способом произвести первое впечатление. Но учитывая, что я не мог просто спуститься вниз без штанов, теперь я официально считался голозадый. Вот что бывает, когда я не слишком самонадеян и не приношу сумку для ночевки.

Порывшись в ящиках Эйса, я вытащил джинсы, которые, как я понимал, будут слишком большими для меня — его квадрицепсы просто огромные — и простую футболку. Лучшее, что я мог сделать в этих обстоятельствах, но опять же, это не первый раз, когда они видят меня. Они были хорошо осведомлены, с кем встречался их сын, и я мог только надеяться, что это дружелюбный визит. У Эйса итак предостаточно людей, кто устраивали ему нелегкие времена сейчас, поэтому последнее, в чем он нуждался, — чтобы его родители набрасывались на него.

В прихожей раздавались голоса, когда я отправился в главную ванную, чтобы умыться, и ощутил легкий трепет нервозности на дне желудка.

Пришло время знакомства с родителями.

— Мам, пап, — сказал я, открыв входную дверь, чтобы поприветствовать их, до того как они постучались. — Какой замечательный сюрприз. Как вас занесло сюда?

— Посмотри — ка на себя, даже не одет еще, — сказала мама, ее резкий взгляд окинул меня с ног до головы, перед тем как она шагнула внутрь и поздоровалась со мной поцелуем в воздух с каждой стороны моего лица.

— Я поздно лег.

— Мхмм, это я читала, — она вытащила скрученную в рулон газету из своей сумочки и протянула мне. На передней странице был снимок нас с Диланом с нашими близко склоненными головами в интимном объятии.

По крайней мере, они поймали нас выше талии.

— Привет, пап, — сказал я, когда он прошел внутрь, одаряя меня крепким, не — терпящим — никакой — херни рукопожатием, с которым я давно знаком.

Коротко кивнув мне, он произнес:

— Рад видеть тебя, сын.

— Почему вы не сообщили мне, что приехали в город? — спросил я.

— Не для того, чтобы смутить себя, дорогой. Не стоит вести себя так оборонительно, — сказала мама, когда эти двое прошли дальше в прихожую.

— Конечно же, нет, — пробормотал я, закрывая за ними дверь. И когда я развернулся и увидел, что моя мать уставилась на штаны, которые лежали — *мда, именно там, где я их*

сорвал с Дилана вчера ночью — я подпрыгнул, обходя их и сопровождая в большую гостиную в передней части дома. — Просто обычно вы звоните мне и сообщаете о приезде. И это было, когда? Семь...нет, восемь месяцев назад, когда вы приезжали в последний раз?

Каблуки моей матери постукивали по плитке, когда она следовала за моим отцом, который, пройдя через арку, направился к креслу, что так любил, когда приезжал сюда.

— Эйс, не разыгрывай дурачка. Мы воспитывали тебя лучше, чем это, — сказала она.

Я скользнул руками в карманы своих мятых штанов, и когда перехватил неодобрительный взгляд своей матери, то прикусил язык.

— Итак, вы здесь потому...?

— Почему бы тебе не одеться, и мы бы обсудили все за бранчем?

— Я еще не готов для больших сцен сегодня, поэтому, почему бы нам просто не посидеть здесь, и я приготовлю нам чай и кофе...

— И лишишь нас шикарных ресторанов дальше по улице? — цыкнула мама. — Мы не сможем насладиться солнцем и свежим воздухом за едой, поэтому будь добр, сбегай наверх и прими душ. Мы подождем.

Я выдохнул.

— Послушайте, на самом деле, у меня здесь компания, поэтому сейчас не самое удачное время. И вы видели газеты. И это будет не тихая, веселая вылазка.

Когда моя мама не смогла скрыть искры восторга, которые осветили ее глаза, на это заявление, я почувствовал укол обиды. Именно поэтому они здесь. Ради внимания. Ради их друзей из элитного загородного клуба «Cliff Acree», которые увидят их в газетах и по телевизору, обедающих в Беверли Хиллз, в окружении обезумевших людей, которые будут выкрикивать свои вопросы к ним, как будто они суперзвезды. Меня передернуло от мысли, что кто — то может наслаждаться тем, чего я так усиленно избегал, но дело не в том, что я не знал, каким типом людей являлись мои родители. Они не были плохими в любых смыслах, но определенно...наслаждались образом жизни, который моя успешность могла им обеспечить.

— Ой, чепуха, — сказала мама, отмахиваясь рукой. — Ты же знаешь, что нас не волнует небольшой шум.

Угу, но меня — да.

— Почему бы тебе не пойти, собратся, и мы съездим куда —нибудь на часок?

Я бросил взгляд на часы, которые показывали 10.15, и захотел простонать. Последнее, что я хотел сделать сегодня, это отправится на бранч, где мы будем окружены каждым фотографом в радиусе двадцати миль. Но какая еще альтернатива? Начать спорить?

Я уже собрался развернуться на пятках и подняться наверх, чтобы узнать вылез ли Дилан уже в одно из окон и спустился по водосточной трубе, когда услышал, как позади меня прочистили горло. Я обернулся, замечая его, уже стоящего на пороге арки в одной из моих тренировочных футболок Nike, которая сползала на нем со всех сторон и в джинсах, которые делали из него подражателя рэпера, потому что они едва держались на его бедрах.

Огорченное выражение на его лице было полно извинений, и пока он шел ко мне, джинсы соскользнули еще ниже, и ему пришлось подтягивать их на себе, а я не смог сдержаться и расхохотался. Его взгляд метнулся поверх моего плеча, и я знал Дилана достаточно хорошо, чтобы понимать, что он сожалеет, что не может быть более собранным, чем в данный момент, но, черт возьми, он выглядел даже очаровательно. К тому же он не был единственным, кого застали врасплох; я тоже был во вчерашних, костюмных брюках,

которые определенно видели лучшие дни, и застиранной футболке с надписью «*Morning Wood Lumber Company*» и с елочками по всей груди.

Мда, очевидно мы не готовились к приему гостей сегодня утром.

— Привет, — сказал Дилан, даря моим родителям улыбку, которая была настолько широкой, чем все те, что я уже собрал. Затем он шагнул вперед, чтобы пожать руку моему отцу. — Дилан Прескотт. Приятно, наконец — то, познакомится с вами.

Мой отец кивнул.

— Дэн Локк, а это — Патриция.

Когда Дилан подошел, чтобы поздороваться с моей матерью, она одарила его своим стандартным двойным поцелуем в воздух — откуда она этому научилась за последние несколько лет, я понятия не имел — а затем отстранилась назад, чтобы еще раз оценивающе осмотреть его.

— Ты выше, чем я думала, — сказала она, постукивая свои губы указательным пальцем. — Ох, я не имею ничего против этого, естественно. Дело в том, что я видела всех тех актеров, которые работали с Эйсом, и он всегда возвышался над ними. Такие крошечные, те мужчины. Они сделали его самым большим в Чикаго.

Дилан подарил ей ослепительную улыбку, ту, которой он рано или поздно прославится.

— Я из Флориды.

— Ах, ну тогда понятно, — ответила она, кивая, и ее взгляд упал на руку, которой он поддерживал свои — ну, *мои* — джинсы.

— Простите, — произнес он, осматривая свой внешний вид. — День стирки.

Мои родители усмехнулись, а затем повернулись друг к другу со взглядом, который я не смог расшифровать. Когда моя мать снова повернулась к нам, она улыбнулась Дилану приятной, но натянутой, улыбкой.

— Что ж, дорогой, приятно с тобой познакомится, — сказала она, а затем ее взгляд сместился на меня. — Мы приехали сюда в надежде, что сможем забрать Эйса на бранч, чтобы...наверстать упущенное. Это так безлико, общаться на подобные темы по телефону, ты же понимаешь.

Но перед развесившими уши постоянными клиентами и долбанной тонной папарацци это более лично.

Понимание пересекло лицо Дилана, и он кивнул.

— Да, это замечательно звучит. Вы должны сходить, — затем он бросил взгляд на меня. — Я, вообще — то, уже собирался уйти.

— Нет, ты поедешь с... — начал я, но моя мать встряла.

— Думаю, это очень любезно со стороны Дилана предоставить нам время для семьи, ты так не считаешь?

Нет, не считаю, хотел я ответить, но мог сказать по выражению на лице Дилана и по тому, как он медленно отступал назад, чтобы сбежать, что он более, чем счастлив этому соглашению. Со всей честностью, я бы тоже не отказался от *такой* договоренности, но...

— Пошевеливайся, Эйс. Мы хотим попасть туда и занять хороший столик до того, как все на улице будут заняты.

...у меня не осталось выбора.

Угнетенно вздохнув, я потер ладонью макушку и кивнул.

— Ладно. Дайте мне двадцать минут.

Моя мать, наконец — то, села на один из диванов и скрестила ноги, поворачиваясь

телом к отцу. Затем она бросила взгляд поверх своего плеча на нас двоих.

— Конечно, мы подождем здесь, дорогой.

В этот раз, когда она отвела взгляд, я не смог сдержаться, чтобы не закатить глаза, и повернулся, увидев, как Дилан направлялся к лестнице. Когда он дошел до подножия, он остановился как вкопанный, и я заметил, что он смотрел на штаны, которые я зашвырнул в спешке, когда мы раздевали друг друга вчера вечером. Затем его голова метнулась ко мне, а глаза наши мои и практически просверлили во мне дыру.

Черт возьми... Я извиняясь пожал плечами, потому что, ну а что я еще мог сделать в этой ситуации? У меня не было времени, чтобы убрать их из прихожей, а когда его щеки вспыхнули, и напряглась челюсть, я понял, что этот небольшой факт одновременно и раздражал и смущал его.

Ладно, да — да, я не заработал ни одного очка за это. Поэтому я пошел туда и поднял штаны с пола, а когда достиг его у подножия лестницы, он покачал головой.

— Не удивительно, что они не хотят есть со мной ланч.

Когда Дилан начал подниматься по лестнице, я последовал очень близко за ним.

— Поверь, когда я скажу тебе, что ты ничего не упускаешь. Но если хочешь...

— Ты издеваешься? — сказал он, когда мы поднялись и направились в мою спальню. — Я может и хотел минуту назад, но это было до того, как я узнал, что твои отец и мать видели мои штаны в твоём коридоре, Эйс. Господи.

— Ой, я тебя умоляю, можно подумать, что они не догадались по тому, как мы одеты, что произошло здесь вчера ночью. Все нормально, — захлопнув за собой дверь, я продолжил. — И поверь мне, когда я говорю тебе, что единственная причина, по которой они здесь — чтобы увидеть и быть увиденными, и напомнить мне, как усиленно я смываю свою карьеру в унитазах.

— Не говори так.

— Почему нет? Это правда, — я сорвал свою футболку, направляясь в главную ванную, а затем включил душ. Когда я обернулся, Дилан стоял передо мной, и я озорно улыбнулся ему. — Не желаешь присоединиться?

— Кажется, это не очень хорошая идея.

— Почему нет? Потому что мои родители внизу?

— Нет, потому что у тебя всего двадцать минут, а я — жадная сволочь.

Я рассмеялся, и когда вцепился в его футболку и потянул на себя, свободные джинсы свисающие с его бедер, упали на пол. Расхохотавшись сильнее, я опустил руку и сказал:

— Похоже, твоя одежда самостоятельно слетает при виде меня.

Дилан обратно натянул и придержал их, ворча всю дорогу из ванной.

— Проклятый мускулистый здоровяк, — пробормотал он себе под нос.

— Эй, может, задумаешься над тем, чтобы в следующий раз принести немного запасной одежды сюда. И зубную щетку. И, возможно, тридцатисантиметровый дилдо...

Когда Дилан захлопнул за собой дверь, я усмехнулся и сбросил свои штаны. Я только наполовину пошутил, но не мог отрицать той мысли, что висящие вещи Дилана рядом с моими, творили удивительный вещи с моим сердцем. И мысли о том тридцатисантиметровом дилдо творили потрясающе — удивительный вещи с моим членом. *Двадцать минут? Мне хватит всего лишь пяти с этим безумно — жарким образом, и в независимости от того, кто сидел внизу,* подумал я, шагнув под струи.

Сети.

— Эйс, где твой любовник?

— Дилан уже познакомился с родителями?

— Это правда, что вы расстались сегодня утром?

Я отдал ключи от своего Range Rover парковщику, и заставил себя не закатывать глаза на все крики, исходящие от фотографов, которые выстроились у обочины «The Vine», популярного место для ланча, которое выбрали мои родители. *Мда, популярное из — за каждой проклятой знаменитости, за которой гонялись папарацци, здесь они попадали в новости.* И именно так все и выглядело. Ты не пойдешь в подобное место, как «The Vine», если хочешь оставаться вне радаров, потому что тот факт, что я был здесь с родителями, но без Дилана, скорее всего запустит новый дерьмо — шторм сплетен.

Моя мать взяла меня под локоть, когда я повел ее по кирпичной дорожке, которая вела внутрь, и когда мы проходили забитый — до — отказа внутренний дворик, я чувствовал взгляды постоянных посетителей, прожигающих дыры, как пули, в моем теле.

Улыбайся, придурок, думал я. Как будто я забыл правила этой игры. Как удерживать прессу и всех зевак очарованными, раздаривая улыбки, взмахивая руками и дружескими подколками. С трудом сглотнув, я выдавил улыбку на своем лице и кивнул парочке людей, смотрящих в мою сторону, а затем придержал открытую дверь для своих родителей и шагнул следом в арктический интерьер.

— Надо же, все эти люди здесь из — за моего мальчика, — произнесла мама, глядя на меня снизу — вверх из — под своих длинных, накладных ресниц.

Я умудрился сдержать язык за зубами, когда, наконец — то, обнаружилась хостесс и спросила, где мы предпочитали пообедать, снаружи или внутри.

— Внутри... — начал я.

— Ох, Эйс, здесь прохладно, и я забыла свой свитер, — мама растирала себя ладонями, чтобы согреться и изогнула свою шею, чтобы выглянуть наружу. — Нам, наверное, стоит сесть под один из тех милых зонтиков и подышать свежим воздухом. Как считаешь?

Я закричал зубами так сильно в этот момент, что даже удивительно, что не выплюнул их.

— Вообще — то, там небольшой хаос.

— Ой, уверена, что эта молодая леди сможет найти нам что — то, что не будет находиться среди всего того хаоса. Вы сможете, дорогая?

Когда моя мать вернула внимание хостесс, широко — распахнутые глаза девушки метнулись ко мне, и я мог бы сказать, что она подумала — *нигде там снаружи не будет менее хаотично, когда дело касается вас* — и я коротко кивнул ей, давая понять, что более чем осведомлен, что то, что просила моя мать, было близко к невозможному.

— Если вы дадите мне секундочку, мистер Локк, мне нужно подготовить столик.

Другими словами, она собиралась выйти в забитый внутренний дворик и выпнуть кого — то менее важного из — за одного и самых просматриваемых столиков. *Это последнее, чего я хотел сегодня.* У меня создавалось ощущение, что меня не только удостоит целой «ты соображаешь головой» речи от моих родителей, но и еще я займу место посреди проклятого цирка.

— Окей, — сказала хостесс, когда вернулась, растирая свои руки вместе. Она лучезарно улыбалась нам троим, наверное, невероятно гордая тем, что отхватила себе знаменитость, которая привлечет тонны журналистов к ее шефу, и затем она сказала. — Следуйте за мной.

И не заботясь ни о чем, мои мать и отец пошли за женщиной, и я заметил, как мама улыбалась всем глазающим на нас, пока мы прокладывали свой путь через столики. Когда она бросила взгляд на толпу папарацци, выстроившихся вплотную у белого заборчика, который окружал крошечный ресторан, она заправила прядь волос за свое ухо скромным жестом, призванным заставить ее выглядеть застенчивой и ничего не подозревающей о внимании, когда, в действительности, все было наоборот. Я же... Уверен, я выглядел, как человек, которого вели на казнь.

— Могу я уже сказать это? Ты же знаешь, как я смертельно хочу.

Я практически видел самодовольное лицо Дерека через трубку, и закатил глаза.

— Если тебе так нужно, — сказал я.

— О, еще как нужно, ты — скрытный сучонок. Или я должен сказать сучонок Эйса Локка?

— Я, скрытный? Ты не называл мне имени Джордана несколько лет, козлина.

Смех Дерека был громким и отвратительным.

— Заметил? Ты даже не отрицаешь, что ты — сучонок Эйса Локка. Ну, хоть чего — то добились. И к слову, где ты сейчас? У него дома? В его постели? В его Ferrari? На Фиджи?

— У него нет Ferrari.

— Иииии он снова уклоняется, дамы и господа.

— Я не уклоняюсь, — ответил я, прислоняясь к спинке дивана и бездумно переключая ограниченное количество каналов.

— Чушь собачья. Он там, да?

— Нет.

— Почему так тихо, хмм? Ты иначе занял его рот?

— Пошел ты, — я перестал щелкать каналами, когда вздрагивающий образ профиля мужчины пересек экран, как будто оператор бежал за объектом своего внимания. Когда они остановились и навели фокус на мужчину и пожилую пару, сидящую напротив него, стало довольно очевидно, куда родители Эйса решили пойти на ланч. *Ох, твою мать.*

— Он на коленях? — спросил Дерек.

Когда камера наехала на точеный профиль Эйса, я заметил, насколько сжата была его челюсть, и грозное выражение на лице, а когда он заговорил, его губы двигались так быстро, что не было возможности прочесть, что он говорил. Но чем бы это ни было, не похоже, что это было хорошим.

— *Ох, проклятье,* — я вцепился в тыльную сторону своей шеи, наблюдая, как мама Эйса отвечала на то, что он сказал с улыбкой, и когда она замолчала, то невзначай посмотрела в камеру и слегка кивнула.

— Чувак, это была шутка, — сказал Дерек, напоминая мне, что он все еще на линии.

— Да, черт...прости, старик. Я понял, просто... — я оборвал себя и задумался, пересеку ли я черту, если попрошу Дерека переключить канал? Но решив, что мне нужен кто — то еще, кроме обезумевшего меня, я попросил. — Переключи канал... — я напряг память,

пытаясь вспомнить каналы во Флориде. — ...на второй.

— А?

— Просто включи сраный второй канал, Дерек.

— Боже, Прескот. Умерь пыл. Секунду, — послышалось какое — то копошение на заднем плане, пока я продолжал сидеть на краю дивана, мертвой хваткой вцепившись в шею, а затем Дерек вернулся. — *Твою мать.*

— Угу, — сказал я, когда картинка на экране переключилась на какого — то другого пасущегося оператора, и ему видимо не настолько повезло, как фотографу, который бежал через всю улицу для главного вида, потому что это был панорамный снимок с улицы, и сказать что Эйс привлек толпу — громадное преуменьшение века.

— Боже, — сказал Дерек, когда я встал на ноги, не в состоянии больше сидеть спокойно. — Зацени заголовки бегущей строкой внизу экрана.

Можно подумать я мог не заметить их. Жирным шрифтом внизу экрана было написано: **ДИЛАН РАЗБИЛ СЕРДЦЕ ЭЙСА; ОТКАЗАЛСЯ ЗНАКОМИТЬСЯ С Е РОДИТЕЛЯМИ.**

— Ты же правда встречаешься с ним, да?

На вопрос Дерека, я начал нарезать круги по своей крошечной квартирке.

— Не знал, что это все еще под сомнением. Если только ты веришь в этот мусор.

— Дилан...ты встречаешься с чертовым Эйсом Локком. Пока ты не позвонишь и не скажешь, привет, Дерек, все, что ты прочитаешь — правда, и меня действительно видели с голливудской суперзвездой боевиков, я не поведусь на эти провокации.

Именно это делало Дерека Пирсона тем, кому, я знал, я всегда смогу довериться. Тем, я знал, с кем у меня могли быть *дерьмовые* моменты, и именно сейчас я осознал...что у меня даже не было времени, чтобы рассказать об этом.

— И...? — сказал он, и я выдохнул.

— Да. Я встречаюсь с Эйсом Локком.

Хохот Дерека ворвался в трубку и мое ухо, и даже после всего, что я увидел на экране, я ощутил, как ухмылка растягивалась по моим губам.

— Чувак...он долбанная суперзвезда. В том смысле, я помню, как говорил, что ты уедешь и выйдешь замуж за какого —нибудь богатого ублюдка. Но, серьезно, Эйс Локк?

— Поверь мне. Я так же удивлен, как и ты.

— Да ладно тебе, давай подробности. Как он любит, грубо и все такое?

Решив немного повеселиться с Дерексом, я ответил:

— Ага, очень грубо. Каждый раз, как он входит в помещение, и вспышки стихают, он переключается в роль командира.

— Да ну нафиг, старик.

— Хах, думаю, он бы понравился тебе. Он...очень... — я не мог придумать ни черта, что бы охватило то, каким был Эйс. Он — добрый, щедрый, скромный и, да, сексуальный, но я не собирался все это рассказывать Дерексу и быть обвиненным в превращении в сопливого придурка.

— Растерял все слова? Вау. Как насчет того, что ты привезешь его сюда для знакомства и позволишь нам все самим увидеть, а? Представить его семье и всякая такая херня?

— Эм... — я представил Эйса в одной комнате с Солнышком, Зигги и Ленноном, и усмехнулся. — Я даже не задумывался об этом до сих пор, но возможно как —нибудь. Мне нужно скоро съездить туда.

— Сделай это, Прескот. Мы забабахаем убийственную, приветственную вечеринку твоему мужику.

Я рассмеялся. *Да — да, несомненно.*

— Я очень ценю это. Поговорим позже.

— Ага, позже.

Когда я завершил звонок, мой взгляд метнулся обратно к экрану, где половина телевидения была сосредоточена на Эйсе. Его лицо покраснело, пока он сидел, ковыряясь в чем — то в своей тарелке, а с противоположной стороны репортер рассказывал в мельчайших подробностях свои предположения того, что происходило.

Может, я должен был поехать с ними на ланч, в конце концов.

По крайней мере, тогда бы он не принимал в одиночку удар того, что обсуждали его родители.

Я в аду. Эта мысль крутилась в моей голове, пока сидел посреди сцены своего самого худшего кошмара.

Слева от меня, казалось, все население ЛА собралось на обочине у «The Vine» с камерами в руках, а напротив меня сидела моя мать, прихорашиваясь перед стервятниками, которые щелкали снимок за снимком самый некомфортный ланч, за которыми я когда — либо имел неудовольствие сидеть. Слева от *мамы* сидел отец, и к его чести, он не кривлялся сильно перед зрителями, но и не очень — то старался ограничить сольное выступление моей матери за этим обедом, помимо уже той славы, собравшей эту небольшую вылазку. И сообщить, какую колоссальную ошибку я совершил, открыто заявив о своих отношениях с Диланом. Ее последнее заявление вызвало во мне настоящую потребность прирезать что — то помимо стейка перед собой.

— Ну, дорогой. Что скажешь? — моя мать начала заново, беспощадная в своей задаче, задав мне самый обидный вопрос. Я понимал, что мое лицо транслировало всем, кто наблюдал — и был уверен, что на данном этапе это больше сотни человек — насколько для меня это было отвратительно. По крайней мере, очки, которые я нацепил на нос, прикрывали мои глаза, которые не могли скрыть...что? *Шок, обиду и злость*...из — за того, что мои родители выясняли это здесь — на публике.

— Что я должен сказать? — спросил я сквозь стиснутые зубы. Я склонился над столом, пока не смог понизить свой голос до шепота, понимая, что меня все равно услышат, и спросил. — Ты серьезно? Ты серьезно, на секунду решила, что я сделаю то, что ты только что предложила?

Глаза моей матери слегка расширились на мою интонацию, но я собирался добиться всего, что мог. И учитывая, что был значимее, чем среднестатистический человек, которого пилили из — за его любовной истории, я подумал, что ей повезло, что я не встал из — за стола и не свалил на хер.

Продолжая фарс со встречей счастливой семьи, моя мать потянулась за водой и сделала глоток, прежде чем ответить.

— Мне кажется, ты должен тщательно рассмотреть это, Эйс. Мы только думаем о твоей карьере и всей усердной работе.

— Я не собираюсь возвращаться в долбаный шкаф, и не важно, сколько работ я потеряю

при этом.

— Эйс... — начал отец, но я покачал головой.

— Нет, вы двое больше не имеете права обсуждать то, как я проживаю свою жизнь. Я делал то, что говорили вы, много лет, слишком много, и был несчастен. Я не заведу себе девушку и не прекращу все это. Никто больше в это не поверит.

— Просто задумайся над тем, что ты творишь, — сказала мама беззвучным шепотом, сквозь ее милую интонацию начала пробиваться досада. — Только посмотри на те роли, что ты уже потерял. И свои представительские обязанности? Мы говорим о миллионах долларов сейчас, Эйс. Ты не сможешь оправиться после этого.

— Если нет, то я заработал больше денег, чем знаю на что их потратить.

— Это ты сейчас так думаешь, но что ты будешь *делать* со своей жизнью? — спросила она.

Мои губы сжались.

— Думаю, пойду на уроки гончарства. Попробую свои силы барменом. Или *возможно* я просто должен найти что — то по — голубее...

— Достаточно, — сказал отец, и моя мать положила руку на его ладонь, действием, которое заставляло его заткнуть свой рот.

Затем она коротко посмотрела вбок на камеры, и когда снова перевела взгляд на меня, она улыбнулась.

— Послушай, милый, мы не говорим, что ты не можешь быть... — ее взгляд заметался по сторонам, и она наклонилась вперед. — ...*геет*. Это твой выбор и твоя личная жизнь, но здесь обсуждаются вещи намного серьезнее. В смысле, Дилан кажется достаточно приятным мужчиной, но действительно ли он стоит того, чтобы выкинуть все, что с таким трудом заработал, ради...

— Да! — взорвался я, и треп вокруг нас заглох. Все взгляды — ну, те, которые еще не смотрели на нас — повернулись в нашу сторону, и мне пришлось физически приложить руку к челюсти, чтобы держать ее закрытой. Не сказать, что я не догадывался, что последует этот разговор. Черт, мои родители помогали организовывать для меня «подружек» долгие годы, но не думаю, что они хотели довести меня до взрыва на людях, не тогда, когда любой из этих людей мог, и сделает это, побежать к тем фотографам, когда мы уйдем, с сенсационной новостью.

Я оттолкнул свою тарелку в сторону, с таким чувством тошноты, что даже не пытался что — то запихнуть в желудок. Когда я снова поднял взгляд, у моей матери было выражение убитого горем человека, и я знал, что это означало, — следующими будут слезы. Они чаще срабатывали со мной, слишком часто, но не в этот раз. Что бы ни последовало дальше, будет заткнуто очень быстро.

— Но...а как же мы? — сказала она тонким голоском. — Ты подумал о том, что будут говорить о нас люди....

— Нет, — сказал я.

— И что если в итоге, мы окажемся нищими? Мы уже на пенсии, и у твоего отца плохие колени, поэтому как ты можешь просить нас вернуться на работу...

— Так, просто остановись. Ты отлично знаешь, что вы оба обеспечены на всю жизнь. Если того, что я откладывал для вас недостаточно, тогда забирайте все. Я не хочу этого. Я счастлив впервые в жизни. Вы понимаете? Вы не можете просто позволить мне это? — даже не утруждаясь ответом, я встал, и не обращал внимания, как все наблюдающие наклонили

свои камеры, чтобы снять меня на ногах.

Фу, весь этот гадюжник вызывал во мне желание просто, блять, заорать. Давление в каждом аспекте моей жизни наступало на меня, и чем дольше я оставался здесь, тем большее чувство клаустрофобии я ощущал. Это проблема, при таком уровне славы. Ох, это связано с большим количеством блеска, гламура и денег. За каждым крошечным действием, что вы сделали, наблюдают. Это будут осуждать, изучать и анализировать, пока ты не захочешь выдрать с корнем свои чертовы волосы. И чем дольше я сидел здесь без Дилана и со злым выражением на лице, тем больше понимал, что истории, которые будут крутиться повсюду, станут настолько разгромными, что я захочу надрать всем задницы.

Я бросил салфетку на стол и свирепо уставился на родителей.

— Я уезжаю, — оповестил их, просто на случай, если это не ясно. — Я попрошу хостесс отправить мне счет, когда вы закончите, и отправлю Фрэнка, чтобы он забрал вас.

— Что? *Эйс*, — теперь возмущенно произнесла мама, его глаза округлились, как тарелка с хлебом перед ней. — Ты не уедешь и не оставишь нас здесь. Сядь.

— Нет. С меня хватит. Этот разговор закончен, — когда я сказал последнее слово, молодая девушка выбрала этот неудачный момент, чтобы перебить меня.

— Простите, мистер Локк?

— Что? — огрызнулся я ядовитым тоном, разворачиваясь вокруг, чтобы увидеть миниатюрную брелочку с ручкой и блокнотом в руке. *Она, что, блять, серьезно?*

Это поставило меня в тупик, так предсказуемо для этой публики. Я понимал свою роль, я любил своих фанатов, но иногда мне становилось интересно, они забывали, что мы тоже люди? Потому что я не мог поверить, что кто — то, кто видел меня сейчас, посчитал бы, что сейчас удачное время, чтобы подойти и попросить автограф. Но вот она, стоит здесь и смотрит на меня снизу — вверх, как будто я только и жду подобного дерьма — реально, я же должен ждать, правильно?

Господи, пульсация в моей голове была безжалостной, и я знал, что если скоро не уберусь отсюда, то сойду с ума.

— Простите, просто...вы мой любимый актер, и сегодня мой день рождения, и Боже мой, я не могу поверить, что действительно встретила вас, — глаза девушки блестели от восторга, ярко — розовый румянец покрыл пятнами ее щеки, и я сразу же ощутил укол вины.

Я потер рукой голову и попытался улыбнуться.

— Что ж, с днем рождения....?

— Ой! Это — Аманда, — сказала она, и затем прикусила свою губу. — В смысле, я — Аманда.

— С днем рождения, Аманда, — сказал я, кивнув, а затем забрал у нее ручку и бумагу. Я начеркал быстрое послание и поставил подпись, а когда вручил блокнот обратно, она положила ладонь на мою руку.

— Могу я еще вас обнять?

— Эм...конечно.

— Ой, спасибо, — ответила она, накидываясь на меня с объятиями. — *«Похититель счастья»* — мой самый любимый фильм. Кажется, я раз сто его пересмотрела.

— Спасибо, он тоже один из моих любимых.

— И, эм, я просто хотела сказать, что... — она понизила голос, и я склонил голову, чтобы расслышать ее. — Считаю вас с Диланом очень милыми. Ну, вместе.

Когда она отстранилась, я с трудом сплотнул. Это был первый раз, когда кто — то

помимо Шейн и остальных девочек, говорил хоть что — то, даже вполонину принимающее наши отношения с Диланом, и меня поразили эмоции, вызванные единственной фразой от незнакомки.

Я не мог подобрать слов очень долго, а затем умудрился сказать:

— Я очень ценю это.

Она ушла обратно к своему столику и с гордостью демонстрировала мое послание группе, с которой обедала.

Однако, когда я направился к парковщику, любые сентиментальные чувства, которые всколыхнулись во мне, были втоптаны в землю. Когда я шагнул на тротуар, по меньшей мере, десяток или больше камер оказались перед моим лицом, такое множество вопросов было выкрикнуто мне, что я едва расшифровывал их по отдельности.

— *Эйс, ты бросил своих родителей на произвол судьбы, потому что они не одобрили ваши отношения?*

Такое ощущение, что я находился в центре урагана, фотографы окружили меня со всех сторон, блокируя мне дорогу, что даже пришлось с боем пробираться сквозь них. Мое терпение истончалось, когда я сказал:

— Пожалуйста, отойдите.

— *Эйс, ты не боишься, что Дилан может использовать тебя из — за денег, после детства в приемной семье?*

Я остановился и просканировал море лиц, в поисках урота, который сказал это. *Они что, блять, серьезно несут эту херню?*

— *Мы можем только спросить у тебя...*

— Убирайтесь с моих глаз, — зарычал я, поднимая руку вверх, чтобы заблокировать линзы камер, прямо на уровне глаз. Вспышки ослепляли, и в довершении всего этого, я не видел ничего из — за людей, которые столпились вокруг меня и не давали даже шагу ступить. — Вам стоит отойти или кто — то пострадает.

Я протолкнулся к водительской стороне своего внедорожника, и наплевал на то, что от этого люди запинались назад.

Когда захлопнул за собой дверь и переключил коробку на «drive», я мог пробираться только по сантиметру, из — за столпотворения вокруг машины. Все, что я мог сделать, — вдавить кулак в сигнал и молиться, что у меня осталось достаточно терпения, чтобы никого сегодня не переехать.

Я стоял у островка на своей мизерной кухне с телефоном, зажатым между ухом и шеей, черкая окончательные сроки, которые мой агент Клодия только что озвучила по телефону. Телевизор был напротив меня, но развлекательная программа, которая прокручивала непрерывное наблюдение за ланчем Эйса, ушла на рекламу, перед этим сообщив зрителям, не переключаться, чтобы не пропустить, что будет дальше. Лично я надеялся, чтобы оборвался их сигнал, и никто не узнал, что будет дальше, но...желание, что это произойдет, не поможет этому осуществиться.

— Дилан? — обратилась Клодия, снова завладевая моим вниманием. — Ты все понял?

Я просканировал предложения, и компании, *сделавшие* предложения, и мне пришлось напомнить себе, что теперь это моя жизнь. Это было абсурдно.

Это работа мечты. Работамоей мечты. И все они были на моем радаре долгие годы. Цели, к которым я стремился, когда приехал в ЛА. Теперь же, вот так внезапно, после связи с Эйсом, меня затапливала работа, приходящая со всех уголков мира, и это было...это было... *Ну, ошеломительными и чертовски волнительным.*

Эйс был непреклонен, чтобы я наслаждался привилегиями того, что появлялось на моем пути, говорил мне, что это возможно единственное положительное, дельное, что выявилось из всего произошедшего. Но я все еще не решался вообще поверить, что все это было реальным.

— Да я понял. Значит следующие две недели у меня свободны, а затем все обезумят?

— Обезуметь — лучший возможный способ, Дилан, ты станешь самой востребованной моделью в мире.

И от подобных слов, все казалось невероятным. Я собирался спросить ее, будет ли нормальным подъехать завтра утром, подписать эти контракты и забрать корректное расписание моих предстоящих съемок, когда в дверь громко заколотили.

— Подождешь секунду, Клодия?

— Конечно, милый.

Я бросил ручку на блокнот и направился к двери, когда по ней снова начали колотить, и у меня было ощущение, что я точно знал, кто был по другую сторону...

— Привет, — поприветствовал я, открывая входную дверь.

— Привет, — было грубым ответом Эйса, когда он задел меня, промаршировав внутрь. Я заметил знакомый рой фотографов, щелкающих на лужайке, и приложил все усилия, чтобы не показать им «фак».

Подняв телефон обратно к уху, я произнес:

— Клодия, я перезвоню, — а затем пихнул телефон в карман. Взгляд Эйса был на экране телевизора, а я потянулся за пультом и быстро его отключил.

— Я бы спросил как ты, но... — произнес я, бросая пульт на диван.

— Мда. Ни хрена не хорошо.

— Я заметил. Видел это.

— Я так больше не могу.

Мое сердце рухнуло в желудок, а кровь в венах превратилась в лед. И когда пристальный взгляд Эйса поднялся к моему, там было разгромленное выражение, которого я не видел у него прежде, еще и с примесью искр злости, и этот взгляд пугал меня до того, что я боялся услышать, что он скажет дальше. Он собирался сказать, что это слишком. Что я не стоил того преследования, которое он терпел каждый раз, когда выходил из дома. Что наши отношения не выдержат удара, который потерпела его карьера. Что было весело, приятно окунуться в отношения, но сейчас неподходящее время, и я не подходящий парень.

— Прости, — сказал он и затем отвернулся, его рука сжала шею сзади. — Я думал, что сильнее всего этого, но я не могу...

Не в состоянии стоять на месте, я сделал необходимые шаги, чтобы оказаться рядом с ним, и несмотря на то, что я знал, что он собирался сказать, я все равно нуждался в его прикосновениях.

— Эйс. Все нормально, — произнес я, желая заверить его, что хотел только лучшего для него, даже если это означало мое разбитое сердце.

Он обернулся так быстро, сбивая мою руку.

— Мы можем просто уехать? Куда —нибудь? Без разницы?

— Что?

— Они повсюду, постоянно следят за нами, говорят самое ужасное дерьмо, и я не могу даже сбежать от своих проклятых родителей. Давай, просто уедем.

Мой мозг пытался догнать то, что он говорил, но все, что я ощущал, — облегчение, что слова, которые я ждал, не покинули его рта. Вместо этого он хотел.... — Ты хочешь, чтобы мы куда —нибудь уехали... вместе? Я правильно тебя понял?

— Ну, без тебя я не поеду.

Я понимал, что улыбка, которая растянулась на моем лице, была ужасно не к месту, но будь я проклят, если то, что он только что сказал, не растопило лед, появившийся несколько секунд назад.

— Что, ради всего святого, смогло заставить тебя улыбнуться прямо сейчас?

— Прости, — сказал я, несколько не извиняясь, когда шагнул к нему и обнял за талию. Когда я немного откинулся назад, то продолжил лучезарно улыбаться, а морщинка между бровей Эйса лишь стала глубже.

— Ладно, ты начинаешь казаться слегка невменяемым, — сказал он.

— Я подумал, что ты приехал, чтобы порвать со мной, ты здоровый...

— Будь хорошим мальчиком... — предостерег он, и морщинка, наконец, начала расслабляться.

— Буду, — ответил я и процеловал дорожку по линии его челюсти к уху. — Я чуть не заработал сердечный приступ из — за тебя, потому что подумал, что ты приехал покончить со всем, глупый засранец, — его грудь загрохотала подо мной, и я ущипнул его мочку, счастливый, что добрался до него, чтобы он расслабился. — И куда ты хочешь поехать?

— Самуи? Гавайи? Вануату?

— Где, блять, это Вануату?

— Это маленький остров на побережье Австралии, настолько далеко отсюда, что я думаю поехать туда.

Я погладил его грудь сверху — вниз и положил руку поверх его сердца. Я чувствовал, как оно равномерно билось, пока он дожидался моего ответа, и я изогнул губы.

— Вообще — то... у меня есть кое — что получше на уме.

— Есть, да?

Я кивнул, а затем похлопал по его груди, отходя в сторону, чтобы достать телефон.

— И еще, как быстро мы сможем уехать?

Глава 14.

Лучше, чем в кино.

— Ты такой милый, когда нервничаешь, — сказал Дилан, его губы изогнулись, когда он посмотрел на меня.

— Я не нервничаю.

— Ты волнуешься.

— Я не... — бросив взгляд туда, где крутил часы на своем запястье, я быстро отпустил их, и Дилан потянулся за моей рукой.

— Мхмм. С трудом верится, что Эйс Локк будет из — за чего — то нервничать, но вот он ты, переживаешь из — за...

— Знакомства с твоими друзьями. Твоей семьей. Угу, никакого давления.

— Именно. *Никакого* давления. Именно поэтому мы здесь. Чтобы расслабиться и выдохнуть, и обещаю, никто здесь не посягнет на твою задницу.

— Кроме тебя, я надеюсь, — усмехнулся я, и его ответные ямочки вызвали во мне желание поехать в какую — нибудь более приватную обстановку. Мир в наших руках, а мой парень захотел поехать сюда, в солнечную, влажную Флориду. Но Дилан не видел свою семью и друзей несколько месяцев, и насколько настороженно я бы не относился к знакомству с людьми, которые ему были очень дороги, я слегка был взволнован — но ему я не скажу об этом. Я никогда не знакомился с семьей того, с кем встречался, потому что все это были настолько незначительные отношения, что это не имело большого значения. Но я понимал, что мое будущее принадлежит мужчине рядом со мной, что означало, — это важный первый визит.

— Там только Дерек, и поверь, он будет волноваться больше, чем ты, когда ты переступишь порог дома.

Я прищурился на коварный блеск озорства на лице Дилана.

— Он не знает, что мы приедем?

Дилан усмехнулся.

— А что было бы в этом веселого?

— Почему у меня такое ощущение, что ты что — то задумал?

— Потому что ты умный мужчина.

— Дилан...может, тебе стоит позвонить ему. Он может не хочет... — когда Дилан взорвался хохотом, обрывая мои слова, я нахмурился.

— Прости, — сказал он, пытаясь успокоиться. — Ты просто не представляешь насколько ошибаешься. Да он умрет, когда увидит тебя. К тому же, это и мой дом тоже. Я могу приводить кого захочу и когда захочу.

Я понимал, что это должно было убедить меня, но все равно сомневался, что кому — то понравится неожиданный гость в их доме. Особенно, тот, кто потенциально мог привести за собой шлейф фотографов. Единственной спасительной благодатью было то, что мы смогли спонтанно уехать, чтобы никто не знал, где мы...пока.

Я глубоко вдохнул и выглянул в окно, когда машина остановилась у тротуара скромного, одноэтажного дома. Около него был припаркован черный джип, но помимо этого больше никакой активности рядом не наблюдалось. Это было долгожданное облегчение. Тишина и неподвижность всего этого.

— Ты в порядке? — спросил Дилан, и я повернулся к нему лицом, догадываясь, что пришла моя очередь убеждать его. Я сжал его пальцы и кивнул, а когда он наградил меня ослепительной улыбкой, я не смог остановить себя, чтобы наклониться, обхватить его щеку ладонью и прижаться нежным поцелуем к его губам. Когда отстранился, я заскользил подушечкой большого пальца по его щеке, и его потрясающие, зеленые глаза распахнулись.

— Спасибо, что привез меня сюда, — сказал я, и Дилан осторожно прикусил свою нижнюю губу, да так, что мне захотелось целовать его вечность.

Боже, как так получилось, что я сидел здесь рядом с ним? Как стало возможным, что мне так чертовски повезло?

— Спасибо, что ты здесь, — ответил он, когда я отстранился и потянулся за дверной ручкой, как раз в тот момент, когда водитель распахнул широко дверь. — Готов?

Я притворно застонал, а затем последовал за ним к багажнику, чтобы забрать наши

чемоданы. Прямо напротив их дома широко растянулся белый, песочный пляж, усыпанный меньшим количеством людей, чем я ожидал в это время года. Чистая, аквамариновая вода манила к себе, и я знал, что это будет более теплый прием, чем в холодных водах Тихого океана, к которым привык я. Когда я полной грудью вдохнул соленый воздух, мое тело начало расслабляться впервые за несколько недель. Дилан был прав. Это именно то, что мне нужно — что нужно *нам*.

Когда мы пошли по тротуару, Дилан вытащил из своего кармана ключи, и меня поразило то, насколько странным ощущалось, что *они* были от его дома. Не от тесной студии в ЛА, а от его дома, который я никогда раньше не видел, практически в трех тысячах миль от дома, где жил я, и не только это, но и осознание, что нервозность растворилась, а жгучее любопытство дало шумный старт.

Дилан открыл замок на входной двери и толчком открыл ее, пару раз громко постучав, перед тем как войти.

— Дорогая, я дома, — крикнул он, закатывая маленький чемодан в небольшую, но красиво оформленную гостиную и бросил ключи на столик сбоку.

— Какого хрена, — я услышал парня — предположительно Дерека — откуда — то из глубины дома, а затем тяжелые шаги направились в нашу сторону. Я никогда раньше не видел фотографий друга и соседа Дилана, но когда татуированный мужик в черной майке, камуфлированных шортах и черных военных ботинках показался в поле зрения, вытирая голову с влажными, каштановыми волосами, я сразу же понял кто это. Описание этого парня Диланом идеально совпадало по всем критериям — в том числе дерзкое приветствие, которым он одарил нас, как только заметил своего друга.

— Чувак, как, твою мать, ты проник в город на следующий день, после того как сказал мне, что не собираешься в ближайшее время приезжать? Я бы забрал твою задницу из аэропорта, — Дилан встретил Дерека на полпути и дал ему пять, прежде чем обнять.

— Не стоило. Я вообще — то привез...

— Ох*еть, — взгляд Дерека приземлился на меня из — за плеча Дилана, и Дилан повернулся и указал в мою сторону.

— Эйса, — закончил он.

Пока я стоял рядом с Дерекком, который уставился на мужчину, застывшего в нашей прихожей, мне пришлось согласиться с оценкой Дерека, потому что если бы кто — то сказал мне перед отъездом в ЛА, что в следующую поездку домой Эйс Локк будет со мной, я бы обозвал их гребаными лжецами.

Но... вот он здесь. Чемодан у его ног, его руки запиханы в карманы шорт, полуулыбка красуется на его лице. И хотя он выглядел немного встревоженным, для меня он никогда не выглядел еще красивее.

— Дерек... — начал я, но Дерек отмахнулся от меня и шагнул вперед.

— Ты... — произнес он, а затем замолчал и оглянулся на меня через плечо, и я не смог сдержать ухмылку на своем лице, когда он вернул взгляд на Эйса, чьи губы растянулись в самодовольную линию. *О да, это так мило.* Не так часто Дерек Пирсон представал онемевшим, но, черт возьми, это не могло не удовлетворять. Это потрясающее зрелище — два самых самоуверенных мужчины ходили вокруг друг друга на цыпочках.

— Ты — Эйс Локк, — проинформировал Дерек Эйса, просто, на случай, если тот забыл. Затем он крутанул голову в мою сторону, чтобы посмотреть на меня, и его глаза были просто огромными. — Ты повез долбанного Эйса Локка в наш дом и не сказал мне об этом?

Я не смог сейчас сдержать улыбку «да, я сделал это», которая растеклась по всему моему лицу. Затем я уловил движение Эйса, и мой взгляд метнулся к нему, чтобы увидеть, как тот шагнул вперед, вставая ровно перед Дерекком, который сейчас повернулся к нему лицом. Эйс протянул руку, и когда Дерек поднял собственную, чтобы взять ее, как робот, Эйс сверкнул своей улыбкой на тридцать — миллионов — долларов и пожал в ответ.

— Ты, скорее всего, прав. Я — Эйс Локк. А ты должно быть Дерек, парень, которого я должен поблагодарить за то, что у него не встало.

О нет, он не сказал этого.

Глаза Дерекка выпучились, пока он продолжал пожимать руку Эйсу, а его рот открылся и закрылся несколько раз, как будто он пытался выбрать ответ, но физически не мог.

Я не сдержал хохота, рвущегося из меня.

— Ладно, мне нужно запечатлеть этот момент, потому что «не находящий слов Дерек» — не то зрелище, которое мы еще раз увидим.

— Что...поверить не могу...Черт, — сказал Дерек, и Эйс потянул его на себя, чтобы похлопать по спине.

— Прости, приятель, не смог устоять, — сказал Эйс со смешком. — Но серьезно, я слышал много хорошего о тебе.

— Кроме моего 25-сантиметрового члена, не верь ни одному слову, что скажет этот засранец, — затем мы расхохотались сильнее, Дерек обернулся ко мне и ткнул пальцем. — Не могу поверить, что ты сделал это, дружище. Тебе лучше спать с открытыми глазами.

— Ты забыл, что теперь Эйс Локк спит со мной. Я определенно уверен, что он сможет выпроводить тебя.

Дерек фыркнул, но когда он посмотрел на бицепсы Эйса вживую, то изогнул свои губы.

— Что ты, блять, отжимаешь от груди? Корову?

— 175 кг в лучшие дни.

Глаза Дерекка вылупились еще больше, и он медленно кивнул.

— Точно...эм...ну, проходите, — он указал на кожаный диван и кресла, а затем плюхнулся в одно из них, а Эйс занял место на диване. Я захватил пару бутылок воды из холодильника, а затем занял свободное место рядом с Эйсом. Когда я устроился рядом с ним и положил ладонь на его бедро, я уловил мимолетное напряжение в теле Эйса, а потом, когда он понял, что здесь безопасно, то расслабился.

— Итак, нормальным будет спросить, как, черт возьми, в итоге ты оказался с Прескоттом? Скажи мне отвалить, если я слишком любопытен...

— Отвали, — пошутил я, и Дерек показал мне «фак», вызывая у Эйса смешок.

— Нет, все в порядке, — ответил Эйс, а затем сместился на диване, чтобы положить руку на спинку дивана. *Посмотрите на него, так уютненько устроился*, подумал я, когда пристроился к его боку, зная, что Дерек и бровью не поведет на это действие. — Вообще — то, я чуть не сбил его своей машиной.

— Нихрена себе.

— Это правда, — подтвердил я, а затем открутил крышку на своей бутылке и сделал глоток. — А затем он продолжил вести себя, как мудака.

— Думаю, это правда. Я уже был готов высказать все новенькому парню, когда узнал,

что мы будем работать вместе, но потом до меня дошло... — когда Эйс затих, Дерек сначала посмотрел на меня, потом обратно на Эйса.

— До тебя дошло...?

— До него дошло, что я тот парень с билборда, на которого он несколько недель пускал слюни, — сказал я.

Когда Дерек рокочуще расхохотался, я склонил голову так, чтобы взглядом найти Эйса и пошевелил бровями.

— Ты ходячая проблема, — произнес он с улыбкой. — Почему я еще не знал этого?

— Потому что был слишком занят, пытаюсь залезть в мои штаны.

Щеки Эйса вспыхнули ярко — красным, и когда его взгляд метнулся к Дереку, я наклонился и поцеловал его прямо в ухо.

— Расслабься, он классный.

— К тому же, — сказал Дерек. — Не забывай, что я знаю этого парня. Он пересматривал приватную коллекцию DVD с тобой многие годы.

— Дерек, захлопнись, нахрен, — сказал я.

— А что? Это правда.

— Ты был здесь и смотрел их вместе со мной, — напомнил я.

Глаза Дерекы заметались между нами, а затем остановились на Эйсе.

— По совсем другим причинам, должен заметить.

— Да — да, как скажешь, Пирсон. Ты был как раз...

— Точно, Эйс, — перебил Дерек, свирепо уставившись на меня, как будто собирался швырнуть своей бутылкой мне в лицо. — Хочешь экскурсию? Я уверен, у Дилана есть миленькая стойка, которая тебя очень заинтересует, дальше по коридору.

— Он уже знает, что я фанат...

— *Одержимый* фанат?

— Я бы не это слово использовал.

— Чувак, у тебя же в старших классах вся комната было увешена постерами с его задницей, не ври.

— Господи, — произнес я, и рискнул посмотреть на лицо Эйса, чтобы увидеть, как его бесил этот разговор. Но он ухмылялся, явно наслаждаясь тем, как Дерек меряется со мной... ээм, фэндомами.

— Ну, если тебя это утешит, — сказал Эйс, и его взгляд впился в меня. — Я бы повесил плакат с этим парнем. Вообще — то классная идея... Узнай, смогу ли попросить об одолжении Calvin Klein, чтобы они сделали копию того горячего снимка.

Я простонал и покачал головой.

— Нихрена подобного. Ни за что.

— Эй, и к слову, милашка, — сказал Дерек, — У тебя разве не съемка какой — то хрени для Gucci или что — то в этом роде? Я думал, мы не увидимся еще несколько месяцев.

— Ты не рад, что я приехал? — поддразнил я.

— Черт возьми, рад. Но ты не дал мне времени, чтобы спланировать убийственную вечеринку.

Лоб Эйса приподнялся.

— Убийственную вечеринку?

— Дерек хотел собрать всю команду вместе, чтобы закатить тебе приветственную вечеринку, когда я привезу тебя сюда. Но это слишком шум...

— Потрясающе, — ответил Эйс.

— Потрясающе? — переспросил я. — Я подумал, что ты хотел отдохнуть немного в тишине и спокойствии.

— Я бы не возражал против встречи с твоими друзьями.

— Серьезно?

— Серьезно.

Дерек хлопнул по колену ладонью и встал на ноги.

— Похоже, мне тогда лучше начать. Насколько вы в городе?

— Я должен вернуться к съемкам через две недели.

— Идеально, — Дерек подхватил свой кошелек и ключи с кофейного столика, пихнул все это в карман, а затем протянул руку Эйсу. — Мне нужно кое — что продумать и сделать несколько звонков по поводу вечеринки, но было приятно познакомиться с тобой, друган.

— Да, взаимно, — ответил Эйс, а затем Дерек указал на меня.

— Не рассчитывай, что я забуду. С открытыми глазами, мудила.

Я кивнул со смехом и наблюдал за тем, как уходил Дерек. Когда звук его ботинок на асфальте стих, я поерзал и вскарабкался по дивану, чтобы оседлать колени Эйса. Я закинул на его шею руки, и когда его ладони опустились на мои бедра и подтянули ближе, он ухмыльнулся, а я быстро чмокнул его в губы и сказал:

— Хочешь посмотреть мою спальню?

Так много всего, что мне нравилось в мужчине, который сползал с моих колен, но когда он протянул мне руку с яркой улыбкой, эта его сторона быстро становилась моей самой любимой. Было очевидно, что это место было Дилану домом, и такой легкий и теплый прием был тем, что я жаждал всю свою жизнь. Забавно, что за двадцать с небольшим минут, я почувствовал себя больше собой, чем за всю жизнь, и все это было связано с женщиной, чьи пальцы сейчас обхватывали мои, когда я отталкивался от дивана и поднимался на ноги.

— Я выгляжу дураком? — спросил я, когда шагнул ближе к Дилану, только вынуждая его отступить назад и потянуть за руку.

— Нет. Ты выглядишь...очень, *очень* сексуально, сидя в моей гостиной. Но, — произнес он, поднимая руку. — Я не буду отвлекаться на все это очарование Локка.

— Ах, не будешь, да?

Дилан продолжил отступать, утягивая меня за собой. Его взгляд сверкал, когда он пробегался им по мне.

— Неа. Знаешь, есть кое — что, чего я хочу больше всего на свете прямо сейчас.

Подыгрывая, я последовал за ним вглубь коридора, мимо двух дверей. Затем он остановился у последней слева, которая была заперта, и я не смог сдержаться, укладывая руки по обе стороны от его головы и едва касаясь своими губами его губ.

— И что это? — прошептал я.

Дилан судорожно втянул воздух, и когда его веки наполовину прикрылись, не только у него одного не хватало дыхания. *Боже мой.* «Милашка» так Дерек назвал его, и я вспомнил, как Расс однажды использовал это слово, и пока мы стояли посреди его коридора, в который отблесками проникало солнце через окно, меня сносило то, насколько поразительным был Дилан.

Однако, до того, как я смог прокомментировать это или смять его губы своими, этот дразнилка ускользнул в комнату позади него. Когда я шагнул внутрь, он продолжил отступать и кивнул.

— Да...увидишь. Оно прямо здесь, — сказал он, тряхнув неверующе головой. — Это то, чего я хотел. Эйса Локка, стоящего в *моей* спальне.

Я бросил взгляд на свое окружение, аккуратно заправленная кровать королевских размеров была задвинута к дальней стене, окно, приоткрытое достаточно, чтобы проникал свежий воздух с пляжа, и у дальней стены, противоположной кровати, стоял комод с огромным телевизором. Но не это привлекло и удерживало мое внимание. Нет, эта честь перешла к высокому книжному шкафу рядом, где разместились обширная коллекция DVD.

Ладненько, Мечта, давай узнаем, насколько ты большой фанат.

Первым, что я заметил, когда подошел ближе к стеллажу, что все диски стояли в алфавитном порядке, как и моя коллекция дома. Я хотел пошутить о нашей дотошности, но затем решил, что этот прикол будет слишком незначительным, поэтому вместо этого сканировал заголовки, и чем дальше двигался, тем больше становились мои глаза. *Твою мать*, он не шутил.

Когда я поднял взгляд на Дилана, он только лишь пожал плечами, будто говоря «я же говорил», а его лицо было настолько не раскаявшимся, что отправило острый укол желаний прямо к моему члену. Вернув внимание коллекции, я пролистал заголовки, пока не нашел тот, что искал, а затем вытащил DVD — диск и поднял вверх.

— Ммм. «Первоклассный Бурбон», один из моих любимых, — Дилан одобрительно кивнул, когда я подошел прямо к нему.

— Не сомневаюсь, что смогу угадать твою любимую сцену, — сказал я.

— Ох, ты так считаешь, мда?

Я толкнул Дилана на кровать, и когда он удивленно рассмеялся, я забрался на нее, устраиваясь между его бедер и нависая над ним, и положил руки по обе стороны от его головы.

— Эта поза кажется смутно знакомой, — сказал он, широко улыбаясь, пока мои бедра касались его. — Только есть одно большое отличие — не ты был сверху.

— Ах, да точно, — перекатив нас так, что Дилан оказался сверху, я спросил. — Что еще?

— Ну, она определенно была к тебе не лицом.

— Нет?

Дилан покачал головой и встал, затем он развернулся и снова оседлал мои бедра. Глядя через плечо, он сказал:

— А теперь нам не хватает той бутылки бурбона High Horse.

— Ладно, теперь ты начинаешь меня пугать.

— Врешь.

— Ты прав, — ответил я, пробегаясь ладонями вверх по его ногам. — Я, наверное, большой ублюдок, раз для меня это настолько сексуально. Но мысли о тебе, лежащем в постели и запоминающим каждую деталь...черт.

— Совсем не отличается от того, как ты дронишь на мысли о моих снимках, да? — он потянул молнию на моих джинсах вниз, и когда его ладонь прошла поверх эрекции, натянувшей мои боксеры, я выгнул бедра в его прикосновение.

— Да? — спросил он снова и уставился на меня поверх плеча в ожидании ответа.

— Боже, да.

Когда он вернул внимание тому, чем занимался, я не смог бы удержать свои руки при себе, даже если бы попытался. Я провел ими по его бедрам, а затем вверх по бокам, когда он скользнул пальцами под резинку моих трусов, и когда они царапнули припухшую головку моего члена, я застонал.

— Ох, блять. Сделай так снова, — попросил я, и Дилан быстро исполнил это, но в этот раз, он провел влажными пальцами вниз под мой ствол, отпихивая мои боксеры в сторону. Когда мой член выпрыгнул на свободу, он обхватил ладонью мою длину и жестко потянул. Я впился пальцами в его бедра, пока Дилан продолжал дразнить и мучать боль, пульсирующую между моих ног. Я раздвинул их пошире, предоставляя ему лучший доступ. Мое дыхание затруднилось, когда он скользнул кулаком вверх и вниз по моей длине от основания к кончику, и мне потребовались все силы, чтобы не перевернуть его, не содрать с него штаны и не ворваться в него.

— Дилан, — позвал я, когда он скользнул ладонью вниз между моих ног, чтобы обхватить яйца.

— *Эйс...* — простонал этот любитель пофлиртовать верхом на мне, а затем наклонил свои бедра вперед, где трудились его руки, предоставляя мне идеальный обзор на его вздернутую задницу, когда начал раскачиваться поперек меня.

Я вцепился в его талию и зажмурил глаза, резко останавливая его непредсказуемые бедра и грубо сказал:

— Раздевайся.

Дилан бросил взгляд на меня, возбуждение отпечаталось на всех его чертах. Вспыхнувшие румянцем щеки, расширенные зрачки и влажные, припухшие губы, которые он втягивал между своих зубов, пока дразнил меня, и весь его вид только еще больше заводил. Он слез с меня и встал у кровати, и когда я собрался сесть и сделать то же самое, он покачал головой и опустил ладонь на мою грудь, толкая обратно на спину.

— Ты останешься так, красавчик, — сказал он, и сорвал свою футболку через голову, а затем перешел на пуговицу своих шорт. — Лежа на спине, с расстегнутыми штанами и членом, ждущим моего отсоса... в *моей* постели.

— Мне нравится твоя кровать. Красивая и крепкая... — мои слова затихли, когда Дилан избавился от одежды и кое — что *еще* красивое и крепкое привлекло мое внимание. Когда он опустил одно колено на постель, я потянулся к основанию своего члена, вцепляясь в него, и сказал:

— Остановись.

— Остановиться?

— Я знаю, что ты абсолютно точен в этих фильмах, но мне кажется, что эта конкретная сцена нуждается... в другой позе.

Одна бровь Дилана взлетела.

— И что же это за поза?

— Я хочу, чтобы ты сел на мое чертово лицо.

Чувственная улыбка пересекла эти пухлые губы, и он убрал свое колено с матраса. Подойдя к изголовью кровати, он наклонился и подарил мне сногсшибательный поцелуй, который сообщал, что именно он думал о моей идее. Затем он забрался поперек меня, устроился так, что не только его рот имел легкий доступ к моему члену, но и у меня открывался идеальный обзор на все, что я хотел пососать и вылизать.

Когда горячий рот Дилана опустился на мой член, я наклонил голову и мазнул языком по его мошонке. Он поднялся с меня, но я перехватил его бедра, удерживая на месте и втягивая горячую кожу между своих губ, а Дилан продолжил сосать мой член, как будто это был леденец.

— О, Дилан, — зарычал я, отрывая свои губы от него. Моя голова опрокинулась назад на постель, когда его ладони начали гладить мои бедра, а затем он слегка опустился, чтобы потереться своей эрекцией об мою рубашку. Он застонал вокруг моей толстой эрекции из — за этой фрикции, а затем сделал так снова, возбуждаясь от ощущения ткани, ласкающей его чувствительную плоть, прежде чем податься назад, и над моим лицом зависли упругие половинки. Я рвано вдохнул, пытаюсь взять себя в руки, а затем поднял руки вверх, чтобы сжать и развести их в стороны, и взглянуть на все, что он предлагал. *Черт возьми*, это не продлится долго, и я мог только надеяться, что теплая жидкость, пропитывающая мою рубашку, была признаком того, что он был так же близок к финалу, как и я.

Успокаивающе поглаживая одной ладонью его обнаженную попку, я поднес пальцы к своим губам и втянул их внутрь, хорошенько смачивая, перед тем как провести скользкую дорожку по его расселине. Когда Дилан напрягся, а пальцы на моих бедрах вцепились сильнее, я подался вверх, протискиваясь между его губ и одновременно толкаясь кончиком пальца в его анус.

Затем Дилан поднял свою голову и потребовал.

— Еще.

Но я уже скользнул своим пальцем глубоко внутрь, когда он снова взял меня в рот. Это не продлилось слишком долго. Жар его рта вокруг меня, вид моего пальца, сначала одного, а затем и двух, исчезающих в его тугой дырочке, и восхитительно развратные звуки его сосущего и хныкающего на моем члене прострелили меня оргазмом прямо в теплый рот Дилана. И пока он жадно глотал, мои пальцы ударили по его простате, и его бедра дернулись раз, два, а затем он кончил на мою рубашку горячим, липким потоком. Наше дыхание сбилось, когда Дилан развернулся и лег поверх меня, облизывая свои губы.

— Охренительно вкусно, — сказал он. — Лучше, чем в кино.

Я усмехнулся, а он опустил голову для нежного поцелуя, который я прочувствовал до кончиков пальцев на ногах, и мне нравилось, что я мог попробовать свой вкус на его языке. Нравилось, что он хотел каждую до единой часть меня, которую мог заполучить внутрь себя. Я потянулся, чтобы смахнуть прядку волос с его лба, и он наклонился вслед за моим прикосновением.

— Дилан, — произнес я тихо, пробегаясь пальцами по его волосам.

— Хмм?

— Думаю, нам нужно обсудить кое — что важное.

Взгляд Дилана стал встревоженным, когда метнулся ко мне, и мне стало интересно — что он решил, я ему скажу?

Я поймал его нижнюю губу своими зубами и втянул в рот, а затем игриво ухмыльнулся и сказал:

— Кажется, ты должен мне новую рубашку.

Глава 15.

На следующий день мы отряхнули от пыли Honda Accord Дилана, которая простояла в гараже последние несколько месяцев, и поехали на окраину бухты Сансет, чтобы пообедать с его семьей. Он позвонил им прошлым вечером, чтобы удивить новостями, что мы приехали в город, и они незамедлительно предложили нам заскочить на последний раунд кукурузы на костре, чем бы это ни было, но мы извинились и пошли на прогулку вдоль пляжа вместо этого.

Теплый, соленый воздух уже заставлял меня чувствовать себя отдохнувшим, и мне стало интересно, когда в последний раз, я чувствовал себя таким свободным. Так, конечно, не продлится долго, пока мир не выйдет на наше местоположение, но, по крайней мере, прошлой ночью, держа руку Дилана в своей, пока мы наблюдали за крушением волн, мой мир нашел устойчивую основу. Умиротворение.

— Ты даже близко не выглядишь таким нервным из — за встречи с моими родителями, как вчера, переступая порог моего дома, — сказал Дилан, бросая короткий взгляд в мою сторону, когда повернул на длинную полосу грязной дороги. — Почему так?

— Технически, я уже познакомился с твоими родителями. И вчера готовил себя к тому, чтобы сдерживаться в случае, если Дерек в итоге оказался бы слишком дружелюбным.

Дилан рассмеялся на это и повернул налево, проезжая мимо почтового ящика в форме двухэтажного, деревянного дома, что заставило меня оглянуться дважды. Деревья росли плотно по бокам от нас, пока мы ехали по ухабистой, пыльной гравийной дорожке, а затем Дилан сказал.

— Но, как ты уже видел, наши отношения исключительно платонические.

— Я одобряю.

— А если нет? Были бы соревнования по борьбе? Разрывали бы друг друга на части ради моей симпатии?

— Тебе бы понравилось это, не так ли?

— Я бы посмотрел, — ответил он.

— А я — то думал, что ты просто хочешь, чтобы смотрели на тебя. Каждый день узнаю о тебе много нового, Прескот.

Он рассмеялся, и когда деревья поредели, двухэтажный деревянный дом, точно такой же, как и почтовый ящик, вырос перед нами, подчеркнутый неровной лестницей, идущей с верхнего этажа, и радужным гамаком на двух человек. Место выглядело именно так, как я ожидал от Прескотов. В зеленой глуши без соседей и в полной версии дома в стиле хижины. Полная противоположность первозданному, мультимиллионному особняку моих родителей в их закрытой общине в пригороде Чикаго.

Когда Дилан припарковался, и мы вышли, Солнышко открыла входную дверь и широко помахала.

— Привет, мальчики! — сказала она, а затем подошла к перилам крыльца и перегнулась через них, чтобы прокричать на задний двор. — Зигги, положи тляку и иди поздоровайся со своим сыном и его новым парнем.

Я бросил взгляд вверх машины на Дилана, который улыбался, при этом качая головой.

— Не волнуйся, — усмехнулся я. — Моя мать постоянно говорит отцу то же самое. Тляки могут стать большой проблемой.

Дилан заливисто расхохотался, а затем приложил свою руку, чтобы прикрыть глаза, пока следил за Солнышком. Я проследил за его взглядом, чтобы увидеть ее, бегущую к

ступенькам, и когда она добежала ее воздушное, раскрашенное в стиле батика сиреневое платье приподнялось из — за ветра от места, где было стянуто под грудью, и заструилось вниз по ее ногам и лодыжкам. Когда ее нога опустилась на ступеньку, я заметил, что она была босиком, спускаясь быстро вниз, в восторге от того, что увидела своего мальчика, и меня сразили чувства, которые были этим вызваны.

Насколько должно быть была комфортной такая безусловная любовь. Понимать, что вне зависимости от того, что ты сделал, или кем был, все, что тебе нужно, это вернуться домой и тебя примут. Вне зависимости от того, какой ты.

Дилану так повезло, и это многое объясняло о мужчине, которого я все больше узнавал с каждым проходящим днем. Причина, по которой он был так открыт, так свободен с самим собой, и настолько невероятно добрый и преданный. Это все было здесь. Сердце Дилана сейчас стояло здесь перед нами с теплотой в глазах и, как я знал, с искренним счастьем из — за нас в своем сердце.

— Ааах! Я так рада, что вы здесь, — сказала Солнышко, когда спустилась с лестницы. Она переводила между нами взгляд, и ее улыбка была настолько полна любви, что клянусь я мог почувствовать, как она исходит от нее, когда Солнышко подошла к нам с распахнутыми объятиями. Ее длинные, светлые волосы были распущены, за исключением двух косичек по обе стороны головы, которые скреплялись на затылке, а ее загорелая кожа делала образ, несомненно, сияющим.

Солнышко Прескот была именно такой, как я ее представлял, и когда она закончила обнимать своего сына и шагнула ко мне, я не мог не вернуть ей ответную теплую улыбку.

— Геркулес, — произнесла она, прежде чем сцепить руки на моей талии, чтобы обнять меня в знак приветствия. Когда я вернул ей этот жест, я посмотрел поверх ее головы на Дилана, который подмигивал мне. И в тот момент, как она ослабила объятия и отступила назад, к нам вышел высокий мужчина в измазанной грязью майке и поношенных, джинсовый шортах с потрепанными краями, вытирая ладони об свои ноги. Он был в шлепках и широкополой шляпе, под которой красовались его длинные, черные волосы, и соответствующие Фрэнку Заппа усы, — все это подтверждало, что этот мужчина — Зигги Прескот.

— Мой мальчик, — сказал он, когда подошел ближе и потянулся к Дилану, заключая его в медвежьи объятия. Когда он похлопал его по спине, я заметил, как Дилан усилил свою хватку вокруг этого мужчины, и понял, что он нуждался в этом так же сильно, как и они сами. Эта семья была близка, что было нечто...новое для меня, и пускай Дилан уже взрослый мужчина, эта инъекция семейной любви уже обладала успокаивающим эффектом, если то, как он устроился в объятиях отца, было хоть каким — то признаком.

Когда Зигги отпустил его и обхватил Дилана по обе стороны шеи, он спросил:

— Ты в порядке? Ты же знаешь, что мы с Солнышко не смотрим телевизор и весь тот мусор, но у нас есть ноутбук, который ты купил для нас, и после твоего звонка мы посмотрели кое — что.

Мой желудок стянуло в узлы от этих слов, когда я подумал, что они могли затаить что — то вроде обиды на меня за то, что втянул их сына во все это. Но когда Дилан кивнул и посмотрел в мою сторону, чтобы сказать: «Мне плевать на все это. Эйс полностью стоит того», мое сердце снова заколотилось. А когда оба, Зигги и Солнышко, последовали его примеру, я почувствовал, как покраснели мои щеки.

— Ты только посмотри, — сказал Зигги, когда его взгляд опустился на меня, и все еще

обнимая Дилана за плечо, он сжал своего сына. — А я — то думал, ты говорил, что не по симпатичным мальчикам.

— Симпатичным мальчикам? — повторил я. — Кажется, я ни разу такого не слышал.

Зигги притянул меня в объятия и рассмеялся, похлопывая по спине. Когда он отклонился назад, его ладони перешли на мои плечи, и он произнес:

— Вот это да. У симпатичного мальчика симпатичные большие руки. Ты разводишь сад?

Мои губы дрогнули от резкой смены разговора.

— Сад? Эм, нет, но я ходил на занятия по сельскому хозяйству в старших классах.

— Нужно было продолжить изучать, — сказал Зигги, его рука обхватила меня за плечо, и затем он начал уводить нас прямо на задний двор. — Ты должен увидеть мой сад. Ты можешь развести себе такой же. У меня растет ревень и цукини, грибы...

— Вы выращиваете грибы? — переспросил я, мои глаза расширились.

— Естественно, да. Какой сад без грибов, — затем он наклонился, будто собирался сообщить мне тайну, и прошептал. — У нас могла бы расти настоящая «Мэри Джейн»² здесь, если бы у правительства не торчала огромная, старая палка из задницы. Я был всегда хорош в стрижке кустов.

Я закашлялся, а затем оглянулся через плечо, чтобы узнать, куда запропал Дилан, но он и Солнышко шли следом за нами, а на его лице играла улыбка. Вынуждая меня задуматься, с каким «садоводством» он имел дело, когда жил со своими родителями.

Эйс одарил меня взглядом *«даже не смей меня бросать»*, когда Зигги уводил его, и я в ответ ему улыбнулся. Создавалось такое ощущение, что мне доставляло удовольствие наблюдать за Эйсом слишком не в своей тарелке сегодня.

Зигги показал на квадрат из четырех ровных грядок, заросших растениями.

— Вот здесь вот перец, или как я люблю его называть, «фрукт, который выжигает волосы на моей заднице»

— Ох, Зигги, — произнесла Солнышко, прикрывая хихиканье.

Он ответил ей подмигиванием, а затем слегка толкнул Эйса локтем.

— Готов поспорить, ты не знал, что перец чили — фрукт, ага?

— Нет, сэр. Не знал, — ответил Эйс.

— Мхम्म, большинство людей не знают этого. И не называй меня «сэр». Иначе мне придется нашить твою еду чили.

— Да, сэр, — ответил Эйс, и когда Зигги сощурился на него, он поправился. — В смысле, Зигги.

— Так — то лучше. А вот здесь, — сказал Зигги, вручая Эйсу лопату и указывая на небольшой участок, на котором видимо нужно было выкопать ямки. — Я собираюсь посадить немного тыквы, и мне понадобится рабочая сила. Ты готов наладить связи со старичком, Эйс?

Солнышка закинула руку в изгиб моего локтя и толкнула меня в бок бедром. Я посмотрел на нее и заметил улыбку на ее лице, и понял, что это был ее способ выразить то, насколько счастлива она была, что Зигги принял с такой симпатией Эйса.

Я был всегда очень скрытен в том, что касалось моей семейной жизни, даже с Дерекком

и друзьями. И не потому, что я стыдился их, а больше потому, что они значили для меня все, и я никому не позволял так или иначе выражать свое мнение о том, как я рос. Но наблюдая за Эйсом, смеющимся вместе с Зигги, я утвердился, что это было правильное решение.

— Мечта... — обратилась задумчиво Солнышко, похлопывая меня ладонью по груди. — Так хорошо, что ты дома, сынок.

Морщинки вокруг ее глаз углубились, пока она продолжала улыбаться мне, и я склонился, чтобы оставить поцелуй на ее лбу.

— Хорошо быть дома.

— Да, я догадывалась, что ты нуждался в этом. Понимаю, что это замечательно куда — то уезжать, но всегда важно возвращаться домой к своим корням. Чтобы пополниться тем, что действительно важно.

Это мое Солнышко. Добрая и любящая. Никогда еще приветственная речь не была такой значимой. До недавнего времени я не понимал, насколько действительно был благодарен за то, как мне повезло, что одно выходило из другого. Но став свидетелем жизни Эйса, и небольшого количества времени, что я там прожил, я никогда не осознавал, насколько важен был мир. Как любовь и взаимопонимание, и чуть ли не желал, чтобы Зигги и Солнышко могли сесть вместе с родителями Эйса и преподать им основные уроки.

— Как насчет прогулки со мной? — спросила она.

Когда я не сделал ни шага, чтобы последовать за ней, она потерла рукой мою грудь.

— Ой, не будь таким параноиком. Я просто хочу расспросить тебя о парочке вещей и показать какую беседку Зигги наконец — то закончил строить для меня. Виноградные лозы разрослись в этом году. Ты знаешь, что это означает?

— Много вина этим летом? — предположил я.

— Много вина.

Я бросил взгляд туда, где Эйс сейчас согнулся рядом с Зигги, внимательно слушая раздаваемые указания, а затем повернулся к Солнышку.

— Ладно, пойдем. С радостью посмотрю на нее.

Пока мы брели по грязной дорожке, которая тянулась вдоль огороженного сада Зигги, Солнышко становилась все подозрительно задумчивей, и я мог сказать по тому, как она вцепилась в мою руку, о чем бы она ни собиралась поговорить, это висело тяжелым грузом на ней. А это означало только одно — Бренда.

И я знал почему. Я активно избегал этого, после того утра в «Sun», когда моя и Эйса жизни перевернулись с ног на задницу. Это был легкий способ. Удобный способ оттолкнуть тему в сторону, которую мне неудобно было обсуждать, но и в то же время, я знал, что она никуда не денется. И еще я знал, что должен однажды сесть с Эйсом, и как можно скорее, и выложить ему несчастную историю о своем детстве, до того как он услышит это от кого —нибудь другого. А по тому, как журналисты неумно копались в каждом аспекте моей жизни, не было ни одного сомнения, что этот разговор просто необходим в ближайшее время.

Когда мы дошли до конца дорожки, Солнышко остановила меня и посмотрела вниз на мои лоферы. Я проследил за ее взглядом, и когда поднял глаза, она склонила голову в бок.

— Ты же понимаешь, что он воспримет это как оскорбление, если ты не снимешь их и не ощутишь траву между пальцев.

Я усмехнулся, зная, что она права. Зигги очень гордился своим садом и обширным простором травы, которая растянулась по площади всей земли до заднего двора, где жил

Леннон.

Я снял свои туфли, а затем шагнул вместе с ней на прохладный ковер травы. Боже, мне так не хватало этого места. Было так легко увязнуть в суете города, увлечься всеми благами жизни, где все были поглощены своими телефонами, компьютерами, соцсетями, и кто чем еще. Но ничего из этого не было здесь. Здесь было спокойствие.

Солнышко повела нас по траве, к группке деревьев с правой стороны от нашей земли, и пока она шла, она поглаживала ладонью мою руку.

— Мы очень рады, что ты привез Эйса домой, чтобы познакомиться с нами.

— Я тоже, — оглянулся на нее. — Он нуждался в этом, — а затем я поправил себя. — Мы оба нуждались в этом.

Солнышко кивнула.

— Я даже не представляю, на что похожа его жизнь. Все это изучение. Двадцать — четыре часа в сутки, семь дней в неделю.

— Это сплошное безумие. Он даже не может дойти до своей машины без какого — то фотографа, который будет впихивать ему в лицо камеру или микрофон.

Солнышко остановилась и посмотрела на меня, и я сразу же понял, о чем она волновалась. Это было написано на ее встревоженном лице. Это было самое лучшее в Зигги и Солнышко — они никогда не скрывали ничего от своих детей. Они были открыты и честны во всем, что думали и чувствовали, и это было желанное облегчение, учитывая, что большинство людей ходили на носочках вокруг сложного дерьма.

— Ты...уверен, что для тебя это нормально? Быть с тем, чья жизнь находилась под таким большим вниманием?

— Да, я говорил...

— Я помню, что ты говорил мне, Мечта, — сказала она, и морщинка исказила ее лоб. — Но ты действительно задумывался об этом? Эйс — чудесный, дорогой. Мы не хотим сказать, что это не так. Мы с Зигги просто хотим быть уверенными, что ты подумал обо...всем.

— Обо всем, например о Бренде?

Солнышко опустила глаза в пол.

— Ну, да. Эта... — она замолчала, а затем выдохнула перед тем, как впиться в меня своим взглядом. — Эта та информация, над которой голодные стервятники будут пировать. Те стервятники, которые уже копаются в твоём прошлом.

Я понимал, что она права. Когда Эйс уехал в тот день на ланч со своими родителями в «The Vine», первым вопросом, который всплыл, был касаясь моего детства в приемной семье, и я понимал, что это только вопрос времени, перед тем как они копнут глубже.

— Я знаю. Я хочу поговорить с ним об этом, пока мы здесь. Это одна из причин, по которой я решил, что это лучшее место, куда нужно приехать. Чтобы он увидел, где я по — настоящему вырос. Именно поэтому, я расскажу ему всю эту фигню, что была раньше, здесь и все не покажется таким плохим.

Черт возьми, кого я смешил? Не важно, что я сделаю или покажу Эйсу, ничего не заменит шока, когда он услышит, что я ему расскажу.

— Ох, милый, — сказала Солнышко, прижимая мою руку к своему боку. — Ты же не волнуешься из — за его реакции, да? Этот мужчина смотрит на тебя, будто ты прекраснее всех на свете.

— Естественно, я волнуюсь. Не потому что не доверяю ему, а потому что не хочу, чтобы он смотрел на меня иначе. Я не хочу, чтобы это «прекраснее всех» выражение куда — то

исчезло.

— Ты ничего не можешь изменить со своим прошлым, Мечта. Он примет тебя таким, какой ты есть, или просто не достоин тебя.

— Я знаю это. Хорошо. Я расскажу ему.

— Хороший мальчик.

— И что насчет Бренды? Никаких больше звонков? Неожиданных визитов?

— Ни звука, и если она понимает, что хорошо для нее, то будет держаться подальше.

— Или Зигги закопает ее на заднем дворе?

Солнышко скорчила рожицу.

— Это один из вариантов. Но не волнуйся на ее счет

— Попытаюсь, — я провел рукой по своим волосам и шумно выдохнул, всматриваясь в новую, отстроенную беседку, украшенную пышными, виноградными лозами, перемежающимися пухлым, фиолетовым мускатным виноградом, который закручивался по шпалере. — Она потрясающая, Солнышко. Мне нравится, что он посадил розовые кусты вокруг нее.

— Все как мы любим, видишь? — она подошла к ним и указала на тот, что справа от выхода и пошла по кругу. — «Джипси Сью» для Зигги, «Эйприл Мун» для меня, «Эрс Сонг» для Леннона и «Нью Даун» для моей Мечты.

Проходя мимо кустов, я улыбался ей, а затем наклонился, чтобы каждую понюхать. Это напомнило мне о первой встрече с Солнышком. Когда дама из службы защиты детей припарковалась на их подъездной дорожке, она стояла на улице, занятая посадкой куста «Нью Даун» к моему приезду, и когда она обняла меня, она пахла сладостью и землей, так же, как и сейчас. А меня никогда не обнимали до того момента, и я даже понятия не имел, что упускал. Как были важны и необходимы прикосновения другого человека. Я почувствовал это в первый же день с Зигги и Солнышком, и только один человек, который так же влиял на меня, в данный момент садил тыкву на заднем дворе моих родителей.

— Я люблю тебя, мам.

Голова Солнышка дернулась вверх, и когда она выпрямилась, ее глаза слегка заблестели.

— Я тоже люблю тебя, малыш.

Затем я обнял ее за плечи, а она меня за талию, и я оставался так, заполняясь спокойствием женщины, которая вырастила меня — единственная женщина, которая имела для меня значение.

Когда громкий возглас послышался позади дома, Солнышко подняла на меня глаза.

— Нам лучше вернуться. Похоже, Леннон обнаружил твоего мальчика.

Глава 16.

Признания у костра.

— Ладненько, Геркулес, ты следующий. Две лжи и одна правда. Посмотрим, насколько ты на самом деле хороший актер.

Я ухмыльнулся Зигги с другой стороны костра и растер ладони об свои шорты.

— Никакого давления или чего — то подобного.

— Нет, вовсе нет. Мы только заставим тебя выпить залпом этот стакан.

Подняв пластиковый стаканчик, наполненный до краев тем, что они называли особым, домашним мускатным вином Зигги, я глубоко вдохнул запах сладкой жидкости.

— Кажется, не слишком крепким. Это же просто вино, да?

— Даааа, — ответил Леннон рядом со мной, откинувшись на своем складном стуле, что я едва мог разглядеть его глаза под всеми этими волосами. Этот парень определенно был «битлом» в прошлой жизни. — Если это просто вино, то оно ничего с тобой не сотворит, здоровяк.

Я сощурился на него, а затем оглядел по кругу невинные лица Зигги, Солнышка и Дилана.

— Почему у меня такое ощущение, что вы что — то затеваете против меня?

— Это просто игра, красавчик, — сказал Дилан, его губы изогнулись в одном уголке. — Хочешь, чтобы я начал первым?

— Нет, нет. Я сделаю это. Две лжи и одна правда...ладно, дайте подумать, — зная эту семью, у них наверняка припасена какая — то дикая ловушка, поэтому мне нужно остановить это. Очевидно, моя актерская карьера зависела от этого. — Ладно, начнем: первое: меня арестовали за издевательства над моим соперником в старших классах. Второе: Я посетил все семь континентов. Третье: у меня, на самом деле, аллергия на мускат.

Смех разразился вокруг костра, и Леннон сказал:

— Ох, черт, бро, надеюсь, последнее было неправдой, но если это так, мы споим тебе Бенадрил после.

— Я думаю... — начал Дилан, но Солнышко захлопнула ладонью его рот.

— Ты не можешь начинать. Ты, возможно, уже знаешь ответ.

— Нет, клянусь, — ответил Дилан.

Солнышко покачала головой.

— Нет, мистер. А теперь, я говорю, что второе — правда, а остальные ложь.

Зигги выгнул бровь на нее.

— Ты считаешь, что он был Антарктиде?

— У него есть личный самолет, — встрял Дилан.

— И? Никто в здравом уме не захочет туда слетать, — сказал Зигги.

Леннон сел прямо и указал на меня.

— Погоди, старик. Где ты снимал тот снежный фильм? Ну, тот, который был с лавиной, как он там назывался...

— Эм, «Лавина»? — сказал Дилан.

— Ах, да. Да, этот. Где ты снимал его, Геркулес?

Я поднял руки вверх.

— Не могу ответить тебе.

Леннон перекинулся через подлокотник своего стула и прищурился, изучая мое лицо.

— Хмм. Я говорю, что...первое — правда.

Дилан фыркнул.

— Угу, точно. Если бы Эйса арестовывали, я бы знал об этом.

— Конечно, знал бы, братишка — сталкер, — ответил Леннон. — Тогда что же правда?

— Легко. Второе, — ответил Дилан.

— Да, согласен, — кивнул Зигги. — Второе — правда.

Когда я обвел взглядом круг, мои губы дрогнули.

— Похоже вы все здесь согласны в одном, кроме Леннона. Не могу поверить, что ты

считаешь, что я мог совершить что — то настолько глупое. Ворваться в другую школу и быть арестованным за разрушение их талисмана? Мда, это глупо. И слишком плохо, потому что это правда, — мой взгляд прошелся по Дилану, Зигги и Солнышку, и я ухмыльнулся. — Похоже, вам троим лучше выпить.

— Что! Да ни черта подобного, — запротестовал Дилан, смещаясь на край своего стула.

— Черта, братишка, — Леннон указал на стаканчик Дилана и сымитировал, будто опрокидывает его в себя. — Твое здоровье.

Дилан разглядывал меня поверх мерцающего пламени, и я опустил взгляд на стаканчик, который он держал перед тем, как указать на его выпивку.

— Надеюсь, у тебя высокая переносимость, Мечта.

Зигги расхохотался.

— Хорошая шутка.

— Охх, — произнес я, наблюдая, как Дилан поднес стаканчик к своим губам. — Это что — то новенькое. Хочешь сказать, он *плохо* переносит алкоголь?

— Ну, давайте просто скажем, что Дилан известен...

— Эй, Зиг. Как насчет того, что ты не будешь выкладывать все мои секреты, чтобы у меня осталась парочка, чтобы рассказать, когда придет моя очередь? — сказал Дилан.

Зигги сделал вид, что «застегивает» свои губы на замок, а затем трое Прескотов напротив нас с Ленноном поднесли свои стаканчики к губам и опрокинули до дна первый раунд вина. Зигги причмокнул губами и бросил стаканчик на землю, вскрикивая, а затем глядя прямо на свою жену.

— Готова, Солнце?

Озорная улыбка растянулась по ее губам, заставляя меня усмехнуться, когда я откинулся на спинку своего стула. Я не мог припомнить время, когда чувствовал себя настолько расслабленным, и вид семьи напротив заставлял меня понять, какой неотъемлемой частью Дилана были эти люди. Его легкий смех, его щедрая душа — все это прорастало из этих людей, которые раскрыли свои объятия для полного незнакомца, и сейчас сидели вокруг костра и забрасывали его подколами.

— Я готова, — заявила Солнышко и заправила прядь своих светлых волос за ухо. — Первое: дерево, под которым вы сейчас сидите с Ленноном... — она замолчала, когда я обернулся, чтобы посмотреть на толстый ствол дерева позади нас, а затем вернул свое внимание к ней. — Под ним был зачат и рожден Леннон. Второе: Меня арестовали во время «мирного» протеста в 1978 вместе с еще шестидесятью людьми, включая Зигги. Там мы и познакомились. И третье: Мое настоящее имя — Барбара.

Я просканировал ухмыляющиеся лица, направленные в мою сторону, обводя пальцами кромку стаканчика. Дилан сидел, откинувшись на спинку своего стула, устроив стаканчик на своем колене, и с хитрой улыбкой на его потрясающем лице, качая в мою сторону головой. Он должен знать, что я помню наш разговор о его переезде сюда, когда он учился в колледже... *так что да*, я был точно уверен в одном.

— Ладно, — произнес я, усаживаясь чуть прямее на своем месте. — Хорошая попытка с первым, Солнышко. И не сказать, что я сомневаюсь, что вы с Зигги в «контакте с природой»...но я совершенно точно знаю, что вы переехали сюда, когда Дилан учился в колледже.

Рот Солнышка распахнулся, и она крутанула свою голову, чтобы приковать Дилана обвиняющим взглядом. Дилан, извиняясь, пожал плечами.

— Что? Откуда мне было знать, что я не должен был рассказывать ему то, что ты в дальнейшем использовала бы против него?

Я рассмеялся на это, а взгляд Дилана нашел мой.

— Ой, не смейся так сильно, Локк. Ты грязный игрок. А грязные игроки *всегда* получают по заслугам.

Я не уверен, понимал ли Дилан, как прозвучали его слова, или как взгляд, который он направил в мою сторону, повлиял на меня, но все это одновременно ушло южнее и заставило меня заерзать на стуле.

— Понял? — сказал этот мучитель и вдобавок подмигнул. *Окей, да.* Он точно знал, что делал.

— Ох, оставь беднягу в покое, Дилан. Он пытается обдумать свой ответ, а не то, что ты хочешь сделать с ним позже, — сказал Зигги, напоминая мне о том, насколько открытой была эта семья во, ну...во всем. — Итак. Это все же не означает, что ты сорвался с крючка. Поэтому давай свой самый лучший вариант.

Я раздумывал о двух других. Я определенно мог представить, как Зигги и Солнышко знакомятся после ареста, но и еще я задавался вопросом, было ли *Солнышко* ее официальным именем с рождения. Дилану было дано имя Мечта, когда его усыновила эта семья, так что...

— Ладно. Я думаю, что *правда* — твое настоящее имя Барбара.

Когда мой взгляд остановился на Солнышке, она притворилась, что обдумывала ответ секунду, а затем покачала головой и рассмеялась.

— Прости, Геркулес...мои родители были первыми детьми цветов. Меня звали Солнышко с того дня, как мама и папа узнали, что ждут меня.

Я уловил нахальный смех Дилана, и когда я посмотрел на него, он поднял стакан в шутливом жесте.

— До дна, здоровяк.

Господи. Он влил в себя только один напиток, и становилось все более и более очевидным, что пьяный Дилан — сущее наказание. Его флиртующая аура — и воспоминания о моих словах ему на моем дне рождения несколько месяцев назад — не осталась незамеченной мной, когда я поднял стаканчик и опрокинул его в себя до дна. *Ммм, неплохо. Чертовски круто, вообще — то.* Я никогда не пил мускатное вино до этого. Напиток был сладким и со вкусом винограда, но и в голову ударял определенно.

— Ты сам его готовишь? — спросил я у Зигги, и он склонил голову, прежде чем встать и поднять контейнер с вином.

— Ту ерунду, которая продается в магазинах, можно так же назвать виноградным соком для детей. Та ерунда, — произнес он, обходя по кругу, наполняя заново наши стаканчики, — прибавит волос на груди. Ну, не у тебя, Солнце.

Солнышко улыбнулась своему мужу, а затем бросила зефиром через костер в Леннона, который поймал его ртом.

— Полагаю, следующий я, да? — спросил он с набитым ртом, а затем проглотил и вытянул свои ноги, скрещивая их в лодыжках. Подняв три пальца, он начал загибать их. — Первое: Однажды я ездил на быке верхом голым на спор и продержался добрых десять секунд, прежде чем он скинул меня со своей задницы. Второе: Я насыпал стиральный порошок в каждый фонтан в центре города, чтобы все это дерьмо запузырилось, тоже на спор. И третье: Я однажды забрался на водонапорную башню и пописал с нее, когда увидел,

что идет моя бывшая. Не на спор. Просто ради веселья.

Мы все уставились на него, разинув рты, пока Дилан не взорвался смехом.

— Как так случилось, что тебя ни разу не арестовали? — спросил он.

Улыбка чеширского кота заняла все лицо Леннона.

— Навыки, чувак. Безумные, скрытые навыки.

Зигги поднял свой стаканчик.

— Бык — правда.

— Пузыри в фонтане, — ответила Солнышко.

Я спародировал позу Леннона чуть ранее и наклонился, чтобы прищуриться на него.

— Должно быть, помочиться с водонапорной башни. А что ты скажешь, милашка?

Дилан потер ладонями лицо и наклонился вперед, облачаясь на свои локти.

— Матерь божья, да я даже знать не хочу. Но выберу...голые скачки на быке.

— И победитель... — Леннон застучал по своему бедру, как по барабану, прежде чем указать на меня.

— Что! Да ты издеваешься? — возмутился Дилан.

— Ты не мочился на ту милую девушку из Элмхерста. Нет, ты не сделал этого, — Солнышко пыталась обуздать свое лицо негодованием, но не смогла остановить смех, который последовал.

Леннон пожал плечами.

— Чувак, она всегда говорила, что хочет «золотой дождь».

— Способ дать девушке то, чего она хочет *постфактум*, — сказал Зигги. Он поднял стаканчик и опустошил его одним большим глотком.

Дилан уставился в свой напиток и пробормотал:

— Я стану ооочень пьяным.

— И я не могу этого дождаться, — сказал я, когда он показал мне средний палец и закинул в себя фруктовую жидкость.

Этот план монументально провалился. Не спрашивайте меня как это произошло, но где — то на втором круге «две лжи и одна правда», я опустошил больше трех стаканчиков вина Зигги, в то время как Эйс сидел напротив меня, обхватив свой второй *нетронутый* стаканчик.

Кто ж знал, что этот удачливый засранец окажется таким экспертом в чтении людей? Настолько отличным, что дал больше правильных ответов о моей собственной семье, чем я сам.

В голове шумело, а моим губам было трудно проговаривать полностью слова, из — за того насколько онемевшими они казались, а когда Зигги встал рядом со мной, чтобы потянуться за рукой Солнышка, я посмотрел на противоположную сторону костра, на мужчину, который наблюдал за мной из — под прикрытых век.

Мы решили около двух стаканчиков назад, что переночуем здесь, в небольшом, деревянном домике для гостей, который Зигги построил несколько лет назад. Он был оснащен по минимуму, о чем я быстро намекнул Эйсу, но он сказал, что будет более, чем счастлив остаться. И вот мы здесь, и когда вопросы закончились, а Зигги и Солнышко медленно покачивались у костра, Леннон опрокинул в себя должно быть четвертый или пятый стакан и встал на ноги.

— Я под завязку, ребят, — сказал он, потом икнул и слегка пошатнулся, на что я ужасно глупо рассмеялся. Я был счастлив, что не единственный, кто напился. — Я просто собираюсь... ну вы знаете... — невнятно промычал он, показывая взмахом руки на серебристый вагончик, который стоял на заднем дворе собственности Зигги и Солнышка, — ...рухнуть в кровать.

Солнышко вытянула руки Зигги и поцеловала его в щеку, и меня удивило, как и всегда, ее выносливость к домашней смеси Зигги. Эти двое были слегка размыты в дымке пламени, а затем краем глаза я уловил, как Эйс встал на ноги. Я моргнул, пытаюсь навести почетче фокус на нем, и пока он приближался, я прошелся взглядом по его длинным ногам вверх к чувственной улыбке, которая изогнула его сочные губы. Это выражение лица заставило меня поднять свой полупустой стакан к губам, чтобы допить сладкое, летнее вино одним глотком, а Эйс остановился передо мной и протянул свою руку.

Когда я поднялся на ноги, меня удивило, что я мог стоять, и низкий смешок, который вырвался из горла Эйса, заставил меня придвинуться к каменной стене из мужчины, который стоял напротив меня.

— Ты в порядке там, Мечта?

Я поднял голову и прикусил его подбородок.

— Я просто *прекаааасно*... — протянул я и поднял руку, чтобы погладить его грудь. — Как и ты.

Эйс оставил поцелуй на моем лбу, и эти теплые губы заставили меня замычать и прижаться плотнее к его широкой груди.

— Кажется, ему пора прилечь, пока он не свалился, — я услышал, как Эйс сказал поверх моей головы. Не уверен, что было сказано после этого, но до того как я понял как, меня провели через сад родителей, поддерживая под руку большой, обхватившей ее, рукой.

Легкомысленней и намного спокойнее, чем несколько недель назад, я практически проскакал несколько шагов, чтобы повернуться к Эйсу лицом, утягивая его за собой.

— Когда — нибудь занимался сексом под звездами? — спросил я, пристально вглядываясь в сверкающие бриллианты на небе.

— Да вы пьяны, мистер Прескот.

— Нет, — я икнул, и раскатистый смех, который вырвался из него снова, прокатился по моей гипречувствительной коже, вызывая взрывы мурашек, когда он потянул меня на себя, чтобы я впечатался в него. Он склонил голову и прижался поцелуем к моему виску.

— Мхммм. Пьян. Пьяный, флиртующий и очень, невероятно милый.

Я отстранился в его объятиях и покачал головой, а затем ухмыльнулся, когда одна из бровей Эйса выгнулась.

— Нет? Ты не считаешь что такой? Потому что насколько я могу сказать, ты изо всех сил пытаешься соблазнить меня на то, чтобы раздеть тебя догола на глазах у твоих родителей.

Когда я попятился, Эйс последовал за мной, ни разу не отводя от меня взгляда.

— Я бы никогда так не сделал.

На что Эйс кивнул и рассматривал меня так, что только кричало об одном: чушь собачья.

— Насколько я помню, сейчас была бы твоя очередь, если бы ты не признал, что твоя задница больше не выдержит еще одного проигрыша, Мечта. Так как насчет этого? Еще один раунд вопросов, но вместо того, чтобы проигравший выпивал свое вино, он должен...

— Лечь голым и позволить победителю делать с ним все, что тот захочет?

Эйс шел по моим следам, пока я не споткнулся и прихлопнул свой рот рукой, когда он рассмеялся над моей проблемой в координации ног — и баланса. К счастью для меня, моя спина врезалась в твердую поверхность гостевого домика, и Эйс навис надо мной — ну в смысле, просто удерживал меня вертикально.

— Это звучит идеально, — прошептал он и мазнул губами по моим собственным. — Хмм, на вкус ты, как сладкое, *сладкое* вино.

Когда он поднял голову, его взгляд столкнулся с моим, и намерения в нем были очевидны. Как только мы войдем внутрь этого домика...Они. Вступят. В. Силу.

— *Первое*: однажды я подарил своему партнеру множественные оргазмы *только* своим ртом, — сказал Эйс.

Он издевался сейчас? Слов Эйса в мое ухо было достаточно, чтобы затряслись мои коленки, но представлять его с кем — то еще, не было на вершине моего...

— *Второе*: я всю ночь пробовал каждую позу, которые мне всегда были любопытны, пока мы оба не отключились, полностью выдохшимися.

Ладно, достаточно. Я поднял руки вверх к груди Эйса, собираясь оттолкнуть его от себя, когда он втянул мою мочку, и мой предательский член перешел из заинтересованности в твердо — каменное положение.

— И *Третье*: я заставил своего партнера кричать так громко, что его семья стала очень осведомлена, что мы не нуждаемся ни в какой возбуждающей травке.

Когда Эйс поднял свою голову, он повернул дверную ручку, и мы ввалились в маленькое пространство. Наглое выражение его лица давало мне понять, что он разводил меня, а мое сердце заколотилось сильнее, когда он сказал:

— К утру ничего из этого не будет чертовой ложью, — затем он пинком захлопнул дверь позади себя.

Глава 17.

Давай уплывем.

— Эм. Когда ты сказал, что взял в аренду на день лодку, я думал, ты про катер, Эйс, — сказал я, когда мы остановились на краю пирса.

Прошло несколько дней после вечера в доме моих родителей — и ночи, которую, даже будучи тогда в пьяном состоянии, я все равно мог отчетливо вспомнить. Эйс неумолимо старался, отказываясь останавливаться, пока его рот не выжал из меня столько оргазмов, что я даже сбился со счета. Дрожь прокатилась по мне только от одного воспоминания об этом, но до того как у моего члена появились какие — то идеи, я постарался сосредоточиться на сверкающей, белой яхте перед нами. Сегодня на небе не было ни облачка, а солнце было настолько ослепляющим, особенно отраженное от монстра перед нами, что Эйсу пришлось приложить руку козырьком к глазам, когда он оглянулся на меня.

— Что? — спросил он. — Ты сказал, что умеешь управлять лодкой. Ты не сказал, что размер имеет значение.

— Ох, эта фраза просто напрашивается

— Возможно, я напрашиваюсь на это.

Я выгнул бровь.

— Позволив мне направлять это большое, длинное судно глубоко в океан?

— Твою мать, — простонал Эйс.

— Эй, ты сам начал.

— И я, блять, с радостью закончу.

— Тогда почему не кончаешь?

— Дилан.

— Хмм?

— Ты умеешь управлять этой штуковиной или нет?

И как только эти слова покинули его рот, подросток — около тринадцати или четырнадцати лет, как мне кажется — направился в нашу сторону из толпы туристов и местных, выстроившихся в очередь на тротуаре и пирсе. Он был загорелым, в широких шортах, белой кепке «Rip Curl» и такой же футболке с надписью «Sunset Cove», как и на мне — *гордость местных*.

— Эмм...простите...мистер Локк? — произнес он за спиной Эйса. Мальчик уловил мой взгляд и робко улыбнулся, пока ждал с надеждой, что мужчина рядом со мной повернется к нему лицом.

Эйс обернулся, и мальчик отступил назад, глядя снизу — вверх на него со смесью шока и благоговения, отпечатавшегося на его лице. Это было настолько удивительное выражение беспристрастного обожания, что мое сердце переполнилось чувствами за Эйса.

— Приветик, — сказал Эйс, когда посмотрел на мальчика.

— Привет...ээээ...эммм....

— Ты можешь звать меня Эйс, — произнес он, и восторженная улыбка, что пересекла черты мальчика, заставила меня усмехнуться. Эйс Локк приносил радость всему чертовому миру.

— Я не хотел вам мешать, но решил спросить, не могли бы вы подписать мою кепку? — спросил мальчик, когда потянулся к ней и стащил с головы. Эйс протянул руку за кепкой и ручкой, а когда мальчик с радостью вручил их ему, Эйс спросил:

— Как тебя зовут?

— Люк.

— Я с радостью подпишу твою кепку, Люк.

— Спасибо. Моя мама там, — сказал он, указывая за себя большим пальцем, и Эйс посмотрел туда же одновременно со мной, чтобы увидеть миниатюрную брюнетку, которая улыбнулась и коротко махнула нам. Эйс помахал в ответ, как и я, и затем вернул свое внимание к ребенку и тому, чем занимался.

— Значит ты здесь сегодня, чтобы посерфить? — спросил он, небрежно, как и всегда, привыкший поддерживать небольшие разговоры с каждым в своем деле.

— Неа, — мальчик засмеялся. — Мы собираемся покататься на нашей лодке. Порыбачить.

— Ох, ну, чтоб ты знал. Мы тоже покатаемся на лодке сегодня.

Эйс подписал кепку, а когда вручил ее обратно мальчику, тот выпрямился.

— Это ваша лодка? — спросил он, указывая пальцем на гладкую яхту, с приоткрытым ртом очень похоже на меня, когда Эйс остановил меня напротив нее.

— Да, это именно та, на которой мы пойдём. Дилан будет управлять ей.

— Ох, вау, — сказал Люк, а затем его взгляд нашёл мой. — Это так классно.

Я кивнул и лучезарно улыбнулся ему в ответ.

— Я и сам в большом восторге от этого.

Эйс усмехнулся, а затем мальчик начал уходить.

— Ну, спасибо, мистер...ээм...Эйс. Очень классно было встретиться с тобой. Я — твой большой фанат.

— И для меня тоже просто потрясающе познакомиться с тобой, Люк. Надеюсь, вы с мамой хорошо проведете день.

— Я тоже надеюсь на это, — сказал он, по — дружески помахав нам, прежде чем развернуться и побежать туда, где стояла его мама. Мы с Эйсом наблюдали, как он уходил, и когда он достиг ее, он показал ей свою кепку и восторженно выкинул кулак в воздух.

Какой подарок пришлось сделать Эйсу для других, чтобы они были неопишимо счастливы. Казалось, несправедливым, что его всегда будут осуждать за желание крошечной частички того же счастья для себя.

— Итак, — произнес Эйс, поворачиваясь лицом ко мне с ухмылкой. — Ты умеешь управлять этой штуковиной или нет?

— Разве этот малыш тебя ничему не научил? Ты не можешь прожить всю жизнь во Флориде и не научиться управлять лодкой любого размера, красавчик.

Ухмылка пересекла его губы, и он шлепнул меня по заднице.

— Тогда как насчет того, что ты заберешься на борт до того, как я перекину тебя через свое плечо и занесу сам?

— Мда? Ты сделаешь это перед всеми этими людьми?

Эйс скрестил руки и по тому, как сложилась его челюсть, я мог сказать, что под очками у него был взгляд *«как ты посмел сказать такую чушь»*. Я оглядел огромные мышцы его груди, рук, плеч и то, как обычная футболка растягивалась на них, и затем мои ноги сами двинулись в сторону трапа яхты в ту же секунду. Не потому что я испугался, что он выполнит свою угрозу — а потому что я не доверял себе в тот момент, что не сорву с него футболку зубами.

Да, этот парень превращает меня в чертового дикаря.

Когда мои ноги коснулись палубы, я повернулся к Эйсу, взбирающемуся вслед за мной.

— Должен сказать, мне нравится, что я могу сделать *это*, — сказал я, приближаясь бочком к нему и проводя пальцами по его мускулистому предплечью, — без сотни камер, взрывающихся вокруг нас.

Эйс склонился, чтобы коснуться поцелуем моих губ, а когда отстранился и посмотрел на меня поверх своих очков, в его глазах был порочный блеск.

— И мне нравится, что я могу сделать это. А теперь вставай за штурвал, Дилан, до того как я соблазнюсь проверить сколько всего мне может сойти с рук.

— Есть, командор Локк, — я забрал у Эйса ключи, которые сейчас болтались передо мной, а затем пошел вверх по мостику яхты. А Эйс пошел отвязывать веревки от сваи, чтобы мы смогли отправляться.

Сегодня прекрасный, летний день в бухте Сансет, и я не мог поверить, что стоял за управлением этой крутой яхты. Прожив детство в Сан — Франциско, а затем здесь во Флориде, взять лодку для глубоководной рыбалки или даже, чтобы провести день или выходные с друзьями в скрытой бухте, не было чем — то новым. Но размер и роскошь этого судна заставляла даже меня слегка нервничать.

Мы вышли из небольшой бухты и попали в открытый океан, с ветром, хлещущим вокруг нас, и чистой красотой нетронутых вод, куда ни посмотришь. Стоять здесь, на мостике этой красотки было чуть — чуть ошеломляющим. Хотя *опять же*, подумал я, когда посмотрел на

мужчину, стоящего рядом со мной, *все, что Эйс делает — всегда с каким — то своим отпечатком и в большинстве случаев этого было достаточно, чтобы у меня перехватило дыхание* — включая то, как он небрежно снял свою футболку около десяти минут назад. Он стоял рядом со мной за управлением, одетый только в карго — шорты цвета хаки, шлепки и «авиаторы», и выглядел феноменально. Как будто он был посреди съемки сцены одного из своих фильмов. Весь загорелый, а его мышцы вылеплены и так четко определялись, что можно было проследить их путь своим языком, который так и просил этого....*что у меня вышло чисто случайно.*

Эйс должно быть заметил мой пристальный взгляд краем глаза, потому что он повернулся ко мне и прислонился плечом к перилам.

— Знаешь, как бы сильно мне не нравилось быть твоим единственным центром внимания, Мечта, тебе не кажется, что стоит уделять внимание тому, что ты делаешь?

Я потянулся к своим очкам и стянул их с носа немного, чтобы сделать вид, будто оцениваю его. Затем я щелкнул языком и толкнул очки на место.

— Поверь, я знаю *точно* что делаю.

— И что же?

— Я похищаю вас, мистер Локк, — сказал я, своим лучшим образом злодея из «бондианы».

Эйс усмехнулся, а затем оттолкнулся от перил, чтобы подойти ко мне. Я смотрел вперед, когда он встал позади меня и обнял за талию. Когда я устроился спиной на его груди, я почувствовал, как он прижался своим пахом к моему тазу и приложил свои губы к моему виску.

— А это считается похищением, если я сам обеспечил перевозку?

— Эй, — сказал я. — Даже не пытайся разрушить мою фантазию.

— Ой, прости, — сказал он, пощипывая раковину моего уха. — Продолжай, пожалуйста. Куда вы меня увозите, страшный, *страшный* человек?

— Так — то лучше...я увожу тебя в кое — какое укромное...

— Мне нравится это.

— Где смогу связать тебя...

— Мне *все еще* нравится это.

Я крутанул к нему голову.

— Серьезно? Тебе нравится такая идея?

Одна из бровей Эйса выгнулась в ответ, а затем уголок его губ приподнялся.

— Шокирован?

— Не должен, но думаю, тебе нравится шокировать меня до чертиков.

— Да, — ответил он, кивнув.

— Хорошо, что мне нравятся сюрпризы.

Эйс поднял свои очки и закрепил их на голове, чтобы я мог видеть его глаза. Взгляд был полон такого чувственного обещания, что практически выбило весь воздух из моих легких, и мне пришлось усилить хватку на штурвале и сфокусироваться на попытке не сбиться с курса.

Сегодня я хотел поговорить с Эйсом. Наконец, рассказать ему о своем прошлом. Но пока, пока мы стояли здесь, за штурвалом этой яхты, я впитывал его спокойствие и наслаждался перспективой, которую сулили спокойные воды — перед тем, как они, возможно, окажутся бурными.

Полтора часа спустя, Дилан бросил якорь в уединенной, маленькой бухте недалеко от берега, а я спустился вниз в каюту, чтобы забрать корзину с ланчем, которую заказал для нас. Когда я вернулся на палубу, он снял свою рубашку и разложил пару огромных пляжных полотенец на носу яхты. В одной руке у него была бутылка лосьона для загара, а когда он повернулся и заметил меня с корзиной в руках, то покачал головой.

— Я планировал поймать парочку рыб голыми руками на ланч, но видимо, это не нужно делать, — сказал он ухмыляясь.

Опустив корзину, я забрал бутылочку из рук Дилана и резко встряхнул ее. Затем открыл крышку и выдавил немного лосьона себе в руку.

— Я бы с радостью посмотрел на это. Может, в следующий раз.

— Может быть... Ох, так приятно, — простонал он, пока я неспешно втирал лосьон в его шею и плечи, прежде чем промассировать дорожку вниз по его спине. Я обожаю ощущение его тела под своими руками, все эти подсушенные мышцы и гладкую кожу. Когда я поцеловал местечко за его ухом, он сказал:

— Ты просто хочешь меня полапать.

— Да. Я так же хочу накормить тебя.

Взгляд Дилана встретился с моим.

— Правда?

Кивнув, я опустился на колени и потянулся за корзиной.

— Ох, — произнес он с разочарованием в голосе. — Я подумал, что ты имел в виду... кое — что другое.

— И это тоже я имел в виду. Но для начала... — забравшись внутрь, я достал содержимое корзины — пять различных контейнеров с нарезанным сыром, крекерами, фруктами, рулетами и мини — чизкейками. А затем я похлопал по месту рядом с собой.

Дилан сел, подполз поближе, и отщипнул виноград из одного из контейнеров, забрасывая его себе в рот.

— Ох, это очень круто. У тебя к этому всему идет в комплекте вино?

Я снова потянулся в корзину и вытащил охлажденную бутылку белого вина, которую припрятал в холодильнике внизу, и Дилан откинулся назад на свои локти.

— Уверен, что смогу привыкнуть к такому. Лежать на палубе какой —нибудь роскошной яхты и загорать, пока какой —нибудь мускулистый парень наливает мне вина и кормит.

Я остановился на половине налитого стакана.

— *Какой —нибудь* мускулистый парень?

Дилан небрежно пожал плечами, но изгиб его губ противоречил его безразличию.

— Конечно. Пока он обнажен по пояс и протягивает мне бокал вина, почему меня должны волновать такие досадные мелочи, как его имя?

Я закончил наливать выпивку, заткнул пробкой бутылку, а затем потянулся через разложенную еду, чтобы вручить бокал Дилану. Когда он забрал его, наши пальцы скользнули друг по другу, и я сказал:

— Точно. Зачем нужно имя, да?

Дилан приподнялся, пока его губы не оказались в сантиметрах от моих, и облизал их.

— Конечно. Только, естественно, если это имя — Эйс Локк, потому что это имя я

люблю произносить, стонать и выкрикивать в любое время суток.

Я промышчал свой ответ, перед тем как захватить рот Дилана в страстный, быстрый поцелуй. Это было знаком подтверждения его слов, и если честно, штампом собственности из — за того, как эти слова повлияли на меня. Мне нравилось слушать, как мое имя слетало с его губ, и не важно, как он произносил его, а сейчас, когда я отстранился от него, это было произнесено тихим шепотом на выдохе.

— Я испытываю очень нежные чувства к Дилану Прескоту, не стану лгать, — когда я сел на свою сторону полотенца, Дилан медленно поднес бокал к своим губам и сделал глоток, удерживая сосредоточенный взгляд на мне все время, а потом он опустил бокал, проглотил и нахмурил брови.

Я не был точно уверен, что происходило в голове Дилана в тот момент, потому что он перешел от беззаботного и расслабленного состояния к задумчивости и, я мог бы поклясться, к нервозности, и это заставило меня потянуться к нему. Но Дилан покачал головой.

— Эй, что происходит? — спросил я, направив небольшую улыбку в его сторону, но что — то здесь определенно переменилось. — Дилан?

Дилан сел прямо и поставил бокал с вином рядом с собой. Затем он согнул ноги и подтянул их к своей груди, где обхватил их своими руками. И вот так внезапно он стал из открытого и доброжелательного — закрытым.

— Дилан? Я сказал что — то...

— Нет, — перебил он, снова качая головой. Его глаза смотрели в пол. — Ты идеальный.

Ладно... То, как он произнес это слово заставило мое беспокойство увеличиться в десятикратных размерах, потому что это определенно не было сказано той же льстящей интонацией, как несколько минут назад.

— *Это* идеально. Все...и я шутил насчет этого, но Эйс, — произнес он, поднимая глаза, чтобы встретиться с моими собственными через приличное пространство, которое теперь казалось пропастью между нами — Моя жизнь не идеальна. Далеко. Черт да мое имя даже не Дилан *Прескот*. Я даже не произношу его больше вслух. Я выбрал не признавать его. Но те репортеры, люди, копающиеся в каждом аспекте моей жизни...они выяснят это, и очень быстро. И есть кое — что, что тебе нужно узнать. Обо мне. О моем прошлом.

— И я хочу знать это, — сказал я. — Я не забыл о том, что ты начал рассказывать мне в Вегасе. Но я ни разу не давил, чтобы ты раскрылся. Если ты будешь готов рассказать мне, я буду готов выслушать.

— Спасибо.

Пытаясь ослабить волнение, которое заметно выражалось по его напряженным жилам на шее и плечах, я поднял бокал с вином и предложил:

— Может еще чуток?

— Неплохая идея.

Пока я подливал в бокал Дилана, он смотрел поверх моего плеча, пристально вглядываясь в спокойный, тихий океан. Мне было интересно долгое время, что он хотел рассказать мне в тот день, когда мы бездельничали в кровати в «Sun», но я знал, чем бы то ни было, для него это станет не так уж легко рассказать. Но я хотел знать этого мужчину, знать каждую его часть и все секреты, которые он скрывал от остального мира. Я хотел стать тем, с кем он поделится собой.

— Это легко... — сказал Дилан, проводя пальцем по ободку бокала. — Легко забыть себя, когда занимаешься тем, о чем только мечтал, когда был маленьким. Тогда, я начал с

небольших мечтаний. Я хотел маму и папу. Тех, кто достаточно волновался, чтобы проверить сделал ли я свою домашнюю работу, и поправляли бы мне одеяло каждую ночь. Я хотел жить в одном и том же доме больше, чем одну неделю за раз. Я хотел есть что — то, помимо черствых хлопьев и объедков от фаст — фуда, когда уходили мамины «парни», — он прикусил губу, перед тем как продолжить. — Но больше всего, я хотел чувствовать себя в безопасности. Я никогда не чувствовал себя так, до знакомства с Зигги и Солнышком. И даже когда они пришли в мою жизнь, я провел долгое время, ожидая подвоха, ожидая, что они вернут меня обратно, или превратятся в таких людей, с которыми ассоциировалась моя мама долгие годы.

Я продолжал молчать, не смея вдохнуть ни слова, из — за которого он мог замкнуться. Я хотел узнать, что сделала его мать, и почему он никогда не видел своего отца.

И как будто он прочитал мои мысли, он продолжил.

— Мама была...очень известной в Сан — Франциско. Не в политических или развлекательных кругах, и не из — за удивительного вклада в благотворительность. Она была подземной, помойной крысой, проституткой, превратившейся в мадам, которая зарабатывала на мужчинах, женщинах, сексе и наркотиках.

Мои глаза, должно быть, увеличились, как блюдца, потому что Дилан невесело хмыкнул.

— Мда, думаю, ты даже не предполагал такое, да? — спросил он.

Я покачал головой.

— Нет. Нет, не могу сказать, что подобная мысль возникала у меня в голове.

— Хорошо.

Я наблюдал за тем, как он допивал остатки вина, и мне стало интересно, сколько времени ему потребовалось, чтобы сорвать все слои своего прошлого, что привело его в приемную семью, и как ему удалось не только выжить, но и заметно расцвести. Но было что — то еще, о чем он намекал этим, что вызывало во мне любопытство.

— Ранее...ты говорил, что никогда не видел своего отца, — сказал я, и Дилан кивнул. — Но знал ли ты кто он?

— Уверен, старушка — мамочка смогла бы сузить список до двадцати — пяти потенциальных доноров спермы, но выяснять от кого она залетела, никогда не стояло в первых пунктах ее списка приоритетов. Черт, да меня удивляет, что она оставила меня, но полагаю — она хотела, чтобы кто — то присоединился к семейному бизнесу.

У меня стянуло желудок, когда повисли его последние слова.

— Присоединился?

Мрачная линия губ Дилана совершенно явно давала мне понять, насколько некомфортно ему было говорить об этом, и хотя я не хотел давить на него, у меня была эта необъяснимая потребность узнать, что произошло с ним, и не важно, насколько тяжело это будет услышать.

Глаза Дилана приобрели отсутствующее выражение, как будто он больше не сидел со мной здесь, и до того, как я понял что делал, я наклонился и взял его руку в свою. Когда он посмотрел в мою сторону, я сжал его пальцы, без слов, приглашая его прислониться ко мне.

Когда Дилан молча встал на ноги, я убедился, что крепко сцепил его пальцы со своими. Он перешагнул еду, которая разделяла нас, а когда он остановился перед моими скрещенными ногами, я запрокинул голову назад, чтобы увидеть, как солнце освещало его, и почувствовал, что нечем дышать, из — за образа, который он создал.

— Иди сюда, — прошептал я, и нежно потянул его за руку, побуждая его опуститься на мои колени. Он опустился, пока не сел лицом ко мне, его ноги по обе стороны от моей талии, а его задница устроилась на моих скрещенных ногах, и наши руки были все еще переплетены между нами. — Ничего из того, что ты расскажешь мне, не изменит всего, что я испытываю к тебе.

— Легко сказать...

Я приподнял его лицо, чтобы он посмотрел мне прямо в глаза и сказал настолько искренне, насколько мог.

— Это легко в том смысле, когда ты — тот, о ком я говорю.

— Эйс.... — сказал он и прислонился своим лбом ко мне, закрывая глаза.

Я обнял его за талию и притянул к себе настолько близко, насколько мог. Надеюсь, что заставлю его почувствовать то ощущение безопасности, о котором он говорил несколько минут назад.

— Расскажи мне, Дилан. Я хочу узнать тебя. Все хорошее, все плохое и все...

— Уродливое? — спросил он. — Если бы только в этом было дело. Знаешь, что самое безумное?

Стараясь не отставать, я просто следовал за ним, позволяя Дилану привести этот разговор туда, куда ему нужно. Дать ему рассказать то, о чем он хотел.

— Нет. Что самое безумное?

— Что я использую свою внешность, чтобы заработать деньги. Таким образом, я не отличаюсь...

— Эй, — сказал я, отклоняясь назад немного, чтобы привлечь его внимание. — Даже не смей сравнивать то, чем ты занимаешься с тем, что ты только что рассказал о ней.

— Точно, но ты не понимаешь. Это лицо, лицо, которым я зарабатываю контракты все с бóльшим количеством нулей, чем я вообще мог вообразить в своем зарплатном чеке, то же самое лицо, на котором она пыталась заработать.

Когда судорожный вдох пробил тело Дилана, он опустил свой взгляд ко мне, и сколько бы сильно я не хотел, чтобы он рассказал мне о своем прошлом, я был напуган тем, что он собирался вскрыть. Не потому что узнают остальные, а потому что не был уверен, что смогу выдержать рассказ о том, как кто — то причинял боль этому мужчине.

— Долгие годы, моя мать — Бренда — использовала меня в качестве, — Дилан подавился словами и поморщился, а я погладил рукой его спину, нуждаясь в контакте с ним, чтобы успокоить свои дрожащие руки.

Так значит, Бренда была его матерью, и это про нее упоминала Солнышко в тот день в пустыне.

— Она использовала меня в качестве приманки, думаю, именно так в итоге назвала это полиция. Она выяснила, что я был каким — то...мощным соблазном для определенных мужчин, и что они захотят заплатить крупные суммы, чтобы заполучить возможность погладить симпатичного мальчика по лицу. Потрогать его волосы. Заполучить его в комнату, пока они... — Дилан закашлялся, и это казалось близко к тому, что он давился словами, которые выдавливал из своего рта. Его челюсть ходила ходуном и подрагивала, когда он стискивал вместе свои передние зубы, а когда он наконец — то взял себя в руки, то продолжил дальше. — Она никогда не позволяла заходить им дальше этого. Ее единственный акт милосердия ко мне, полагаю, до последней ночи...

— Дилан, ты не должен... — начал я, догадываясь к чему все шло. Ненавидя то, что ему

приходилось рассказывать вообще эту историю. Но он покачал головой, теперь решительно настроенный, похоже, избавиться и покончить нахрен со всем.

— Нет, дай мне закончить. Тебе нужно это знать. Услышать от меня, а не прочитать в каком —нибудь журнале.

Я поднял руку, чтобы погладить его по щеке, и когда он зажмурил глаза и уткнулся носом в ладонь, мое сердце заныло из — за того мальчика, каким он когда — то был. Но это не все, что я чувствовал здесь, на носу яхты, под полуденным солнцем. В этот конкретный, душераздирающий момент, мою грудь заполнило гордостью за то, с какими демонами боролся этот мужчина, и я знал без тени сомнения, что люблю Дилана Прескота больше всех в этом мире.

Глава 18.

Все хорошее, плохое и уродливое

Я продолжал сидеть с закрытыми глазами, прислонившись к ладони Эйса, и произнес слова, которые пугали меня многие месяцы.

— Я пришел домой из школы раньше в тот день, — сказал я. — Это было за день до Дня Благодарения, и мы учились только полдня, поэтому я планировал закинуть свой рюкзак домой — или, по крайней мере, в то место, где мы ночевали последние несколько недель, — а затем пойти на ночевку в дом моего друга Бобби. Я терпеть не мог находиться там, когда у матери были посетители, поэтому прятался так долго, сколько мог. Она была обычно пьяна, под кайфом любого наркотика, которым с ней расплачивались за прошедшую ночь. Я надеялся, что она спала, но в тот день она бодрствовала и сидела в гостиной на потрепанном, оранжевом диване, к которому я знал, лучше не приближаться. Никогда не забуду этого... у нее в руке была сигарета, а на лице — густой макияж, но ее красная помада немножко размазалась с одной стороны, как будто она уже занималась своими клиентами этим днем. Когда она хлопнула по месту рядом с собой, я не шевельнулся, и тогда она прищурилась, и я знал, что это означало. Я быстро скакнул в росте, но мне все равно было тринадцать, а она не только была выше меня на несколько дюймов, но и у нее были ногти, которые могли разорвать кожу. Поэтому я сел на убогий, грязный диван и положил руки на свои колени. Она не спрашивала, как прошел мой день, что не стало ничем новым, но она подарила мне самую большую улыбку, которую я вообще видел от нее, и сказала, что у нее для меня сюрприз. «Хороший сюрприз?» — спросил я. «Ох, Дилан», — сказала она. — «Замечательный сюрприз. Твое лицо будет разбивать сердца. И кошельки».

В горле пересохло, как будто все еще дышал парами ее дешевых сигарет, поэтому я замолчал, чтобы сделать большой глоток воды из бутылки, которую Эйс достал из корзины. Он все еще смотрел на меня насторожено, но в его глазах было что — то еще, какая — то эмоция, которую я не мог разобрать, но у меня не было времени подумать об этом. Я должен уже просто избавиться от всего.

— Ну, как и любой ребенок, услышавший слова «замечательный сюрприз», я подумал, что, может быть, мое везение изменится. И оно изменилось, вот точно. Но *замечательный* в моем языке означало совсем не то, что означало для моей матери. Она сказала, что я всю свою жизнь прожил за чужой счет, и пришло время отработать содержание. Что я мог принести больше денег за час, чем она могла за ночь. Поэтому пришло время мне

приступить к работе, и я начинал прямо сейчас, — я с трудом сглотнул и произнес. — Я помню то тянущее чувство в животе, когда я понял, о чем она. Я все еще чувствую, как ее ногти впились в мою ногу, когда мужчина, ждущий в спальне, вошел в гостиную. Я пытался удрать, но она удерживала меня, а когда я практически освободился, она использовала мою футболку, как пепельницу. Боль от того ожога дала тому мужчине время, чтобы потянуть меня за запястья, а затем он затащил меня — она *позволила* ему затащить меня — в спальню. Там был только матрас на полу, и он швырнул меня на него, закрывая пинком дверь. Его дыхание пахло протухшими яйцами, и он продолжал прижимать меня, но я сопротивлялся... я так сильно сопротивлялся. Я слышал, как моя мать колотилась в дверь с криками, чтобы я заткнулся, но парень запер ее, поэтому я застрял там, слезы текли по моему лицу, пока я пытался вырваться.

— Умоляю, скажи, что ты сбежал, — прошептал Эйс, а когда я встретился с его взглядом, мне показалось, что он даже не осознавал, что сказал это вслух.

— Был момент, когда я подумал, что он заберет лучшую часть меня, и я бы позволил ему. Не потому что хотел, а потому что не мог больше физически сопротивляться ему. Поэтому я прекратил шевелиться, прекратил бороться. И ты знаешь, что он сделал? Он встал. Он расстегнул молнию на своих штанах. Он снял их. И в тот момент во мне что — то щелкнуло. Какой — то огонь разжегся в моем теле, и я знал, что смогу убежать. И не было важно, что для этого потребуется, не было важно, что я умру, пытаясь сбежать... Я больше не собирался прожить ни одной секунды в этом месте, и я *не* позволю пьяному наркоману — педофилу надо мной победить. Поэтому когда он вернулся обратно на матрас, я позволил ему лечь поверх меня. И когда он устроился на мне в правильном положении, я потянулся вниз между его ног и смял его так сильно в своем кулаке, насколько мог. Его глаза закатились до затылка, и он заорал от боли, что заставило меня только жестче сжать его. Я бы мог вырвать его, но на этом бы все не закончилось. Мне нужно было сбежать, поэтому я отпустил его, а когда он свернулся в клубок на матрасе, я побежал к окну. Когда оказался снаружи, я продолжил бежать. Я бежал, пока не выдохся, и когда понял, что нахожусь достаточно далеко, я остановился и перевел дыхание. Тогда я осознал, что остановился перед полицейским департаментом. Я даже не задумывался пойти в полицию до этого. Я думал, что наверняка смогу переночевать у друга дома, но когда увидел отделение той ночью, я снова побежал. Вверх по лестницам, через входные двери, и в маленькую комнату, где рассказал офицеру свою историю.

— Боже мой, Дилан, — сказал Эйс, его ладонь поднялась к тыльной стороне моей шеи. — Я и понятия не имел.

— А с чего бы? — спросил я, и затем моргнул, пытаясь навести фокус. Но пока слеза не скатилась по моему лицу, я не понял причину, по которой не видел его четко. Я плакал. Я поднес руку, чтобы смахнуть влагу с щеки, но Эйс меня опередил, стирая ее большим пальцем. — Я провел каждую секунду своей жизни *после* того дня, удостоверюсь, что никто и никогда не узнает откуда я. Я перескакивал из одной приемной семьи в другую долгое время, и в то время я считал, что мне повезло иметь крышу над головой просто так, не считая чека, которое выплачивало им правительство. До того дня, когда соцработник приехала, чтобы забрать меня из последней семьи. Она сказала, что они нашли кое — что постоянное. Семью, которая рассматривала в будущем усыновление, и она хотела, чтобы я поехал знакомиться с ними вместе с ней.

— Солнышко и Зигги? — спросил Эйс, и я прикусил свою нижнюю губу и кивнул.

— Можешь представить мое первое впечатление о них, — я грустно улыбнулся ему, и когда Эйс вернул ее мне, вес, который душил меня, казалось, ослаб. — Я сказал соцработнику, что она выжила из ума. Ни за что я не стал бы жить с такими *обдолбанными* хиппи, кажется это мои точные слова, и я помню, как она оттянула меня в сторону и сказала, что работала с Солнышко уже многие годы, и не было никого более открытого и понимающего, чем эти двое. Я считал, что она не в своем уме, но кто я такой, чтобы спорить с ней? Она была профессионалом, так ведь?

Я потянулся, чтобы прикоснуться к линии челюсти Эйса, но когда моя рука задрожала, он перехватил ее и поднес подушечки моих пальцев к своим губам, чтобы поцеловать их.

— Что потом? — спросил он.

— Затем я переехал в самую странную, нетрадиционную семью, и они оказались именно теми, в ком я нуждался, — я закрыл глаза и откинул свою голову к солнцу, позволяя его теплу высушить мои слезы, пока вспоминал первые годы жизни с Зигги, Солнышком и Ленноном, и улыбка разрезала мои губы. — Первые несколько месяцев были...странными, мягко говоря. Я не только приспособился к жизни в новой семье, но и эта семья очень сильно отличалась от всех, частью которых я был. Моя собственная была никчемным примером, все остановки между ними были относительно нормальными. Но потом появилась Солнышко — женщина, которая могла осветить самый мрачный день, и я полюбил их.

Я вернул свое внимание Эйсу, и приятие и тепло в его глазах заставило меня потянуться к нему и закинуть руки ему на шею. Его ладони нежно легли на мою талию, когда я поерзал, устраиваясь плотнее.

— Это было непросто. Солнышко и Зигги помогали мне несколько лет советами, и всегда подбадривали быть открытым в своих чувствах. Как ты уже видел, они по своей природе делятся, дарят, и они помогали мне в самые худшие годы моей жизни. Они так же научили меня брать под контроль свою жизнь и ситуации, в которые я сам себя ставил. Они — самые лучшие люди, с которыми я познакомился, — прошептал я, облизывая губы и чувствуя себя более обнаженным, чем за всю свою жизнь. — До тебя.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Эйс оставил мягкий поцелуй на моих губах, а затем закрыл глаза, глубоко вдыхая. Я не мог не начать представлять, что он думал обо всем, что я только что рассказал ему. Черт возьми, половину времени даже я не знал, что думать, и жил с этим. Но когда эти голубые глаза снова открылись, их выражение поразило меня. Оно было яростным, собственническим и настолько переполненным любовью и гордостью, что я даже не осмеливался рта открыть, чтобы оно не исчезло.

— Дилан, я... — начал он, а затем поднял обе руки, чтобы обхватить мое лицо. — Я никогда не встречал никого подобного тебе. Ты смелый и добрый, и я не уверен, чем заслужил шанс называть тебя своим.

Я сглотнул комок, который застрял у меня в горле, и попытался успокоить свое колотящееся сердце, но не было и шанса. Не с Эйсом, смотрящим на меня с такой преданностью.

— И я хочу этого. Больше всего на свете. Я хочу каждую часть тебя. Все хорошее, плохое, и, да, даже уродливое. *Все это* делает тебя таким невероятно прекрасным. Борцом. Чей инстинкт самосохранения побуждал тебя стать лучшим, насколько возможно и не смотря ни на что. Ты намного большее, чем потрясающее лицо, Дилан. Ты мужчина,

которого я люблю.

Я поднес ладони к его затылку и смял его губы своими со всей страстью и любовью, которая с нетерпением рвалась на свободу из меня. Эйс удерживал свои руки по обе стороны моего лица, размыкая свои губы, и когда я погрузил свой язык внутрь, пробуя его, я не смог вспомнить ощущения большей безопасности и большего уюта, чем здесь, в объятиях этого мужчины.

— Эйс, — сказал я, когда поднял голову, чтобы пройтись взглядом по его знакомым чертам. Я провел пальцем дорожку по всем уголкам и впадинкам его скул и челюсти, пока не достиг губ. Я обвел их линией, наслаждаясь их полнотой, до того как взять его подбородок между моим большим и указательным пальцами, чтобы наклониться и прошептать в его губы. — Я тоже люблю тебя.

Глава 19.

Больше, чем Мечта.

Эти три коротких слова с губ Дилана отправили оживляющий толчок в мое сердце, возвращая к жизни с буйством красок. Я даже не замечал, что жил в таком сером мире. В этот момент, его губ стало не достаточно для меня, его самого, седлающего мои колени. Совсем не достаточно. Мое сердце было настолько переполнено, что мне казалось, будто оно разорвется у меня в груди, и единственным способом, который я знал, как показать ему насколько сильно, заполучить его так близко, насколько он позволит.

Я приподнял его со своих колен и встал на ноги, а затем взял его руку в свою, уводя вниз в спальню. Когда мы оказались внутри, теплый перед Дилана прижался к моей спине, и пока он оставлял поцелуи от моей шеи вниз к плечам, его ладони собственнически бродили по моей груди. Я потянулся к его затылку и изогнул шею так, чтобы предоставить ему лучший доступ. Его губы путешествовали вверх по длине моей шеи, и когда он добрался до моего уха и прошептал: «Я хочу быть твоим», мои колени были близки к тому, чтобы подогнуться.

Дилан нежно провел кончиками пальцев по моим лопаткам, пока обходил меня, чтобы встать лицом к лицу, и когда он потянулся за моей рукой и переплел наши пальцы, я почувствовал грандиозность касания, как будто он только что вручил мне свое сердце — что по сути дела так и было.

— Дилан, мы не обязаны делать это. Не прямо сейчас. Мы просто можем побыть здесь, вместе.

— Знаю, — сказал Дилан, а затем опустил взгляд на наши соединенные руки, прежде чем поднять их к своим губам, где прижался поцелуем к моим костяшкам. — Но я не в этом нуждаюсь сейчас. Я хочу почувствовать *тебя* вокруг себя, — он потянул мою руку вокруг своей талии и оставил легкий — как — перышко поцелуй на моей челюсти. — Где я чувствую себя в безопасности. В твоих объятиях. И сегодня, я хочу быть как можно ближе к тебе, чем все остальные.

Воздух застрял где — то в моей глотке после его слов, и когда его глаза нашли и удержали мой взгляд, любовь и доверие, сияющие в них, смели всякие сомнения, что это был неправильный поступок.

Не в состоянии больше отказывать себе в удовольствии прикосновений к нему, я поднял руки и обхватил его лицо, а когда он прислонился в мою ладонь и позволил глазам

закрыться, я удивился длине ресниц, которые разметались по его великолепной коже.

Его полные губы приоткрылись для вдоха, и до того как успел остановить себя, я сделал свой собственный. Медленно, помня о том, чтобы не вытолкнуть его из того томного настроения, в которое он ускользал, я поднес наши соединенные руки между нами, чтобы положить его ладонь поверх своего сердца, а затем опустил голову, чтобы коснуться его губ своими.

Мои глаза закрылись от этого первого прикосновения; я хотел испробовать его вкус и текстуру, не отвлекаясь ни на что другое, кроме всхлипа, который вырвался из него, когда я скользнул своим языком между его губ. Пальцы Дилана впились в мою грудь, когда он подался ближе ко мне, а я скользнул своими в его волосы. Пока я ласкал его затылок и углублял поцелуй, я чувствовал, как вторая рука Дилана опустилась вниз, останавливаясь на талии, чуть выше линии пояса моих шорт. *И, боже мой, это грандиозно*, думал я, пока Дилан продолжал дразнить обнаженную кожу на моем боку.

Пока мы были охвачены вкусом друг друга, я не мог бы сказать, как долго мы так простояли, пробуя губы друг друга и проглатывая звуки удовольствия, вырывающиеся из нас. Но когда он отстранился и прикусил мою нижнюю губу, мне стало проблематично сосредотачиваться на нем. Моя голова кружилась, кровь неслась по венам, и я никогда не хотел быть с кем — то другим больше, чем хотел быть прямо сейчас с Диланом.

— Я хочу тебя внутри себя, — прошептал он, и я не мешкал. Пятясь с ним назад, я снова захватил его губы своими, двигаясь вперед, пока его ноги не ударились о край кровати. До того как я успел опустить нас, руки Дилана перешли на мои запястья. Когда я замер, желая узнать, что он собрался делать, его пальцы опустились на пуговицу его шорт, щелчком расстегнули ее и потянули за молнию. Затем он посмотрел в мои глаза и проделал то же самое с моими шортами.

— Каждый раз, когда мы вот так вместе, клянусь, мне приходится щипать себя, чтобы удостовериться, что ты действительно стоишь здесь, передо мной. Но ты же здесь, да? — спросил он.

— Да, я, действительно, здесь. И Дилан?

— Ммм?

— Нет другого места, где я предпочел бы быть.

Дилан потянул свои шорты и боксеры вниз по бедрам и вышагнул из них перед тем, как сесть на кровать и откинуть голову ко мне. Неторопливыми движениями он опустил мою одежду вниз по ногам, его пальцы скользили по длине моих бедер, пока он стягивал все. Затем, когда он вернулся наверх, его губы мазнули по кончику моего члена самым мягким поцелуем, и мои бедра дернулись вперед.

— Боже, — выдохнул я и проследил грубую щетину на его щеке. — Не знаю, как мне так повезло заполучить тебя в свою жизнь. Но я очень благодарен тому, что привело тебя ко мне.

Дилан откатился назад по кровати, а я пополз на него, седлая его бедра и склоняясь, чтобы мои губы остались в нескольких дюймах от него.

— Все это время я хотел тебя, — произнес я и коснулся поцелуем его виска. — И теперь ты мой.

— Весь с головой, — его голос — низкий рокот в моих ушах, — и когда я снова вернул к нему свой пристальный взгляд, я видел любовь, сплетающуюся с желанием, в этих зеленых морях. Теперь я узнавал этот взгляд. Это был тот же, что и несколько недель подряд, но я

только выяснял, что он означал. Интересно, он мог видеть то же самое в моих глазах.

— Эйс?

Моя грудь вздымалась и опадала напротив него, и когда он расширил свои ноги, чтобы я устроился между его бедер, я провел пальцами по его волосам.

— Да?

— Помоги мне забыть.

Я опустил голову, чтобы уткнуться носом в изгиб его шеи, и слушал тихий звук его дыхания — вдох — выдох. Вдох — выдох.

— Помоги мне отключить голову, — прошептал он.

— Я могу сделать это.

— Я знаю. Потому что, угадай, что я только что узнал?

— Что же?

Он приподнялся, приложил свои губы к моему уху и сказал:

— Эйс Локк любит меня.

Когда он устроил свою голову обратно на подушку, застенчивая, озорная улыбка изогнула его губы, вызывая мою собственную.

— Неужели, серьезно?

— Угу, любит, — ответил он, медленно оплетая ногами мои бока, а затем — руками мою шею.

Я качнулся бедрами над ним и позволил себе утонуть в ощущениях его члена, устроившегося вровень с моим. Оттолкнув в сторону серьезность нашего предыдущего разговора, я потерялся в восхитительных мгновениях, лежа с ним подобным образом, в сжигающей душу связи, которую теперь ощущал, когда смотрел в его глаза, не теряя себя. Только прикосновения обнаженной кожи, и ничего больше, я чувствовал себя ближе к нему, чем ко всем за всю свою жизнь, и хотел наслаждаться этим так долго, насколько возможно.

Мое сердце грохотало от выражения в глазах Эйса, пока они блуждали по каждой моей черте, и когда он оперся предплечьями по обе стороны от моей головы и сказал: «Поцелуй меня», — ничто не смогло бы остановить меня.

Я скрестил лодыжки на его поясице и приподнялся над матрасом, убеждаясь, что соприкасаюсь каждой частью своего тела с ним, как могу, и низкий рык, поднявшийся из его горла заставил меня смять его губы своими. Рот Эйса разомкнулся под моим, и я прикусывал и посасывал его пухлую, нижнюю губу, когда он использовал свои руки, чтобы сместиться всем телом по мне самым сладким трением.

Господи, это кажется...

— Еще, — попросил я, и Эйс улыбнулся в мой рот.

— Чего...этого? — спросил он и снова прокатился своими твердыми, теплыми мышцами по мне, включая и его толстый член, который оставлял липкую дорожку.

— Да, именно это, — сказал я. — Это кажется...*аахх*.

Стон, покинувший Эйса, подытожил довольно точно, как хороши были эти ощущения, и когда он опустил свою руку вниз, чтобы провести тыльной стороной пальцев вдоль моих ребер к соединению наших тел, я задохнулся. Эйс слегка сместился в бок и обхватил своей сильной ладонью наши налитые стволы.

— Боже мой, пожалуйста, — когда его рука сжалась, и мои бедра толкнулись вверх, я заскользил своей эрекцией в кулак и по нежной нижней части его члена.

— Дилан, — произнес Эйс, когда начал двигаться в идеальной синхронности со мной. Мы продолжали раскачиваться друг напротив друга, рассматривая каждую мысль и чувство, пересекающие наши лица, и когда я понял, что опасно близко к взрыву, я коснулся ладонями его груди и остановил его.

— Внутри, — произнес я, задыхаясь. — Ты нужен мне внутри.

Эйс кивнул и прижался болезненным поцелуем к моим губам, прежде чем ослабить хватку на нас двоих. Я застонал от чувства потери, и голод, озаривший его глаза, заставил меня стиснуть зубы и попросить:

— Поскорее.

Эйс встал с кровати, поднял свои шорты и достал все, что нужно из кармана. С внимательным взглядом, сосредоточенным на мне, как притягивающий луч, Эйс поднес квадратик к своим зубам и разорвал его. Я раскинул ноги в стороны для него, и улучил момент, чтобы оценить, как он раскатывал презерватив по своему члену с венками. Затем он разорвал пакетик со лубрикантом, смазал себя, и взял второй перед тем, как забраться обратно на кровать, а я облизал губы от предвкушения.

Вернувшись в то же положение, Эйс навис надо мной с одной рукой у моей головы и между моими широко раскинутыми ногами для него.

— Обхвати меня ногой за талию, — приказал он, его голос хриплый и глубокий.

Я не только обхватил его правой ногой за бок, я еще и переплел руки вокруг его шеи, и Эйс закрыл глаза, а его ноздри затрепетали. Я знал, что он изо всех сил старался сделать все медленно и постепенно, что было так же трудно, как и для меня. Потому что в этот момент все, чего я хотел, — его внутри себя, заполнявшего до тех пор, пока я не перестану понимать, где заканчивался он, и начинался я.

Когда он, похоже, набрал толику хоть какого — то контроля, он поднес второй пакетик смазки к губам и разорвал его. Быстрее, чем я понял, пакетик оказался отброшен в сторону, а его скользкие пальцы спускались вдоль моей промежности к дырочке.

— Эйс...

Он прижался своим ртом ко мне, обрывая мой стон, и когда его язык проник между моих губ, его палец толкнулся внутрь. Мои бедра подбросило над кроватью, и я оторвал свои губы от него. Мое тело было настолько готово к этому. Оно было излишне чувствительным, как будто я мог обкончать его всего лишь от одного пальца в нужном месте и улыбки этого греховно — красивого мужчины, занимающегося мной.

— Не могу ждать, — сказал я и вцепился в его плечи. — Не заставляй меня больше ждать.

Эйс убрал палец, и когда его ладонь разгладила мое бедро вверх к ягодице, я напряг свою ногу вокруг его талии. Я чувствовал, как он пристраивал головку своего члена к моему узкому входу, и когда он начал медленно проталкиваться внутрь, я заскрежетал зубами.

Пока он заполнял меня, я не мог сдержать стоны, покинувшего мое горло. И даже когда он был глубоко, по самые яйца, а наши тела — переплетены насколько возможно, я все равно хотел большего.

— Дилан, — произнес Эйс. — Ты ощущаешься...

— Я знаю, — сказал я, крепко прижимая его к себе. — Чертовски идеально.

Ягодицы Эйса напряглись под моими руками, и затем он начал раскачиваться,

небольшими движениями поначалу, пока я привыкал к его размеру, а затем он подался бедрами назад, коротко выходя наружу. Когда он впечатался обратно, он навис сверху, удерживая связь наших тел, кожа — к-коже. Каждый раз, как я натирал свой ствол, кончик касался его твердокаменного пресса, и этой фрикции было едва ли не слишком для восприятия.

Одна ладонь Эйса вплелась в мои волосы, оттягивая мою голову назад, чтобы обнажить шею для него, а затем он облизал теплую, влажную дорожку вверх по ней.

— Дааааа. Еще.

И как я и попросил, он повторил действие, отправляя дрожь от макушки головы до кончиков пальцев на ногах. Затем, его голос тихим шепотом раздался в моем ухе, а его слова заставили мое сердце с силой заколотиться.

— Ты намного больше, чем мечта...ты моя реальность, Дилан. Отныне и навсегда.

Навсегда...

Это слово, прошептанное в мое ухо, заставило грохотать мое сердце, тело дрожать, а оргазм подтянуть мои яйца, пока я пристально всматривался в него.

Вечность с этим мужчиной? Я бы не согласился на меньшее, и когда он отпустил мои волосы и встретился со мной взглядом снова, он произнес:

— Я хочу кончить вместе с тобой.

Я переплел руками его шею, а ногами — талию, и пока он проникал в меня, я слушал слова о любви, поддержке и желании, повторяющиеся в моем ухе. Я чувствовал, как Эйс клеймил каждую часть меня. От кончиков волос до ступней ног, и когда он прошептал: «Навсегда», оргазм разорвал нас обоих.

Мы кончали, вцепившись друг в друга. Качаясь в буре и новизне новой стороны, становясь сильнее в этом путешествии.

Глава 20.

Рот набитый горячими сосисками.

Мой телефон снова вибрировал в кармане, и я со вздохом вытянул его оттуда, чтобы проверить экран. Не сказать, что была необходимость. Мартина названивала весь день, но сейчас не самое лучшее время. Мы только что приехали на пляж к костру с несколькими друзьями Дилана в наш последний вечер в Бухте Сансет, и я не намеревался быть грубым и отвечать на деловой звонок. Она может подождать.

Дилан подошел ко мне с двумя пластиковыми стаканчиками в руках, и кивнул на мой телефон, который я запихивал в свой карман.

— Она уже тысячу раз позвонила. Тебе не кажется, что стоит ответить? Может быть, что — то важное.

Я забрал напиток, который он протягивал, и покачал головой.

— Если я сделаю это, то вернусь обратно в реальный мир.

— Мы все равно возвращаемся завтра.

— Я правильно тебя понял? Ты *хочешь*, чтобы я ответил на этот звонок?

— Возможно. Не думаю, что она прекратит, пока ты не сделаешь этого. Просто попроси ее побыстрее, — он наклонился и подарил мне поцелуй, а затем отступил туда, где вокруг котлована для костра устанавливали стулья его друзья.

Я простонал, пока наблюдал, как он присоединился к компании, а затем выудил мобильник из кармана. Звонок соединился, как только я нажал на ее номер.

— Эйс? — обратилась она, ее голос звучал отчаянно, и как только я его услышал, мои плечи напряглись. — Где ты был? Я названиваю весь день — черт возьми, целую неделю — в попытке связаться с тобой. Я знаю, что ты в отпуске во Флориде, и только не говори мне, что этот телефон не приклеен к твоему бедру.

Да, ладно, она подловила меня.

— Итак, ты знаешь, что я во Флориде, — произнес я.

— Ты считаешь, что только потому что ты уехал в другой штат папарацци не найдут тебя? Хотя не сказать, что там они кишат так же как здесь, так что, вероятно, ты и не заметил их.

— И что в этом такого? Потому что мне плевать, что они делают снимки. Я не скрываюсь. Мне просто нужно было сбежать на несколько дней.

— Я понимаю это, — Мартина говорила сочувственно. — Но я надеюсь, что ты рванешь обратно со всех ног, потому что сегодня утром у меня был самый лучший телефонный разговор. Ты сидишь?

Я бросил взгляд туда, где Дилан жал руки и обнимал Дерика и привлекательного мужчину в самых ярких, кислотно — оранжевых шортах, которые я видел в жизни.

— Нет, — ответил я. — Не сижу.

— Тебе, правда, стоит присесть.

Это привлекло мое внимание.

— Это хорошие или плохие новости? Ты сказала самый лучший телефонный разговор, да?

— Обычно это означает хорошие, да.

Оглядываясь вокруг себя, я не заметил ничего, куда бы мог плюхнуться, кроме песка, поэтому продолжил стоять.

— Хорошо, я сижу. Что там?

Мартина сделала глубокий вдох и шумно выдохнула.

— Карли Уайлд хочет тебя в своем шоу. Карли *Уайлд!* Часовое, возможно, двухчасовое интервью эксклюзивно с тобой.

— И это самые лучшие новости?

— Эйс! Это колоссально. Знаешь, когда Карли Уайлд приглашает кого — то в свое шоу, это очень повышает внимание к ним.

Я фыркнул.

— Можно подумать, мне действительно нужно еще сильнее привлекать к себе внимание. Да перед моими долбанными воротами ночуют папарацци, Мартина.

— Ты понял, о чем я. Америка любит Карли. Ты завоевываешь ее, ты завоевываешь зрителей, и мы возвращаемся в бизнес, детка.

Я открыл рот, чтобы ответить чем — то саркастичным, но потом замолчал. Она права, но почему Карли вообще захотела меня в своем шоу в первую очередь? Когда моя карьера падала быстрее, чем парашотист без парашюта, а любовь всей моей жизни размазывали в каждой газетенке во всем мире?

— О чем она хочет поговорить? Почему она позвонила сейчас? Почему не тогда, когда все было хорошо, мм?

— Ох, Эйс. Ты же знаешь, что она любит невероятные истории возвращения. Как и весь

остальной мир.

— Я должен вернуть свое прошлое сейчас? — спросил я, повысив голос. Я бросил взгляд на группу, начинающую разжигать костер; друзья Дилана не заметили моего взрыва, но Дилан перехватил мой взгляд и выгнул бровь. Я махнул ему, чтобы он не беспокоился, и затем понизил голос. — Я не собираюсь идти на национальное телевидение и давать интервью женщине, которая хочет узнать, что я чувствую, когда все мои карьерные перспективы внезапно испарились, и вымазать в этом зачем — то мое лицо.

— Это будет не так...

— Будет, и я не стану этого делать.

— Эйс...

— Нет.

Я практически видел шок на ее лице, когда она произнесла:

— Значит...ты хочешь, чтобы я передала Карли Уайлд твой отказ. Абсолютный, уверенный отказ. Я тебя правильно расслышала?

— Именно так я и сказал.

— Ты совершаешь ошибку. Она могла бы помочь тебе...

— Я не нуждаюсь в ее помощи. Я не нуждаюсь в *твоей* помощи. Дайте мне просто... решить, каким будет мой следующий шаг, хорошо?

Мартина замолчала на долгие минуты.

— Если ты этого хочешь...

— Это то, чего хочу я.

— Тогда я передам сообщение. Увидимся, когда ты вернешься.

— Увидимся, — пробормотал я и завершил звонок, в первую очередь, сожалея, что вообще перезвонил. Я пытался сохранять нейтральное выражение лица, когда бросил взгляд через весь пляж, чтобы заметить взгляд Дилана на мне, и должно быть немного напряжения проскочило, потому что он сделал шаг в мою сторону, но я покачал головой и вместо этого направился к нему. Ни за что я не испортил бы ему сегодняшней вечер. Это может подождать, до завтра, когда мы будем на пути домой. Но здесь, сегодня, с приятным ветерком и свежим, соленым запахом волн, я планировал насладиться вечером со своим парнем и его друзьями.

Когда Дерек забросил руку на плечи Джордана, я наблюдал, как Эйс убрал свой телефон в карман шорт и направился в нашу сторону. Секунду или две я волновался, что сделал неверный шаг, предложив ему перезвонить Мартине, но сейчас, когда он отключился, он, казалось, сбросил все, о чем бы они там ни говорили, как вторую кожу, и расслабил свою походку, пока шел к нам.

— Ладно, — прошептал Джордан, наклонившись ко мне и направляя ослепительную улыбку в мою сторону. — До того, как он подойдет сюда. Могу я только сказать, насколько взволнован знакомством с твоим парнем?

Когда Дерек закатил глаза, я усмехнулся и кивнул.

— Можешь. Абсолютно уверен, что он не будет против, если ты скажешь ему об этом лично.

— Боже мой. Да я бы ни за что, — сказал Джордан, очевидно в ужасе от самой мысли.

— Господи, Джордан. Он просто мужчина, — произнес Дерек, как будто сам не обделался, когда впервые встретился с ним.

— Я хорошо осведомлен, что он мужчина, — сказал Джордан, а затем посмотрел в сторону Эйса. — В смысле, в *этом* никак не ошибешься. Сколько он, Дилан? 193? 198?

Когда Дерек простонал, я не смог сдержать хохота над его угнетенным выражением.

— Вообще — то, он всего 182 см или около того. Это все мышцы делают его таким...

— Вкусным? — спросил Джордан, достаточно невинно.

— Ох, ради всего... Где выпивка? — произнес Дерек.

— Что? Как будто ты не считаешь так же, — сказал Джордан. — У меня что — то вроде *пунктика* на мышцы.

Я бросил взгляд на выпирающие бицепсы Дерека, открытые его черной майкой, а затем стрельнул ухмылкой в сторону Джордана.

— Я помню. Расслабься, Хи — Мэн. Ты выглядишь так, будто у тебя инсульт.

— Да, да. Пошел ты, Прескот.

Я закусил внутреннюю сторону щеки, когда Эйс, наконец — то, остановился перед нами, каждый из нас смотрел на него, как я мог только предположить, с невинными широко — распахнутыми глазами, и когда молчание было всем, что его встретило, он бросил взгляд в мою сторону, и я не сдержался. Сорвался.

Я взорвался хохотом, а когда Дерек пробормотал «Твою мать», я заржал еще сильнее.

Джордан несколько не замешкался, отступил от своего мужчины, чтобы протянуть руку, будто он Царица Савская, и когда Эйс принял ее, Джордан сделал еще шаг вперед и посмотрел на него снизу — вверх, хлопая ресницами. Режим сексуального котенка.

— Ну, приветик, красавчик.

Когда губы Эйса изогнулись в одном уголке, он посмотрел на меня, а я только выгнул бровь в ответ, давая ему понять, что с вот этим вот он сам по себе.

— Привет, — ответил он, а затем прошелся взглядом по Джордану до его вырви — глаз — ярких штанов. — Миленькие шортики.

Джордан наклонил вбок голову, как будто пытался решить был ли Эйс серьезен или издевался над ним, а затем подарил ему застенчивую улыбку и оценил с ног до головы, прежде чем заявить:

— Миленькое... все.

— Ладно, Джордан, — сказал Дерек, шагая вперед и перехватывая его локоть. — Извини за него, у него вообще — то есть мозги, только не когда рядом...

— Мышцы, — закончил Джордан, и затем отпустил ладонь Эйса, чтобы провести пальцами по его руке, отчего глаза Эйса выпучились, а я захохотал снова. *Черт*, понятия не имею, как Дерек оказался с этой петардой вместе, но будь я проклят, если за этим было не чертовски весело наблюдать.

— Похоже, у моего парня *пунктик* на *твоего* парня, Прескот, — проворчал Дерек, скрещивая руки. — Да, да, давайте просто открыто поговорим об этом. Можно, добавит немного языка.

Заливистый смех Джордана эхом раздался в вечернем воздухе, когда он вернулся к своему мужчине, его глаза сияли, а затем он закинул руки на плечи Дерека.

— Ты же знаешь, я не могу устоять перед мужчиной с замашками собственника.

— И мышцами, да, мы все слышали, — сказал Дерек.

Джордан посмотрел на нас через свое плечо и сказал:

— Кто — нибудь знает парня с таким описанием? Расслабленное, стервозное лицо, татушки, чертовски сексуальная задница? Обычно не очень обходителен с остальными?

Когда мы с Эйсом начали смеяться, Дерек попытался задушить улыбку, которая играла на его губах.

— Тебе повезло, что ты милый, — сказал он.

— Тебе повезло, что у меня пунктик на плохих парней с именами Дерек Пирсон, — ответил Джордан, а затем уронил свои руки и повернулся к нам лицом. — Итак, пока мы ждем остальных, давайте выпьем и вы, ребята, расскажете нам каждую сочную подробность о вашем знакомстве, как вы прятались, и как так получилось, что мы не смогли поговорить о том, о чем все знали...

— Неплохая попытка, — сказал я, пока мы все разбирали стулья, а Дерек слегка расшевелил костер. Последние несколько дней стояла относительно умеренная погода, и мы проводили их, бездельничая на пляже, проводя время с семьей и в целом отдыхая. Я бы не сказал, что смертельно жду возвращения к безумству, которое встретит нас завтра, и было ощущение, что и Эйс не сильно стремился. Но поездка вышла хорошей, и я надеялся, что он очистил свой мозг ото всего, по крайней мере, на некоторое время.

— Видишь, вот так мы встречаем крутых парней, кто приезжает в нашу маленькую старую — добрую Бухту Сансет, — сказал Дерек, доставая шампур и упаковку говяжьих сосисок. — Мы заставим тебя жарить самому себе сосиски на костре.

— Мы такие классные, — согласился Джордан, передавая нам пару шампуров и отдельную упаковку хот — догов.

Эйс рассмеялся и наклонился вперед на своем стуле к огню.

— Я не жалуюсь. Это неплохая смена обстановки.

— Знаешь, — сказал я. — Если ты хотел по — настоящему расстараться, то мог бы принести...

— Сморы³? — Дерек поднял пакет с зефиром и шоколадными батончиками, и я оперативно захлопнул свой рот.

— Джордан принес их. Я не ем сладкое, — сказал он, бросая пакет с зефиром в мою сторону. — Я не подумал, что ты тоже будешь есть много сладкого, Прескотт.

— Ой, заткнись, Дерек. Только потому, что ты странный и не ешь десерты... — сказал я.

— Серьезно? — переспросил Эйс, глядя на Дерека. — Ты не любишь десерты? Вообще *никакие*?

— Ясно, чудик, — ухмыльнулся Джордан в сторону Дерека.

— Если мы собираемся обсуждать странности, как насчет того, чтобы вспомнить последний раз, когда мы сидели вокруг костра со сморами, и ты умудрился...

— Дерек Пирсон, захлопни свой рот, — перебил Джордан, ударив того по ноге. Его глаза округлились, а губы были поджаты, пока он метал взглядом кинжалы в хихикающего Дерека.

— Ох, но что в этом будет смешного, аристократик?

Эйс наклонился ко мне, пока я наблюдал за шоу, которое разыгралось перед нами, и прижался губами к моему виску, куда прошептал:

— Он, что, только что назвал его «аристократиком»?

Когда я кивнул, Эйс рассмеялся и вернулся на место, как раз вовремя, чтобы заметить багровое лицо Джордана.

— Осторожнее, Хи — Мэн...

Это, похоже, только раззадорило Дерека, потому что он выкинул руку, схватил Джордана за запястье и перетащил его к себе на колени.

— Ты угрожаешь мне? — спросил он, его взгляд был приклеен к своему парню так, что для любого, кто наблюдал за этими двумя, становилось кристально очевидно, что они безумно влюблены.

— Ты зависишь на волоске, — ответил Джордан и чмокнул губы Дерека. — Ну, ладно, — произнес он, махнув рукой. — Во всяком случае, эта история делает меня чрезвычайно...талантливым.

— Это с какой стороны посмотреть, — Дерек устроился на своем стуле, обнимая Джордана за талию. И если внимательный взгляд, которым Эйс уставился на этих двоих через костер, был каким — то знаком, то он так же как и я жаждал услышать, что же произошло в последний раз, как эти двое сидели у костра со сморами.

Сидеть напротив Дерека и Джордана — как сидеть с друзьями детства. За несколько секунд знакомства с ними, я чувствовал спокойствие, доброжелательность и что меня приняли. Но что более важно, я чувствовал, что могу быть той версией себя, какой хотел быть — партнером Дилана.

Дилан потянулся и взял мою руку в свою, когда Дерек начал выкладывать свою историю, а я не смог сдержаться и пожелал, чтобы такой и была наша жизнь. Такой простой, легкой, каждодневной рутинной, которой мы жили с приезда во Флориду. Потому что *такая* жизнь была близка к идеалу, о возможном существовании которого я мечтал.

— Все началось с того, — начал Дерек, ухмыляясь, как дьявол, а Джордан закатил глаза таким театральным образом, который ассоциировался у меня только с этим искрометным человеком. — Мы собрались встретиться у костра с Брэнтли и Финном, как сейчас. Они немного опаздывали, но мы все равно решили сделать сморы. Это решение пришло к нам до того, как мы выпили слишком много алкоголя, и когда, наконец, пора было доставать ингредиенты, вот этот вот взял пакет с зефиром, посмотрел на меня через костер и поспорил, что сможет впихнуть в свой рот больше зефира, чем я.

Джордан притворялся, что уделяет повышенное внимание инспектированию своих ногтей, пока Дерек продолжал рассказывать. Должен признать, что мне было любопытно теперь, сколько же поместилось штук для победы, поскольку Джордан заявил, что эта история делает его...*талантливым*.

— Никто не собирался отступить от вызова, и я принял его спор. Seriously, мне стоило подумать лучше, раз я был на принимающей стороне и видел, как он сглатывает полный рот...

— Дерек!

Дилан положил мою ладонь высоко на свое бедро и сжал, рассмеявшись, а когда я стрельнул взглядом в его сторону, он облизал свои губы. *Дразнилка флиртует со мной*.

— Ой, я тебя умоляю, теперь ты изображаешь скромность? — спросил Дерек.

Джордан сверкнул в него взглядом.

— *Придерживайся* рассказа.

— Ой, ладно. Итак, мы начали забивать зефиром рты, по одной за раз. Финн вышел на

четыре. Казалось бы, у адвокатов должен быть рот побольше. Хотя его профессор вместил пять, и это многое объясняет, почему он удерживает внимание Финна все эти годы. Но Джордан, — произнес Дерек, поглаживая туда — обратно бедра Джордана, вынуждая того извиваться на его коленях. Дилан выбрал этот момент, чтобы скользнуть моей ладонью глубже по внутренней стороне его бедра, вынуждая меня практически отразить взбудораженное движение Джордана. — Ну, он создал мне и моему длинному языку неплохую конкуренцию... — Дерек усмехнулся, а затем прикусил ухо Джордана, перед тем как сказать: — А потом уделал меня.

Я потер твердое бедро под своей ладонью, и затем бросил взгляд на двух рассказчиков, и не смог сдержать вопроса.

— Так сколько зефирок *затихнул* в свой рот, Аристократик?

Когда Дерек и Джордан оба замерли и приковали меня одинаково шокированными выражениями на лицах. Глаза Дерека поблескивали от веселья, как будто он не мог поверить, что я только что назвал Джордана кличкой, которую слышал недавно, а Джордан... ну, сказать, что он был шокирован до потери дара речи, стало бы жутким преуменьшением. Он сидел весь с отвисшей челюстью и выпрямленной спиной на коленях Дерека, как будто кто — то только что ударил его по заднице. Было такое ощущение, что я стал свидетелем какой — то аномалии, потому что этот парень не казался тем, кто отмалчивался или стеснялся, вообще.

— Будь начеку, Локк, — посоветовал Дерек, сквозь вырывающийся из него смех. — Этот парень не жалуется конкретно *это* прозвище.

— Ну, не знаю, — сказал я, переводя взгляд на Джордана. — Думаю, оно подходит ему. Меня называли намного хуже, поверь, а этим титулом тебе стоит гордиться. И кстати, вы все еще не ответили. Сколько зефирок?

Джордан, похоже, приободрился от комплимента, устраиваясь в объятиях Дерека, и ответил:

— Двенадцать.

Теперь пришла очередь моего рта распахиваться, когда я бросил взгляд на пакет с зефиром, лежащий на коленях Дилана. *Как твою мать...?* Эти штуковины вот совсем не маленькие. Когда я поднял взгляд, находя глаза Дилана, он протянул пакет мне.

— Как думаешь, сможешь побить его, красавчик?

Я захлопнул рот и перевел взгляд обратно на Джордана, который поднес пальцы Дерека к своим губам, поцеловал их, а затем сказал:

— Что могу сказать? Не так много всего в жизни, что я предпочту больше, чем набитый рот.

— И он не врет в этом. Слава Богу, — сказал Дерек, и хотя он явно шутил над своим парнем, в основе всех их подколов была любовь. Любовь, которая была очевидна для любого, кто смотрел на этих двоих, и что заставило меня жаждать того, что у них было. Я хотел иметь возможность почувствовать свободу с удивительным мужчиной, сидящим рядом со мной. Я *хотел* иметь возможность продемонстрировать всему миру, что был серьезен в том, что говорил ему в тот день на яхте. Что я люблю его.

Час спустя или около того, приятель Дерека Финн и его партнер Брэнтли присоединились к нам, и родители Дилана не слишком отстали от них. Мы провели остаток вечера, рассказывая истории у костра и поедая хот — доги и сморы, и я чувствовал себя

«обычнее», чем мог когда — либо вообразить. Я не только чувствовал себя человеком, а не знаменитостью, но и глубокое чувство признания, которое испытывал, было непохожим на все, что я когда — либо надеялся почувствовать. Сидя здесь, с друзьями Дилана и его семьей, я мог быть собой. Настоящим собой. Личностью, которую я, наконец — то, начинал понимать, благодаря мужчине, которого сейчас обнимал своими руками.

Дилан баюкал бутылку с пивом, пока разговаривал с Солнышком о том, когда мы приедем в следующий раз, и пока он говорил, он ненароком перевернул свою ладонь и переплел пальцы с моими, как будто делал это годами, а не несколько месяцев, а я удивлялся тому, насколько мне повезло.

Каким — то образом во всем этом хаосе моей каждодневной жизни, Дилан нашел меня. И пока я находился здесь окруженный такой большой любовью и теплотой, я понимал, что нет и шанса, что я когда — нибудь позволю ему уйти.

Глава 21.

Охренть — как — монументально.

— Дилан, правда, что ты переезжаешь в Нью — Йорк?

— Почему Эйс не сопровождал тебя в твоей поездке?

Пока проталкивался сквозь группу фотографов перед своим домом, я удивлялся, что совсем ничего не изменилось, учитывая, что я пробыл в Нью — Йорке неделю из — за нескольких съемок.

— Не сегодня, ребята, — сказал я, удерживая голову низко опущенной. Когда я оказался внутри квартиры, которая теперь казалась моим временным жилищем, я подкатил чемодан к островку и выудил телефон из кармана. Это был самый длинный промежуток времени без Эйса с нашего знакомства, и теперь я был взволнован предстоящей встречей, когда вернулся в тот же часовой пояс. Помимо того, что я безумно скучал по нему, это была невероятная неделя. Она началась со съемок для Provocateur на пляже Rockaway в Куинсе, перед тем как я вернулся в город для индивидуальных съемок. Я снимался для GQ в Центральном Парке у фонтана Bethesda. Затем съемки Gucci забросили меня на крышу Всемирного Торгового Центра, с захватывающим дух видом на Нью — Йорк и его окрестности. И моя любимая часть — конфискация того, что так удачно было названо «Сладости Дилана» для сладких съемок, и у меня было ощущение, что подруге Эйса Рили это очень бы понравилось. Я может, а может и не провел ту ночь в отеле с тем смущающим ассортиментом шоколадок, мармеладок и мини — тортиков на палочке. *Черт возьми, те тортики на палочках...*

— Добро пожаловать обратно, мистер Прескотт, — сказал Эйс, перебивая мои мысли до того, как я успел закапать слюной. — Когда, черт возьми, я увижу тебя?

Огромная ухмылка заняла все место на моем лице от звука его голоса.

— Сейчас. Пять минут назад. Как только смогу.

— Ты должен был поехать прямо ко мне.

— Неа, мне нужен душ и немного свежей одежды, перед тем как я завалю тебя. К тому же, я знал, что у тебя сегодня встреча с агентом. Как она прошла?

Растянулась длинная пауза, перед тем как Эйс выдохнул.

— Эм...знаешь, не очень.

— Не очень? Что случилось?

— Все как обычно. Сделки иссякли. Мы начали налаживать контакты с различными проектами, но никто не заинтересован.

— Черт, Эйс, — произнес я и закрыл глаза от досады за него. — Это так несправедливо. Это все настолько...

— Эй? — произнес Эйс в трубке, и я прикусил губу, чтобы остановить дальнейшие слова, которые хотел сказать. — Все нормально. В смысле, это отстойно, но если потеря парочки ролей и спонсоров означает, что я могу быть с тобой и быть счастлив, тогда я повторю все это снова за долбанную секунду. Понимаешь?

Меня всегда поражала способность Эйса заставлять меня почувствовать себя, будто я сейчас на самом своем пике в жизни, но в то же время, мне было интересно, а заслуженно ли.

— Прекрати, — зарычал он, и мои губы дрогнули.

— Прекратить что?

— Прекрати себя винить.

Проклятье. Это парень знает меня слишком хорошо.

— Просто...

— Нет, Дилан. Ты не станешь винить себя за все это. И не за свою карьеру, которую ты более чем заслуживаешь. И не из — за того факта, что люди такие закоснелые ханжи, и не из — за того факта, что я безумно люблю тебя. Наслаждайся этим. Ты заслужил. Я рассказываю тебе все это не для того, чтобы заставить почувствовать себя ужасно за то, чем ты занимаешься.

— Я понимаю это, — сказал я, выдохнув. — Но это все равно несправедливо.

— Возможно, нет. Но, возможно, пришло время для меня взглянуть на кое — что другое.

— Кое — что другое? — переспросил я, выпрямляясь и пробегая рукой по волосам.

— Да, — ответил он, и я слышал улыбку, проникающую в его голос. — Меня всегда интересовал мир Индии. Фильмы, старт — ап проекты. Все в таком духе. Вообще — то, именно так я познакомился с парнем Шейн — Нейтом. Возможно, это знак.

— Знак? — усмехнулся я. — С каких это пор, ты веришь в подобные вещи?

И не раздумывая ни секунды, Эйс ответил мне:

— С тех пор, как познакомился с Солнышком Прескот.

Это заставило меня громко рассмеяться.

— Правда? Вокруг нее есть какая — то атмосфера детей цветов, не так ли?

— Нет, ну серьезно, если кто и может заставить тебя поверить...

— Ох, она будет рада услышать это. Геркулес — полное преобразование.

Смех Эйса прокатился по мне, когда я скинул ботинки и задался вопросом — как быстро я смогу раздеться, помыться и забраться на мужчину на том конце телефона.

— Так значит...ты скучал по мне? — спросил я, несмотря на то, что уже знал ответ. Иногда это было приятно услышать.

— Вытягиваешь комплименты, Мечта?

— Возможно. Разве это так плохо?

— Вовсе нет, — ответил Эйс, его голос понизился на несколько октав. — И если бы ты видел меня прямо сейчас, то понял бы, насколько я соскучился по тебе.

— Серьезно?

— Мхмм...

— И почему это? — спросил я, устраиваясь на диване. Душ может подождать минутку. Возможно, до тех пор, пока Эйс не раздражит меня до трепетно — стоящей эрекции.

— Ну, начнем с того, что я без рубашки.

— Оо...мне нравится это.

— Я так и думал, — сказал он. — И я стою на коленях.

Я вздохнул от этого образа и опустил ладонь, прижимая ее к своим штанам.

— Не останавливайся на этом.

— Неа, не собирался. Потому что я окружен....

Мой рот приоткрылся, пока я ждал, что он там собирался сказать, но когда все, что я получил, — его сексуальное, тяжелое дыхание в ухо, я потребовал:

— Окружен чем?

А затем он рассмеялся и сказал то, чего я *не* ожидал.

— Дисками, Мечта.

А?

— Я был настолько жалким без тебя, что занялся перестановкой своей DVD — коллекции. Ты нужен мне здесь...и побыстрее.

— Умоляю, скажи, что ты расставляешь их по размеру?

— Вопреки тому, что ты там думаешь, я не видел весь Голливуд голым. Поэтому, нет. Прости за разочарование, но они будут расставлены по жанрам, а затем по алфавиту.

Моя ладонь оставила штаны, и я почесал нос.

— Давай кое — что проясним. Ты скучал по мне настолько, что решил, будто перебраться свой домашний кинотеатр станет хорошей идеей? Я бы предпочел мастурбацию в горячей ванне.

— Я бы предпочел *тебя* в своей горячей ванне.

— Это больше походит на правду.

— Хорошо. Ты будешь десертом. Хочешь, закажу что —нибудь на ужин? Новый тайский ресторанчик открылся неподалеку.

Мой желудок зарычал от упоминания о еде.

— Да, замечательно звучит. Если ты закажешь, я могу заскочить и забрать еду по дороге. Все что угодно звучит замечательно прямо сейчас. Я, блять, с голода умираю.

— Закажу всего по два.

— У меня такое ощущение, что я плохо влияю на тебя. Ты был только на курице и капусте, когда я познакомился с тобой, а теперь я вынуждаю тебя заказывать тайскую еду. Я должен извиниться?

— Неа. Думаю, я заслужил несколько «выходных» дней.

— Чертовски верно, заслужил. Особенно после долгого, трудного дня перебирания дисков, — сказал я, посмеиваясь.

— Ладно, ладно. Я ухожу отсюда уже. Видишь Я не наркоман. Я могу соскочить в любое время.

Это заставило меня расхохотаться еще сильнее, когда постучали в мою дверь.

— Как скажешь. Эй, кажется, Ллойд из дальней квартиры опять нужен четвертак для стиралки, поэтому отпусти меня, и я приеду через час.

— Не могу дождаться.

Когда я завершил звонок, снова раздался стук.

— Секунду, старик, дай найти немного мелочи, — сказал я, открывая банку с

четвертаками, которая стояла на столешнице. Еще новое, к чему я привык в ЛА — общая прачечная с десятком других арендаторов. Я вытащил пару долларов, а затем пошел открывать дверь. — Вот держи... — мои слова задохнулись в горле, когда я столкнулся лицом к лицу с женщиной на несколько сантиметров ниже меня.

— Ой, простите, — сказал я. — Я думал, что это кто — то другой. Чем могу помочь?

Губы женщины изогнулись в грустной улыбке.

— Ты не узнал меня?

Слова «а должен?» крутились на кончике языка, но затем я резко сдержал себя, когда заметил, как ее глаза, такого же морского — зеленого оттенка, разглядывали меня с головы до ног. Моя рука метнулась к дверному косяку, когда я всмотрелся в нее снова. Светло — каштановые волосы, того же оттенка, что и мои, а вместо густого макияжа и красной помады, которые обычно коркой покрывали ее лицо, на ней вряд ли был хоть какой — то сейчас.

— Твою мать, — выдохнул я, когда осознал, что за женщина стояла передо мной. Та, от которой я сбежал много лет назад. Та, которая зарабатывала на мне деньги, оскорбляла словами и бросила меня в лого льва, к мужчине, в три раза старше меня, чтобы просто оплатить аренду.

Бренда лучезарно улыбалась.

— Ты намного выше, чем я запомнила, Дилан.

Я вцепился в деревяшку под своей рукой, чтобы сдержать ее дрожь, пока вглядывался в улыбающееся лицо, наклоненное ко мне. *Боже мой...этого не может быть.* Но я так и стоял парализованным, как будто вернулся обратно в ту старую, грязную гостиную с оранжевым диваном и затхлым воздухом.

— Не хочешь пригласить свою маму в дом?

Я был точно уверен, что слова «*нихрена подобного*» были на кончике моего языка, но я, твою мать, не мог вытолкнуть их наружу. Образы моего детства с *этой* женщиной были глубоко зарыты под херовой тучей боли, отрицания, и ненависти к себе, и заняло несколько лет, чтобы изгнать воспоминания, о существовании которых, до недавнего времени, я забывал. Но они были здесь. Они существовали. Как и она сама.

Когда она сделала шаг вперед, я пришел в себя, к текущей ситуации, и сфокусировался на ней, выпрямляясь в дверном проеме, блокируя ее проникновение.

— Как ты нашла меня? — я должен знать. Ни за что не поверил бы, что Зигги и Солнышко рассказали ей, поэтому остается только...

— Как кто, телевидение, конечно. Ты стал какой — то знаменитостью сейчас. Каждый раз, как я включаю канал, там ты. И твой многоквартирный дом.

Мой желудок завязался в узлы, а затем рухнул, как шар из боулинга вниз, когда я сжал до побелевших костяшек деревяшку. Я глотнул такого необходимого сейчас воздуха и почувствовал как мне поплохело, когда он встал комком на дне моего горла. *Этого не происходит*, думал я, но не имело значения, сколько раз я моргал... каждый раз передо мной стояла она.

— Мы можем поговорить внутри? — спросила она. — Я просто хотела...

— Нет, — ответил я, качая головой. Если я бы смог прокричать *нет, нет, нет*, то обязательно бы сделал это. Но из этого единственного «*нет*» состояло мое текущее состояние. Все остальное было охренеть — каким — монументальным.

— Сынок, пожалуйста. Я просто хотела поговорить с тобой. Я изменилась...

— *Не называй меня так,* — сказал я. Улыбка после этого слетела с ее губ, а когда она потянулась за моей рукой, я попятился назад, ударившись об дверь в спешке. — Ты должна уйти.

— *Дилан...*

— *Уходи.* Я не хочу видеть тебя, — выдавил я, отступая еще на шаг назад, чтобы вцепиться в дверную ручку, и когда начал закрывать дверь, я добавил. — *Никогда.*

Ее лицо испарилось в полоске закрываемой двери, а затем исчезло, когда я ее захлопнул. Я перепроверил, что закрыл все засовы, и даже добавил цепочку для большей уверенности, перед тем как развернуться, прислониться спиной к двери, а затем скользнуть по ней вниз, пока моя задница не оказалась на полу, а колени не были притянуты к груди.

Она не сможет причинить мне боль, думал я, пока обнимал себя руками за колени и боролся со слезами, которые размывали мой взгляд. *Она — никто. Она не сможет причинить мне боль.* Но даже, когда я повторял и повторял слова в своей голове, тот факт, что я скрутился, замер на месте, сообщал мне одну очень тяжелую истину. И она состояла в том, что я долбаный лжец.

Глава 23.

Безумная стерва.

Когда солнце выглянуло из — за горизонта и скользнуло в полумрак, который я обеспечил прошлой ночью, я перевел свой взгляд на мужчину, лежащего рядом со мной. Устроив голову на мягкой подушке и натянув простыни до талии, Дилан выглядел спокойным и умиротворенным, продолжая спать рядом со мной. Сильно отличаясь от того состояния, в каком он приехал ко мне прошлой ночью. Его волосы, которые снова отрасли до привычных длинных прядей, по которым я изначально узнал его, были взлохмачены в местах, где он перебирал их пальцами всю ночь.

Боже, прошедшая ночь была сложной. Я открыл входную дверь Дилану, ожидая только одного, а вместо этого получил целую лодку кое — чего другого. В тот момент, когда его лицо показалось в поле зрения, я все понял. Даже если бы я не был связан с ним, так как сейчас, напряжение на его лице, налитые кровью глаза и жесткая линия его челюсти, — все это распространяло красные, предупреждающие огни. И когда я потянулся к нему, он практически рухнул в мои объятия...

— *Ты во время приехал, Мечта, я ужасно проголодался. По еде и — мои слова затихли, и улыбка, которой я красовался с тех пор, как он позвонил мне, чтобы сказать, что вернулся домой, сползла с лица, сменяясь серьезным изгибом моих губ. Мой мальчик выглядел бледным, как призрак.*

— *Дилан? Что случилось? — а это было совершенно очевидным, что что — то случилось. Дилан обнимал себя за талию, его взгляд был приклеен к его ногам, и не было пакета с упакованным ужином, который он просил меня заказать для нас, чтобы самому забрать его.*

Нет, он напоминал статую, прямо здесь на моем пороге. Молчаливый и все такое.

Я сделал шаг вперед, за дверь, и в тот же момент, Дилан, наконец — то, поднял на меня взгляд, и потерянное, пустое выражение в них соответствовало пустоте,

разрастающейся на дне моего желудка.

Без лишних слов, я раскрыл свои руки, и Дилан шагнул в них — практически вмялся в них.

— Эй, — прошептал я, успокаивающе поглаживая его вверх по спине к шее, а когда он задрожал, я понял, что нужно затащить его в дом. — Пойдем со мной, — сказал я, а затем передвинулся, чтобы обхватить его за плечи и потянул в дом.

Наблюдать, как Дилан распадался на части передо мной, когда рассказывал о Бренде, которая заявила на его порог, было душераздирающим — и еще от этого перед моими глазами опускалась красная пелена. Наглости у этой женщины не занимать, твою мать... Как она могла вообще подумать, что это нормально прийти к нему вот так? Прийти к нему вообще? После всего, через что она заставила его пройти...

Дилан завозился, хмуря брови, как будто ему снилось что — то неприятное. Я потянулся к нему, и легким касанием разгладил морщинки на его лбу. Когда его глаза распахнулись, сосредотачиваясь на мне, он слабо улыбнулся.

— Мне нравится смотреть, как ты спишь, — сказал я, проводя пальцами вдоль его челюсти.

Он низко усмехнулся.

— Почему? Потому что я слюни пускаю?

— Потому что ты выглядишь таким умиротворенным. Практически невинным. Полная противоположность тому, когда ты не спишь.

— Умник какой.

— Как и всегда, — ухмыльнулся я. — И ты не пускаешь слюни, и я не заставлю тебя надевать слюнявчик в кровать.

— Умоляю, только не говори, что это твоя фантазия.

— Ты больной, Прескот. Но мне нравится это в тебе, — я положил голову на свою руку, проводя пальцами вниз по щетине на его шее. Когда они остановились над их сердцем, я сказал. — Думаю... тебе стоит остаться здесь на некоторое время.

Полуприкрытые глаза Дилана вмиг распахнулись, и он снова наморщил лоб.

— Ты имеешь ввиду на некоторое время — на весь день сегодня, или...

— Или несколько дней. Подряд. На... — я пожал одним плечом, пытаюсь вести себя равнодушно насчет того, о чем просил. — ...Некоторое время.

Застенчивая улыбка пересекла губы Дилана, когда он подкатился ко мне, отражая мою позу, — согнутый локоть, голова на руке, взгляд на мне.

— Ты предлагаешь мне переехать к тебе?

Я открыл рот, чтобы ответить «да», но до того как слова успели пересечь мои губы, он поднял палец вверх, чтобы я помолчал, и его улыбка испарилась. Тогда его взгляд стал серьезным, как будто другая мысль только что посетила его голову, а затем он заговорил:

— Ты предлагаешь, потому что хочешь? Или из — за того, что произошло с Брендой?

Я потянулся за его запястьем и потянул его руку вниз на матрас между нами, а потом погладил его щеку и губы.

— Я предлагаю тебе потому, что хочу быть с тобой. Утром, днем, ночью. Я — жадный. Я хочу, чтобы все твое свободное время было моим, — я перевернулся на спину, уставившись в глаза, сосредоточенные на мне.

Угу, я наверняка, казался, каким — то контролирующим придурком. Но я не это имел

ввиду. Я не хотел становиться *единственным* центром в его жизни. Я просто хотел быть в ней в каком — то постоянном качестве. Я хотел делить с ним хорошее и плохое.

— Это звучит безумно, я знаю...

— Нет, — произнес он, подкатываясь ко мне. Я протянул через постель к нему руку, чтобы притянуть ближе, и простынь скользнула по изгибу его бедра, когда он прижался своим обнаженным передом к моему боку, а затем лег щекой на мое плечо.

— Это звучит превосходно, — прошептал он в мое ухо.

Я посмотрел в его сторону, и когда та же застенчивая улыбка повторилась, я почувствовал, как грудь почти разрывает от любви к нему.

— Да?

Дилан прикусил свою нижнюю губу и кивнул, перед тем как наклониться и уткнуться носом в изгиб моей шеи.

— Я тоже жадный.

Когда он произносил это, Дилан провел пальцами по моей груди, подражая моему жесту до этого, распластав ладонь поверх моего сердца.

— Спасибо за прошлую ночь.

— Я не сделал...

— Ты был рядом, — сказал он, а затем мазнул губами по моей щеке. — Ты выслушал меня. Ты поддержал меня. И Эйс?

— Да? — спросил я, поворачиваясь так, что наши носы соприкоснулись, и когда я увидел блестящий след от одинокой слезы на его щеке, я нежно поцеловал его губы, и он прошептал:

— Ты заставил меня чувствовать себя в безопасности.

Я перекатил его на спину, и когда навис над ним, я обхватил его голову своими ладонями и прошелся большими пальцами по его щекам.

И у меня не было сомнений, пока я смотрел на него сверху — вниз, что я влюбился сильнее в него, чем в любого другого человека. И пока Дилан лежал и смотрел на меня с таким доверием, — из — за которого, если бы я не сходил по нему с ума, я мог бы свернуть горы — и я гордился этим. Я хотел этого доверия. Тот факт, что он вручал мне его, когда я знал, что он не делал этого с легкостью, делал все, что мы делили между собой намного священнее.

Несколько дней спустя я сидел в кабинете своего агента, которая показывала мне пробные снимки от съемки для духов Provocateur. Клодия сидела, откинувшись на спинку своего кожаного, офисного кресла, и постукивала по своей нижней губе кончиком очков для чтения.

— Сексуальные, не так ли? — спросила она, пока я изучал снимок за снимком, и была права. С откатывающимися волнами от берега снимки меня, Рошель и Лоренцо, двумя другими моделями, с которыми я работал в то утро, были *чрезвычайно* сексуальными.

Изображение, которое я рассматривал с ними двумя, возящимися на песке было потрясающим воплощением чувственности в лучшем виде. Они дразнили тем, что *могло бы* случиться, и тем, что *может* случиться вместе с Provocateur.

Рошель лежала на своей спине, выгнувшись на локтях и откинутой головой назад,

обнажая свое горло и грудь в миниатюрном бикини из полосок, пока вода прибывала к берегу, окружая ее ноги и лодыжки. Лоренцо лежал справа от нее, одетый только в потертые джинсы, как и я, и склонился над ней, спиной к камере, губами очевидно нацеливаясь на ее грудь.

И потом был я.

Я лежал с другой стороны. Растянулся в не застёгнутых джинсах, пальцы скользнули под полоску низа ее бикини, а глаза были направлены прямо на камеру. Мои волосы убраны назад, а лицо было единственным повернутым и являлось центром фотографии, мои глаза приглашали любого, кто смотрел, присоединиться к нашим влажным джинсам и блуждающим рукам. И мои пухлые, приоткрытые губы, на которых у Эйса постоянный стояк, говорили покупателю, что то что я делал, было столь же греховно, как они себе представляли.

— Да. Сексуально, это точно, — сказал я. — Хорошо, что никто не знает, насколько вода была холодной и насколько некомфортными были эти съемки, на которой мы украшали собой камни.

Клодия села прямо на своем стуле и потянулась за финальным снимком.

— Никого это не волнует. Их волнует, чем вы все занимались после этой съемки. Их волнует, что духи этой женщины заставили двух сексуальных мужчин наброситься на нее на пляже. И их всех будет волновать, что кто — то, такое же сексуальный, как *ты* пригласит их присоединиться.

Я не мог сдержать смеха, указывая на очевидное.

— Даже, если они все знают, что я гей?

— Пфф, умоляю, — сказала она со взмахом своей руки, сверкая взглядом на меня. — Возможно, в большей степени из — за этого. Меня не удивит то, что именно поэтому они отобрали двух мужчин. Какая женщина не захочет стать объектом внимания двух мужчин, не говоря уже...

— Да, да, Клодия. Я понял.

— Именно, — сказала она, вскидывая палец в воздух, как будто только что решила вопрос мирового голода. — Эта кампания продаст миллионы пузырьков Provocateur, и они знают это. Камера любит тебя, Дилан, как и фотографы и Osare, которые позвонили мне и сказали, что с радостью заключат с тобой контракт как можно скорее, чтобы заблокировать еще несколько дат. Что думаешь?

Что я думаю? *Vau*, было первой мыслью. Второй — что это предложение ласкало мое эго. Osare — крупная компания, и они хотят меня...это было волнительно. И все же, я не хотел становиться ничьей исключительной собственностью, каким — то образом на съемке. Я не хочу терять возможность сказать «не интересуется». Это очень важно для меня. Вообще — то это было одним из первоначальных условий, который я твердо поставил, когда пришел в мир модельного бизнеса. Потому что если я собирался использовать свое лицо и тело для заработка денег, то я буду решать, у кого есть привилегия получить прибыль от него. Именно поэтому если мне нужен был перерыв или мне было некомфортно, я мог послать все к чертям собачьим. И я хотел убедиться, что это все еще помнят.

— Это очень лестно, Клодия. Но ты знаешь, как я отношусь к исключительности.

— Да, но...

— Нет, — ответил я, вставая на ноги. — Это не обсуждается. Я не против прийти на съемку на следующей неделе. Просто сообщи мне, в какое время я должен быть там.

— Поняла. Ты — босс, — сказала она, поднимаясь и огибая стол. — Я передам тебе все детали, как только они перезвонят. Я надеюсь услышать что —нибудь сегодня.

— Идеально.

— Ох, Дилан. Ты превосходный человек, знаешь это? Красивый и внутри и снаружи. Ты когда —нибудь думал стать представителем...

— Клодия, — засмеялся я, качая головой. — Одно дело за раз, да? Моя жизнь как какой — то торнадо в последнее время.

— Знаю, знаю. Но перед тобой столько потенциала. Я просто не хочу что — то забыть.

Я мягко улыбнулся ей, тронутый, что она действительно задумывалась над тем, что лучше для меня. Это было одно из тех вещей, что притягивали меня к ней, когда она впервые подошла ко мне. И я счастлив, что это не изменилось, даже с возрастающим объемом работы и повышением нашей зарплаты. Она все еще относилась ко мне так же, как и тогда, когда я зарабатывал по сто долларов за разворот в каталоге.

Я уже собирался уйти, когда в последнюю минуту вспомнил.

— Ох, и еще кое — что. Это мой новый адрес, — я написал адрес Эйса — ну, *мой* адрес — в блокноте и отдал его ей. — Если тебе нужно будет отправить контракты или чеки. Я живу там в настоящее время.

— Ох, новая кварт... — она резко остановилась, когда прочитала название района и индекс, а потом подняла взгляд на меня. Мда, больше нечего добавить. Было более чем очевидно, куда я переехал. — Поздравляю.

— Спасибо, — ухмыльнулся я, а затем развернулся, чтобы направиться к двери. Я вышел в коридор, затем мимо стойки администратора и вышел на улицу. И только мои шлепки опустились на тротуар, я замер, как вкопанный.

Там, около разбитого, бежевого грузовика стояла Бренда. Она прислонилась к капоту, и когда заметила меня, она выпрямилась и шагнула на асфальт.

Охренеть — как — невероятно. Как она здесь оказалась? Как она вообще узнала *адрес* этого места? И откуда она узнала, что я сегодня буду здесь?

От воспоминания того, что произошло несколько дней назад, того, как я застыл, и затем практически развалился на части, я призвал всю силу и безопасность, которые ощущал в объятиях Эйса, и сказал себе подойти к ней и потребовать исчезнуть или я обращусь в полицию.

Твердый в своей решимости, я зашагал в ее сторону, и не смог остановить свои руки от сжатия в кулаки. Она заставляет меня чувствовать себя беспомощным и жестоким одновременно. Когда она осмелилась бросить «*привет, как дела?*» улыбку в мою сторону, я гневно сверкнул глазами и продолжил идти, пока, наконец — то, не стал возвышаться над ней.

— Что ты здесь делаешь? — потребовал я, не давая ей возможности выплюнуть какую —нибудь хреновую любезность.

Она слегка запнулась, видимо ожидая, что я снова распахуюсь и сбегу. Но не в этот раз.

— Я задал тебе долбаный вопрос, — гавкнул я.

Отыскав свой лживый язык, она сглотнула и сняла очки, чтобы попытаться посмотреть на меня щенячьими глазками, и серьезно, она что за идиота меня держит?

— Как ты нашла это место? Меня?

— Я же говорила, Дилан. Я следила за твоей карьерой...

— Чушь собачья, — произнес я, скрестив руки, чтобы чем — то занять их, и не придушить ее.

— Мне пришлось. Я искала информацию на тебя. Эта компания была указана, как твое агентство и агент, и я подумала, что если подожду здесь, то ты можешь появиться...

Ради всего...

— Ты *серьезно*? Теперь ты меня преследуешь? Да что с тобой не так? Я не хочу тебя видеть. Ни сейчас, ни завтра. Никогда.

Я отвернулся, готовый уйти от нее. Готовый *покончить* с ней. Но когда маленькие пальцы с острыми — как — бритва ногтями и на удивление сильной хваткой обхватили ширину моего запястья и впились в мою кожу, я развернулся к ней так быстро, что ей повезло, что импульс не опрокинул ее на задницу

— Убери руки.

— Пожалуйста, Дилан, просто поговори со мной. Я изменилась.

Это был второй раз, когда она заявляла подобное, но сейчас я ни за что не куплюсь на это. Что за удобная куча конского навоза. И только я собрался выразить свое мнение вслух, когда перехватил краем глаза чей — то образ. Я посмотрел налево и да, прямо там, стоя у одной из пальм, высаженных вдоль дороги, стоял мужчина с камерой у своих глаз, нацеленной в мою сторону.

Супер. Только этого мне не хватало. Только этого не хватало Эйсу. Вопросы о женщине, с которой я спорил у дверей своего модельного агентства. Я уже видел заголовки, не говоря уже о том, что начнется, когда они выяснят правду.

Чувствуя, что кровь доходит до точки кипения, я оглянулся на женщину, не обращая внимания на то, что только что произошло, и понизил свой голос до угрожающего шепота, чтобы ни один прохожий не услышал меня.

— Такие люди как ты, не меняются. Мрази со дна редко поднимаются к свету, а если и делают это, то только, чтобы кормиться, прислуживая таким же, как они. Я больше не стану повторять. Держись от меня подальше или я вызову полицию. И если ты не хочешь, чтобы я сделал это прямо сейчас, то запрыгнешь в свой грузовик и уберешься к чертовой матери с моих глаз.

Когда она попятилась назад от меня, мои руки затряслись. Но я стоял на месте, пока она забиралась в кусок — дерьма — называемый — грузовиком, просто чтобы убедиться, что она не станет преследовать меня до дома.

Я хмурился в телевизор, пока растягивал скотч по коричневой коробке между моих ног. Вся одежда Дилана была тщательно уложена внутри, и это одна из последних коробок, которые нужно было упаковать.

Сейчас суббота после того дня когда я предложил Дилану переехать ко мне, и мы решили, что сегодня будет удачное время, чтобы приехать и собрать вещи у него дома, чтобы мы смогли уехать под покровом ночи просто на случай, если где — то скрывались папарацци и стали бы задавать вопросы о том, куда он переезжает.

Они итак это достаточно скоро выяснят. Как и всегда. Примером этого была текущая история, которая проигрывалась на повторе во всех развлекательных шоу. Они шли одна за другой, и всегда сбивали меня с толку тем, что шли вплотную с почти — *вообще* — *то*

одинаковой — одной и той же историей. И сегодняшние сенсационные новости были теми же, что и вчера, и позавчера.

Что за грязная блондинка с Прескотом? Недовольная бывшая?

Уже назревают проблемы в ПресЛокке?

Господи, если бы кто — нибудь пригляделся немного получше к зернистому снимку, который выскакивал с Диланом и Брендой, то они бы увидели некомфортную позу, напряженную линию его челюсти и неверие, отпечатанное на всем его лице.

Но они не видели этого, потому что не знали на что смотреть. Как и обычно, они просто строили догадки над жуком под микроскопом.

Черт. Мне не нравится, что это происходит с Диланом. Бренда снова появилась, когда меня не было рядом для поддержки. Но когда Дилан приехал домой тем вечером и рассказал, что произошло, я заметил явные перемены в нем. В тот вечер было решено, что он больше не в ее власти и страхов его прошлого, отчего это было немного легче проглотить. Пока, конечно, не начались все эти истории в новостях.

— Ладно, думаю, это последняя, — сказал Дилан, выходя из ванной и оглядывая все коробки в крошечной гостиной, которые были упакованы, подписаны и готовы к погрузке через несколько часов.

Я потянулся за пультом и выключил телевизор, когда Дилан подошел к краю дивана и плюхнулся рядом со мной.

— Круто. Мы сможем перевезти остальное на следующих выходных.

— Да. Звучит здорово. Только диван, комод и мы можем оставить подставку под телевизор, — сказал он, а затем вздохнул. — Я, действительно, буду скучать по этому месту.

— Я тоже, — ответил я, откидываясь назад и вытягивая руку на спинке. Дилан молча принял мое приглашение и прислонился к моему боку. — У нас было много «первых» здесь.

— Было, не так ли... — сказал он, направляя на меня распутную улыбку.

Я кивнул и не смог удержаться, чтобы не наклониться и не прижаться крепким поцелуем к его распутным губам, и когда его губы приоткрылись для моего языка, я нырнул внутрь и потерялся в его вкусе. Он застонал и поднес руку к моей шее, и от звука и прикосновения пробежалась дрожь по позвоночнику к моему члену. Он был восхитителен.

— Мхмм, ты соблазнил меня здесь, — произнес я в его припухшие губы.

— Разве?

— Да. Ты представил меня своим родителям, а затем разделся и соблазнил меня до потери моего горячо — любимого разума.

Дилан нежно впился зубами в мою нижнюю губу, и когда он отстранил свою голову, потянув кончиками мою плоть, я застонал и уже был готов завалить его на спину, когда...

Тук. Тук. Тук.

...произошло вместо этого.

— Шшш... не открывай, — сказал Дилан, пока стук не повторился снова. Он заворчал, а я рассмеялся.

— Это, наверное, просто Ллойд, а у тебя есть четвертаки. Тебе, наверное, стоит отдать их ему, — сказал я, и поднялся с дивана. Я прихватил банку с монетами и посмотрел туда, где Дилан разлегся на диване, очевидно думая о том же, что и я. — Даже не смей двигаться.

Я побежал к двери намного быстрее, и когда потянул ее на себя, я немного затормозил, потому что там, передо мной стояла женщина с зернистого снимка. Та же женщина, которую Дилан тщательно описывал мне в тот первый раз, когда встретился с ней неделю

назад. И даже не слыша и не видя всего этого, ее глаза были того же цвета, как у мальчика, которого она так беспечно отшвырнула в сторону.

— Да. В моей голове не было сомнений, что я, наконец — то, столкнулся лицом к лицу с Брендой.

— Ой, — ахнула она, рука взлетела к груди, а глаза распахнулись. — Простите. Я искала...

— Я знаю, кого именно ты искала, — произнес я, обрывая ее прямо с самого начала. Дилан ясно дал понять, что не хочет иметь ничего общего с этой женщиной. Он говорил это Солнышку, он говорил это мне — *черт возьми*, да даже самой Бренде, но она продолжает возвращаться.

Так что если она не собиралась прислушиваться к Дилану, если она не собиралась воспринимать *его* угрозу всерьез, тогда, возможно, пришло время ей услышать это от другого человека. Того, кто *не* боится ее.

Я вышагнул за порог, банка с монетами была все еще прижата под моей рукой, и получил огромное удовольствие от того, как она попятилась назад.

— Знаешь кто я? — спросил я, и убедился, что нацепил на свое лицо самое угрожающее выражение. Когда она кивнула, я открыл рот, чтобы сказать большее, но затем услышал свое имя.

— Эйс? Эйс, кто там... — голос Дилана оборвался, когда я ощутил его появление за моей спиной. — Да, что, блять, с тобой не так? — закричал он и двинулся вперед, чтобы продолжить наступать.

Я поднял свободную руку, прикладывая ладонь к его груди. Дилан кипел, его грудь вздымалась и опадала, и я понятия не имел, что бы он сделал, если бы добрался до женщины, которая сейчас рассматривала нас прищуренным взглядом.

— Кажется, Дилан довольно ясно дал понять, когда просил не связываться с ним.

— Да, — ответила она, в ее голосе пропала приторная сладость за секунду, и он приобрел иную грань. Грубую, резкую, от которой мои защитные инстинкты подняли голову. — Но видишь ли, именно для *этого* я приехала. Именно этого я ждала.

— Какого хрена, Бренда? Убирайся отсюда, — произнес Дилан, но это пролетело мимо ушей, потому что, как она и сказала, она сконцентрировалась на своей цели, и это не имело никакого отношения к ее сыну. Это не имело никакого отношения к возобновлению связи с ним. Или к починке сломанных заборов. *Нет*. Это имело отношение к тому, чтобы использовать его в достижении своей следующей большой цели. И у меня такое ощущение, что это...

— Эйс Локк. Ну и ну, Дилан. Твое красивое личико, несомненно, привело тебя к горшочку с золотом, да? Ты всегда добивался целей выше, чем собирался. И, слава богу за это, — она хохотнула, и этот звук сочился ядом, который она до смерти желала распространить. — Все вышло довольно прекрасно.

— Чего ты хочешь? — выплюнул я, но, похоже, что я уже знал ответ. Мне было просто интересно, как много она решила выдоить из меня.

— Два миллиона долларов.

— Чего? — заорал Дилан и снова рванул вперед, вынуждая меня приложить настоящие усилия, чтобы удержать его на месте. — Ты растеряла свои херовы мозги.

— Напротив, *сын*ок, — произнесла она, используя это слово, как оскорбление. — Я в здравом уме. Что такое парочка миллионов для такого, как он? Ничто.

Эта женщина глубоко ошибается, если считает, что сможет от меня хоть чего — то добиться.

— С чего ты взяла, что я заплачу тебе хоть один цент?

Ее взгляд опустился к руке, которая распласталась на груди Дилана, и злобный выверт, каким изогнуло ее морщинистые губы, вызвал мурашки на моей коже.

— Потому что не думаю, что ты захочешь, чтобы весь мир узнал, что ты трахаешь шлюху.

Слепая ярость исказила мое зрение, и банка четвертаков, которая выпала из моих рук и раскололась вдребезги о пол, даже не зарегистрировалась в моей голове. Я рванул вперед и наступал на суку, пока та не уперлась спиной в перила, так быстро, что ее ноги ели поспедали за телом. Когда мы оказались нос к носу, я стиснул вместе свои зубы и зарычал.

— Предлагаю тебе пойти на хер и заползти обратно в ту дыру, из которой ты вышла. Ты ни черта не получишь от меня. И если я поймаю тебя снова, таскающейся за Диланом, тебе придется иметь дело не только с полицией. Ты поняла?

Ее глаза, те же, которые я сравнивал с Диланом только минуту назад, были близки к черноте, и я понял, насколько сильно ошибался. Ее были мертвы изнутри. В них ничего не было. Просто бездонная яма жестокости и злобы.

— Он, должно быть, сочный кусок задницы для тебя...

Моя рука взметнулась, от чего она шокировано заткнулась, когда я сгреб в горсть ее рубашку, и в этот момент я ощутил ладонь на своей спине.

— Эйс.

Глухой голос Дилана едва распознавался сквозь мою ярость, но когда он заговорил во второй раз, это привлекло мое внимание.

— Эйс, отпусти ее. Она привлекает внимание.

И как будто ее одежда обожгла меня, я сбросил ткань и отступил назад, оглядываясь через балкон впервые с тех пор, как я вышел из квартиры. И естественно, внизу, на лужайке стояло несколько фотографов с нацеленными камерами на второй этаж. Нацеленными на меня.

Бренда рассмеялась, и звук был настолько противным, что я отступил в квартиру и потянулся за рукой Дилана, утягивая его за собой. И когда я только повернулся, чтобы захлопнуть дверь, я услышал ее голос.

— Ой, разве это не грандиозная любовь? — заворковала она, вынуждая Дилана тоже обернуться к ней. Она провела ладонью по своей черной блузке, затем порылась в сумочке, чтобы вытянуть небольшой красный прямоугольник. — Кажется, я сказала все, что хотела. Когда придешь в чувство и захочешь заключить сделку, любовничек, можешь найти меня здесь. У тебя неделя.

Она бросила дешевую упаковку спичек в нашу сторону, и мы оба позволили им упасть к нашим ногам, а затем, не произнеся ни слова, я последовал своему первоначальному импульсу и захлопнул дверь перед лицом этой суки.

Глава 23.

Я уверен.

— Ладно, Дилан, нам нужно в следующие сорок две секунды передать небрежную

утонченность, непринужденную мужественность и безупречную уверенность, о которой мечтают все джентльмены. Мы начнем с тобой с неспешного ничегонеделания в конце барной стойки, размыто, с бутылкой... вот, — сказал Грей, режиссер. Он был высоким, тонким парнем в очках с толстой оправой и длинными, седыми волосами, стянутыми у его шеи. Он указал менеджеру по реквизиту, который поставил бутылку с виски рядом с моей левой рукой, лицом к оператору. — Понял?

Я кивнул. *Угу, понял.*

Я с нетерпением ждал этих съемок целую неделю. Это была моя первая реклама в подобном масштабе и значении, и я волновался из — за того, как все выйдет. Декорации и обстановка были похожи на мини — фильм. Когда я приехал в Эддисон, мне продемонстрировали помещение для грима, прически и гардеробную, и когда я надел перовклассный костюм от Dolce&Gabbana, меня проводили к бару, где сплоченная команда носилась повсюду, чтобы расставить все по местам для первой сцены этого дня. Здесь было около двенадцати или пятнадцати человек, устанавливающих оборудование, пока я слушал требования по отношению к себе.

Суть съемок заключалась в том, чтобы представить алкоголь, как эликсир, который превратил бы любого среднестатистического мужчину в наглого и обольстительного мужчину в городе. Эйс сказал мне переключиться на своего внутреннего Синатру, и должен признаться, что я думал о той ушедшей эпохе, пока стоял в приглушенном свете бара с мягкими звукам пианино откуда — то позади меня.

— Ладненько, мы уже почти готовы. Ты?

— Да. Готов тогда же, когда и вы.

— Идеально, — сказал Грей, уходя к оператору, микрофонщику и продюсеру. Двое парней стояли за освещением, и когда все замолкли, я получил сигнал.

Да. Именно это было тем занятием, для которого я был рожден. Я обожал этот деловой, переменчивый, — *обычно однодневный* — модельный мир. Ты приезжаешь на съемку, площадка которой создана специально по тому образу, в котором они хотели тебя видеть, потом тебе показывают куда встать, и затем фотограф или оператор в данном случае, устраиваются сами, и ты выпускаешь свою магию.

В отличие от кинопроизводства, это естественно для меня. Модельный бизнес — это все о знаниях своих лучших ракурсов, удачного освещения, как использовать то, чем одарил тебя Господь, чтобы спроектировать эмоции на дизайнера, продюсера или компанию, которые наймут тебя в следующий раз. И к счастью для меня, похоже, у меня был дар к этому. Обычно слова были не нужны, не нужно запоминать сценарии, только лишь правильное мерцание в твоих глазах, правильный наклон подбородка, изгиб губ или *«давай же возьми меня»* надутые губы и фотограф щелкал, щелкал, щелка, пока не закричал...

— Блестяще, Дилан! Именно этого мы и хотели. Только сделаем несколько дополнительных кадров.

И только шесть часов спустя... *все закончилось.*

Я вернулся в небольшую комнату, где переодевался ранее, и был на середине складывания своих брюк на вешалку, когда зазвонил мой мобильник на небольшом диванчике у дальней стены. Я застегнул молнию на своих джинсах и бросил туда взгляд, заметив имя Эйса и его номер, высветившийся на моем экране, и когда я ответил, то не смог сдержать улыбку, которая пересекла мои губы.

— Разве ты не должен ехать на встречу, красавчик?

— Так и есть, — ответил Эйс с бряканьем ключей, сопровождающих его голос, что давало мне понять, что он, видимо, направлялся к своей машине, пока говорил. — Просто хотел позвонить и узнать, как прошли съемки сегодня.

Эм, угу, конечно. Скорее всего, он позвонил, чтобы убедиться, что определенная женщина не объявлялась снова, не преследовала, не звонила мне и не выскакивала из каких — нибудь кустов.

Прошла почти неделя с тех пор, как Бренда заявила на пороге моей квартиры, вымогая у Эйса деньги за молчание о моем прошлом, и несмотря на то, что мне потребовалось пара дней, чтобы перестать заглядывать за каждый угол с параноидальными мыслями, что выскочит чудовище и уничтожит мою жизнь, я начал думать, что она прислушалась к угрозе Эйса и свалила ради своего блага.

Но от этого я не стал испытывать меньшую вину за то, что она попыталась сделать. Воспоминания о ее требованиях миллионов, чтобы сдержать яд, который она распространит, вынуждало меня вздрагивать каждый раз, когда я думал об этом. Но после долгих заверений Эйса, я постарался изо всех сил оттолкнуть это в сторону, и наконец — то, показалось, что все вроде устаканилось.

— Съемки прошли замечательно. Все здесь были потрясающими, и ты скоро увидишь меня, попивающим виски из низкого бокала в Эдисоне, — одобрительное мычание Эйса послышалось в трубке, когда я снял с вешалки рубашку с коротким рукавом и скользнул в нее. — О, и эмм... я может, а может и нет, получу несколько приличных коробок. Поээээтому, могу ли я уговорить тебя на бутылку Blue Label и помощь мне в перевозке остальной части моей мебели сегодня?

— Хмм, ну, не знаю... — произнес Эйс, когда пикнули замки на его Ламборджини. Затем я услышал, как открылась и закрылась дверь, и он вернулся. — Я смогу слизать его с тебя?

Да, умоляю.

— Уверен, если ты сможешь помочь мне, то это можно будет организовать.

— В таком случае, как насчет того, чтобы увидеться после моей встречи? — предложил он, одновременно включая зажигание. И когда машина зарычала, я застонал в его ухо.

— Клянусь, каждый раз, как я слышу этот звук, у меня встает.

— У нас обоих. Из — за тебя мне стало очень трудно управлять этой машиной, Мечта.

Я прислонился лопатками к стене и ухмыльнулся.

— Ты жалуешься?

— Нихрена подобного. Лучшие три миллиона, которые я когда — либо тратил.

— Святое дерьмо.

Эйс издал звук, наполовину напоминающий мурчание и наполовину рычание, но на сотню процентов животный.

— Ох, ничего *святого* не было в том, что ты творил со мной на этой машине.

Я вынуждено зажмурился и опустил руку на свой твердеющий член.

— Не начинай того, что не сможешь закончить.

— Знаю. Знаю. Дай мне пару часов, и я весь твой.

Я кивнул, а затем сменил тему, желая узнать, что он испытывает перед предстоящей встречей. Он не говорил многого, кроме того, куда собирался.

— Волнуешься? — спросил я.

— Из — за встречи с Рональдо Мендесом?

— Да. В том смысле, что ты же никогда не встречался с ним прежде, да? Очень мило со стороны Алехандро устроить все это. Он — довольно значимый человек.

— Пробы у самого значимого, — сказал Эйс.

— Я бы нереально нервничал.

— Эм, спасибо...

— Нет. Нет. Я не это имел ввиду. Только лишь, что это *Рональдо Мэндэз*, мега — продюсер. Это потрясающе.

Я слышал, как Эйс вздохнул, и представил, как он потирает ладонью свою шею.

— Так и есть. Хотя, честно говоря, я пытаюсь не слишком восторгаться по этому поводу. В последнее время все случается не в мою пользу, поэтому я съезжу и узнаю, что он скажет. Но не собираюсь переживать из — за этого.

Я ненавидел это. Я ненавидел то, что Эйс себя так чувствовал. Но не сказать, что он не предупреждал меня, что все будет происходить именно так. И большую часть времени даже не казалось, что его это волнует, когда были только он и я. Однако, это не избавляло меня от чувства вины, когда кто — то звонил и сообщал ему, что его кинули с каким — то еще фильмом или спонсорством.

Это все, казалось, таким несправедливым. Я тут получал лучшее за всю свою жизнь, *из — за* Эйса и моей связи с ним, в то время как его карьера и жизнь рушились из — за меня. Это вынуждает человека отступить и взглянуть на свою самооценку и то, что он может предложить, потому что по большому счету именно это *было* всем, что я должен был отдавать ему. И я чертовски надеялся день ото дня, что этого будет достаточно.

— Просто послушай, что он скажет...ты никогда не узнаешь, что произойдет в этом городе на следующий день. И разве не ты говорил мне, что здесь все завязано на том, кто ты и с кем общаешься?

Эйс рассмеялся.

— Бросаешься в меня моими же собственными мудрыми словами.

— Угу. Он не стал бы звонить и устраивать встречу, если бы не был заинтересован. Поэтому езжай и узнай в чем суть его проекта. Посмотришь, интересно ли это для тебя или что — то...

— Нелепое?

— Эйс...

— Ладно, ладно, — произнес он. — Хорошо, я подойду к этой встрече непредвзято.

— Хорошо, — ответил я, счастливый от того, что услышал смех в окончании его слов. — И Эйс?

— Да?

— Когда закончишь, поторапливайся домой ко мне. Я буду ждать.

После того, как мы попрощались и завершили разговор, я проверил прическу в зеркале и на месте ли моя одежда, перед тем как взять сумку и направиться к двери. Пришло время поехать к себе на квартиру и закончить мое прощание.

Замедлив машину, я прокладывал путь через огромные дома, расположенные за воротами «Беверли Парка», и повернул на Беверли Парк Лейн.

Боже, в том районе, где жил я, была парочка впечатляющих домов богатых и

знаменитых, но некоторые из этих раскинулись далеко за пределы видимости. Когда я нашел нужный номер, то остановил свою машину у массивных ворот, которые были окружены двумя каменными колоннами и подсвечивались по обе стороны тюдорскими светильниками, с камерой, вмонтированной на верхушке одной из толстых колонн, и второй, направленной на номерной знак моей машины. Пока я сидел и ждал, когда меня просканирует и проверит кто бы там ни был по ту сторону охранных приборов, я рассматривал плотную листовую завесу, опоясывающую по периметру каменные стены, которые растягивались справа и слева от каждой колонны.

Пальмы, папоротники и ползущий плющ, который нагонял большую часть открытой стены, создавали дому дополнительный барьер против любого, кто захочет устроить засаду и сделать снимки того, кто находился за воротами. Меньше чем через две минуты, *полагаю*, послышался лязгающий звук, и кованная решетка распахнулась, приглашая меня проезжать внутрь.

Ладно, как я и говорил Дилану перед тем, как уехать, я не испытывал нервозности. Но, по правде говоря, пока я ехал по мощеной дорожке, окруженной идеально подстриженным газоном и толстыми стволами пальм, мои ладони вспотели, а сердце заколотилось.

Это громадная возможность предлагаемая мне. Об этом я знал. Встречи с Рональдо Мэндесом, как известно, было трудно добиться, и когда Алехандро позвонил и сказал мне, что его отец хотел бы встретиться и пообщаться, я с трудом поверил в это.

Жизнь постоянно бросает тебя по ухабам, новым поворотам и косым на твоём пути, и в моей профессиональной жизни мне с самого начала твердили, что иногда все зависит от связей. Но сейчас? Это казалось безумием. Почти, нереальным. И учитывая, каким образом я заработал *эту* конкретную связь, что никогда не обсудится вслух, из — за установленных обязательных соглашений и страха поданного в суд иска. Все равно было трудно поверить, что тот вечер наполненный сексом и опаляющими фантазиями станет «замаскированной» возможностью, которой я никогда мог бы не добиться...или ее конкретного свершения.

В любом случае, Алехандро замолвил за меня словечко, чтобы я попал за ворота знаменитого особняка с виноградниками и встретился с его отцом.

И вот я здесь, решительно настроенный сделать все, что в моих силах, и произвести впечатление.

Я выбрался из машины, и как только захлопнул за собой дверь, я закрыл глаза на мгновение и позволил полуденному солнцу согреть меня.

Я смогу сделать это. Я уже делал это сотни раз. Просто войди туда и продай Эйса Локка, звезду боевиков. Хотя единственное что волновало меня — что в последнее время никто не хотел Эйса Локка, звезду боевиков.

Стараясь задавить этот шквал мыслей, я поправил свой темно — синий спортивный пиджак и убедился, что выглядел презентабельно. В таких же отглаженных брюках, белой рубашке с расстегнутым воротничком и в новых, черных, кожаных ботинках. Я был готов для всего.

Я поднялся по лестнице и подошел к двойным дверям из стекла и железа, и только потянулся к ним и собирался нажать на звонок, как показалась невысокая, дородная женщина и открыла дверь.

Она была в черном от коротких, стриженных волос до покрытых в кожу ступней ног. Ее кожа была загорелой с морщинками в уголках глаз, когда она улыбнулась мне, и я мог бы предположить, что ей было около пятидесяти лет.

— Аах, добро пожаловать, мистер Локк. Мистер Мэндэз уже ожидает вас.

— Спасибо, — ответил я, возвращая ей улыбку и ожидая, что она представится.

— Меня зовут Мария. Я слежу за домом семьи Мэндэз уже много лет. Мой муж ухаживает за двором и управляет рабочими, которые следят за виноградниками.

— Ну, вы оба проделывает замечательную работу, Мария. Это место прекрасно.

— Благодарю вас. Входите, входите. Мистер Мэндэз в студии. Я сказала ему, что приведу вас прямо туда. Поэтому, пожалуйста, следуйте за мной.

И она пошла. Она развернулась на пятках своих балеток и пошла вперед, проводя меня через огромный, прямоугольный вход, где стоял резной, деревянный стол со снимками знаменитой семьи, которая жила здесь. Я обогнул его и продолжил путь через мраморные полы, настолько сверкающие, что они отражали люстры с потолка. Я не смог удержаться и поднял взгляд на огромные, белые колонны и арки на втором этаже.

Вау, это место просто нечто.

— Сюда, мистер Локк, — сказала Мария, сделав три шага к центру прямоугольного пространства, у дальней стены которого располагались два подъема, что вели на второй уровень. Она повернула налево, поднимаясь по постепенному уклону, и я поспешил за ней, не желая быть пойманным за разглядыванием с разинутым ртом потрясающей обстановки.

Когда она достигла второго уровня и пошла к дальнему концу с левой стороны, она остановилась у закрытой двери и дважды постучалась. Я ждал рядом с ней, усмиряя свой бешеный пульс, потому что он грозило тем, что я отключусь, а потом я услышал знакомый голос, который крикнул:

— Да. Войдите.

И Мария толкнула дверь со словами:

— Удачи.

Оооо, да. Она мне потребуется, подумал я, проходя в помещение, в котором было намного темнее, чем в ярко — освещенном холле. Я оглядел комнату — стены, обшитые роскошными деревянными панелями из вишни, автоматически создавали теплую и гостеприимную обстановку.

На каждой стене висели картины, которые, несомненно, стоили больше, чем большинство людей зарабатывали за год, всю комнату усеивали антикварные вещи, которые были размещены практично и изыскано, и наверняка, тщательно подобраны слишком дорогостоящим дизайнером интерьеров.

Я остановился и позволил своим глазам привыкнуть к солнечному свету, льющемуся из окна, и когда мой взгляд прошелся по комнате, он, наконец — то, заметил темную макушку мужчины, который сидел на диване лицом к камину.

— Эйс Локк. Закрывай дверь и проходи, сынок. Нам много о чем нужно поговорить.

И ни минуты не сомневаясь, я сделал это, задаваясь вопросом, куда заведет меня этот следующий поворот на моем пути.

Фух, я весь на нервах. Прошло уже три с половиной часа с тех пор, как я разговаривал с Эйсом, и уже исчерпал все варианты с телевизором, помылся, переделался в свободные шорты и футболку, и все равно у меня оставалось время, чтобы пообгрызть все ногти на правой руке до корней.

Где он? Я тут смертельно хочу знать, как все прошло. Но до сих пор ничего не услышал. Ни сообщений, ни звонков, ни пропущенных голосовых сообщений, когда я принимал душ. Черт, возможно, такие дела всегда решаются так долго — я не знаю.

Я мельком взглянул на время — только перевалило за полвосьмого, и я надеялся, что мы сможем заказать доставку и устроить нечто вроде прощального пикника с этим местом, но если он в ближайшее время не появится здесь, я возьму себе немного еды и начну без него. Я умирал с голода.

Я только поднялся, чтобы совершить еще один круг по квартире, когда послышался громкий стук в мою дверь. С огромной ухмылкой во все лицо, я бросился к ней и посмотрел для уверенности в глазок, после всей той ситуации с Брендой, и когда увидел широкие плечи Эйса сзади, у меня перехватило дыхание, и я быстро повернул замок и открыл дверь.

Когда я распахнул ее, он повернулся ко мне лицом, руки в карманах его костюмных брюк, весь такой невозмутимый, непринужденный и сексуальный.

— Ну, приветик, красавчик, — произнес я в качестве приветствия, и когда Эйс прошелся вперед, я заметил гордый разворот его плеч и дерзкую развязность его походки. А когда он остановился рядом со мной, чтобы мазнуть своими губами по моим, от уверенности в его глазах, мои колени чуть ли не подогнулись.

— И тебе приветик, Мечта.

Хрипловатый тембр его голоса творил нечто невообразимое с моей головой и членом, но мерцание его глаз вызывало безумный хаос в каждой нервной клетке моего тела.

— Входи, — выдавил я, и Эйс понимал точно, какой эффект производил на меня, потому что его губы изогнулись поверх моих, и он приподнял свои брови.

— Входить....куда?

Я поднес свою руку к его груди и усмехнулся.

— Давай начнем для начала с моей квартиры?

— А потом...

Ну...у кого — то определенно хорошее настроение. Я слегка оттолкнул его назад, а когда он подмигнул мне, я покраснел. Я действительно, блять, покраснел.

— А потом тебе может и повезет.

— Я чувствую сегодняшнее везение, — сказал Эйс и скользнул языком по своей нижней губе перед тем, как войти внутрь квартиры. Я медленно закрыл дверь и глубоко вдохнул.

Охренеть, он пробрался в мой мозг и выбил его из колеи, что мне даже пришлось вспоминать, о чем именно я так хотел спросить его. Я запер дверь и обернулся к нему, уже сидящему на моем диване, раскинув руки вдоль его спинки, его пиджак свисал по бокам, а ноги он выкинул перед собой.

— Почему бы тебе не присоединиться ко мне? — спросил он, и я понятия не имел, что тут происходило, но волна застенчивости окатила меня. — Дилан...иди сюда, — сказал Эйс, его голос понизился до той тональности, которая ласкала все нужные места, и я впился зубами в свою нижнюю губу.

Да что со мной происходит? Мне казалось, что я весь неловкий. Неуклюжий. Абсолютно не в своей тарелке. И все потому, что здесь Эйс? И вот тогда что — то щелкнуло. *Именно в этом* была разница.

Эйс здесь. *Эйс Локк*. Кинозвезда. Мистер Уверенность. Мистер Сразить — Всех — Наповал, Ходячий — Секс, Спасти — Всех сидел на моем стареньком диване, глядя на меня, как будто хотел раздеть догола и съесть вместо ужина.

И вот тогда я вспомнил, о чем конкретно собирался спросить его. Как прошла его встреча. Но судя по мужчине, на которого я сейчас смотрел, она прошла хорошо. *Очень* хорошо.

— Удачная встреча? — спросил я.

Эйс кивнул и снова поманил меня пальцем.

— Иди сюда, и я все тебе расскажу.

Пока шел к нему, я вдохнул и опять удивился тому, что он был здесь со мной. Что он был моим, и когда я, наконец — то, сел рядом с ним, и он притянул меня к своему боку, так плотно насколько возможно, я рассмеялся про себя.

— Почему ты вдруг начал вести себя, будто только познакомился со мной? — спросил он.

Я приподнял свое лицо и иронично улыбнулся.

— Ты посылаешь такие невероятные волны вокруг и это...

Эйс наклонился и сорвал с моих губ вкусный поцелуй, который вынудил меня развернуться к его телу и поднять ладонь, чтобы прикоснуться к его щеке, одновременно с тем, как он обнимал меня своими руками. Когда он наконец — то закончил с уничтожением любой возможности мыслить, он отстранился, и мне пришлось несколько раз моргнуть, чтобы сосредоточиться на нем.

— Черт, — произнес я, прикасаясь к основанию его шеи кончиком пальца. — Дай мне минутку, чтобы вспомнить, как думать.

От этого Эйс рассмеялся.

— Серьезно, ты просто очарователен сейчас, Мечта.

— Мда? Ну, когда ты приходишь весь такой *Эйс Локк* — *кинозвезда*, — произнес я, используя свой самый лучший закадровый голос, — у меня есть тенденция забывать, что я сплю с тобой каждую ночь. От этого я становлюсь глупее.

— Не глупым... милым, сексуальным и немного застенчивым, по всей видимости.

Я закатил глаза на это, и когда от этого он только сильнее рассмеялся, я фыркнул:

— Ой, заканчивай.

— Но это так весело. В нашу первую встречу ты вообще не был застенчивым.

— Ну, нет. Ты меня взбесил.

Когда пальцы Эйса поднялись по тыльной стороне моей шеи, чтобы поперебирать там волосы, он спросил:

— Хочешь, чтобы я разозлил тебя?

— Нет... я хочу, чтобы ты рассказал, как прошла встреча.

Эйс прикинулся, будто раздумывает над этим, а затем сверкнул улыбкой, настолько широкой, что она практически растянула все его лицо.

— Она прошла замечательно. Лучше, чем замечательно, — изогнувшись своим большим телом на диване, он опустил свои руки между нами, чтобы обхватить ими мою ладонь. — Рональдо рассказал мне о своем новом фильме, который он продюсирует. Это экранизация книги, в которую он влюбился. Драма о паре, которая пытается спасти свой брак спустя несколько лет вместе и только вместе. Он о любви, предательстве, страсти и поиске себя, прежде чем связывать себя с кем — то другим. У него низкий бюджет, но первоклассный актерский состав, первоклассный продюсер, и, ну, он хочет, чтобы я снимался в нем.

— Боже мой, Эйс, это...

— Знаю, — сказал он. — Не могу поверить в это. Что он хочет меня в нем, и не просто

второстепенным персонажем...он хочет видеть меня в главной роли.

— Что? — закричал я, и затем подпрыгнул на ноги, не в состоянии сдержать свой восторг. — Это потрясающе. Боже мой, — снова повторил я, когда на глаза навернулись слезы. Я был так счастлив за него. Так горд, и я мог сказать по выражению его лица и влаге, что собралась в его собственных глазах, что он был так же переполнен эмоциями. Эйс потянулся за моим запястьем и потянул меня обратно, и на этот раз я упал на его колени и крепко поцеловал. Когда я отстранился, он покачал головой и проследил мою челюсть, произнося. — Ты должен был видеть меня там, сидящим в огромной студии, на его тасканской вилле с собственным виноградником. Было такое ощущение, что это была моя первая встреча.

— Оооу... — произнес я. — Так ты *нервничал*.

— Конечно.

— Врешь.

— Ну, я пытался не показывать свою нервозность, поэтому она не смогла поглотить меня. Но знаешь что, он действительно милый. До того как мы вообще начали обсуждать для чего я здесь, он напрямую мне сказал, что у него нет никаких проблем с моей ориентацией, или с кем я встречаюсь, и я в его кабинете потому, что он видел мои работы и хотел меня здесь.

— Вау.

— Знаю, — сказал Эйс со вздохом. — После этого мне стало чуть легче дышать, а потом все как — то сошлось. Он дал мне прочесть сценарий, чтобы узнать заинтересован ли я, но я...

— Да? — произнес я, уставившись в удивительные голубые глаза Эйса.

— Я хотел нечто подобного долгие годы.

— Драму? Seriously?

— Мхмм...и с таким замечательным составом, и Рональдо, продюсирующим его, я едва ли мог поверить, что это все всерьез.

Я помассировал ладонью его грудь

— Что ж, поверь в это. Ты заслужил этого, и я рад, что он достаточно умен, чтобы разглядеть, насколько ты фантастический актер, в независимости от того, в кого ты...

— Влюблен?

Я ухмыльнулся.

— Да. Это. Но должен сказать, что теперь идея вынести вещи и прощального пикника с этим местом кажется не такой впечатляющей.

— Нет, думаю это идеально, — сказал Эйс, оглядев мою маленькую мышеловку. — Это место нуждается в надлежащих проводах. Почему бы нам не заказать китайскую еду, и я помогу загрузить тебе фургон, а затем мы можем...

— Попрощаться с шумом? — прошептал я в его рот.

Когда Эйс застонал и провел рукой вниз, чтобы обхватить мою задницу, он сказал:

— В точности мои мысли.

Глава 24.

Уйти с шумом.

Когда мы съели ужин, я развалился на своей кровати «из стены» и следил за тем, как Эйс передвигался по крошечной кухне, выбрасывая пустые контейнеры от китайской еды. Я подоткнул под свою голову две подушки и разглядывал его с совершенно развратной улыбкой, потому что все то время, что он убирался, я выдумывал идеальный способ «поздравить его с новой работой», и также надлежащим, *или не совсем надлежащим*, образом попрощаться с этим местом.

— Что? — спросил Эйс, когда он, наконец — то, поднял взгляд, заметив, как я разглядывал его. Он завязал узел на мусорном пакете, помыл руки, а затем обогнул островок, чтобы опуститься коленом на край матраса. Он снял свой пиджак и расстегнул манжеты, чтобы закатать их на предплечьях, и пока стоял так, вся моя стеснительность вылетела в окно.

Я довольно невинно пожал плечами, пытаясь вести себя так, будто жестко не трахал его своими взглядом.

— Я ничего не говорил.

Его взгляд прошелся по длине моего тела, вниз к моим шортам, и я знал, что он ни за что не упустит заметный бугор, который сейчас выпирал во всей своей красе.

— Не словами. А своим телом, естественно.

Я прижал ладонь к молнии на своих шортах, а затем согнул левую ногу, чтобы толкнуться ей вверх.

— Так? — спросил я, царапая зубами по своей нижней губе. — Хмм, и о чем это говорит?

Взгляд Эйса упал туда, где я сомкнул свои пальцы на своей эрекции, которая пульсировала между моих ног, а затем медленно пополз вверх, чтобы столкнуться с моим.

Боже, страсть, которая кружила в его возбужденном выражении доводила все мое тело до перегрева, и когда я уже подумал, что он заберется на кровать и соединит одно конкретное тело с моим, он отошел назад и выпрямился во весь свой рост.

Когда мои губы приоткрылись, и я собрался спросить — куда это он собрался — Эйс поднял палец вверх, а затем подарил мне ухмылку, которая соответствовала моей несколькими секундами назад.

Ох, черт, я знал это взгляд. Этот взгляд означал, что я попал. Этот взгляд означал, что дикое пламя возбуждения поглотило все остатки вежливости в огромном мужчине, который обходил мою кровать с одной стороны. И румянец, который согревал кожу на щеках Эйса, означал, что я успешно выманивал дикаря наружу.

— Это говорит о том, что мне необходимо посмотреть на него...

Я усмехнулся, вытягивая ногу обратно на кровати, проследил, как он уходит к в основном пустому комоду в углу моей квартиры, понимая, за чем он идет.

Презервативы. Смазка. Да, я еще не упаковал тот ящик. Возьми их — поживее.

— Думаю, ты прав. Я хочу уйти с шумом, — сказал я, расстегивая пуговицу на своих шортах и опуская вниз молнию. Эйс останавливается, чтобы посмотреть на меня, а затем нагло поправил эрекцию, которая натягивалась под его молнией.

— Снимай их, — сказал он, когда я скользнул ладонью внутрь. — Я хочу, чтобы ты все снял, Дилан. Сейчас же.

Блять. Когда Эйс становится таким, мои мозги чуть ли не вытекали через уши. Властный, сексуальный и полностью сосредоточенный на нашем общем наслаждении. Я знал, что бы ни последует в следующие несколько минут, это оставит меня в большей

степени расслабленным — и возможно, если мне повезет, я отключусь от переизбытка удовольствия.

Удерживая на нем взгляд, я скользнул большими пальцами под шорты и боксеры и стянул их со своей задницы и бедер, вниз по ногам быстрее, чем когда — либо прежде. Когда я скинул их на пол, Эйс облизал свою нижнюю губу и расстегнул пуговицу, потянув за молнию своих брюк.

— Футболку тоже, — приказал он.

Господи.

— Немедленно. Дилан.

Я сдернул ее через свою голову, швырнул куда — то в сторону и затем лег обратно на спину, вцепившись в основание своего члена. Стон прогрохотал в моей груди от удовольствия прикоснуться к самому себе, а когда Эйс выругался, я повернул голову на подушке, чтобы увидеть, как он засунул свою руку в штаны, чтобы погладить собственную длину.

Есть что сказать, находясь полностью обнаженным, под голодным взглядом своего любовника. Я всегда был достаточно раскрепощенным человеком, тем, кто получал удовольствие от своих прошлых встреч, и всегда считал себя универсальным партнером, был счастлив как принимать, так и отдавать. Но черт меня возьми, если я постоянно не падал на колени или не заваливался на спину ради этого великолепного мужчины. Во мне просыпалось то ненасытное желание, когда дело касалось Эйса. Это никак не объяснить. Но когда он находился рядом, мне нужен был контакт с ним, и неважно каким образом он хотел мне его дать.

— И, — произнес Эйс хриплым голосом, полным нарастающего желания, когда он нырнул своей свободной рукой в карман брюк, чтобы вытащить оттуда квадратный пакетик. — Не уверен, что это удачное время, чтобы упоминать об этом, но я хочу перестать использовать их с тобой, — сказал он, прикрывая веки и продолжая ласкать себя ладонью.

Господи Боже. Если мой стон «даааа» не являлся достаточным ответом, реакция всего моего тела была отличным доказательством того, что сама мысль Эйса, кончающего глубоко внутри моего тела, без каких — либо барьеров, была эротическим приглашением, от которого я не мог и не стал бы отказываться. Мои глаза закрылись, подошвы моих ног врезались в матрас, мои бедра подбросило вверх, а пальцы пережали мой член настолько сильно, что проявились вены на моем предплечье.

— Я так понимаю, что тебе нравится эта идея, — сказал он, швыряя пакетик на пол. — Рад слышать это, потому что в следующий раз, когда я окажусь в тебе, ты почувствуешь, как я взрываюсь.

Твою мать... так этого не будет сегодня? Эйс видимо настойчиво стремился замучить меня.

— Однако, сегодня... — сказал он, поворачиваясь, чтобы покопаться в ящике, и когда он обернулся снова, свет померк.

Как я мог забыть, что *еще* хранил в этом ящике? Ох, точно, он уничтожал клетки моего мозга. Запишем это как еще один пункт, который я люблю в нем. Тот факт, что он знал все мои извращения, все мои причуды и все мои секреты, и все равно любил меня.

— Кажется, у нас есть время для еще одного «первого раза» перед отъездом. Ты так не считаешь?

Твою мать, прямо сейчас в его руке было тридцатисантиметровое дико — горячее

развлечение.

Я думал об *этом* конкретном моменте с того первого раза, когда я провел ночь в постели Дилана, и следовательно первой ночи, которую я провел внутри Дилана. Угу, точно, и перед тем как он переедет ко мне, я был решительно настроен использовать это.

Дилан был обнажен и лежал на постели с истекающим членом в руке и глазами полными лихорадочного возбуждения, что я был удивлен, как он еще не прожег свое постельное белье от того, насколько распалено он выглядел.

Мне было в большей степени трудно сосредоточиться из — за пульсирующей боли моего члена, которая отбивала настойчивый ритм одновременно с моим сердцем. Но, Господи, Дилан без ничего был мощнейшим соблазном для той стороны, которую он всегда называл — *моим зверем*.

Кто ж знал, что он вообще есть во мне? Очевидно, что этот мужчина. Тот, который сейчас следил за тем, как я поглаживал тридцатисантиметровый дилдо, как будто был гипнотизером. Но сегодня, я хотел, чтобы Дилан был тем, кто творит магию. Он пошутил в тот первый раз, что мне не стоит так пугаться размера секс — игрушки, и я быстро заверил его, что дело абсолютно не в мыслях о нем, использующим этот толстый фаллос. Нет, совсем наоборот. Я страстно желал посмотреть на это в действии. И это произойдет сегодня.

Я выгнул бровь, будто призывал его отказаться, но сейчас я знал Дилана и его сексуальные наклонности достаточно хорошо, чтобы понять, что моему мужчине нравились зрители. Поэтому я бросил игрушку на кровать, рядом с его бедром, а затем развернулся, чтобы прихватить смазку. Когда я захлопнул ящик, я пошел обратно, огибая край кровати, к дивану, который стоял лицом к постели, скинул штаны и боксеры к лодыжкам, а затем вышагнул из них, перед тем как занять свое место.

Дилан в этот момент зашевелился, приподнялся на локтях, чтобы посмотреть в мою сторону.

— Эм...

— Только не говори, что не понимаешь чего я хочу, — сказал я, надменно, как никогда, зная, что еще переключает все выключатели Дилана. Затем я обхватил свой член ладонью и медленно потянул вверх, застонав от ощущений.

Дилан поднял дилдо и посмотрел на него, перед тем как встретиться с моим пристальным взглядом через шипящий, наполненный сексом воздух.

— Ты хочешь, чтобы я самостоятельно им воспользовался.

То, как он произнес это, не было вопросом, потому что он знал, что находился в центре внимания, но я решил дать ему такой же ответ.

— Да, Дилан. Я хочу, чтобы ты трахнул им себя самостоятельно.

Когда его рот распахнулся, я обуздал выражение своего лица до ничего незначущего. *О, да*, эрекция Дилана, если такое возможно, стала длиннее и тверже после этих слов, а когда он взял пузырек со смазкой и открыл его, звук был похож на выстрел, срикошетивший в напряженном пространстве.

Я замедлил свои поглаживания, наблюдая, как он выливает прохладную жидкость себе на ладонь, затем закрывает крышку, бросает его в сторону, и подхватывает свою игрушку.

Удерживая свой зеленый взгляд на мне, он сел прямее, прислонившись спиной к стене,

и разместил свои ступни на постели. Затем он закинул свои руки на колени, и открывшийся для меня вид был чем — то охренительным.

Но провокатор не остановился на одном — очке в свою пользу. *Нет.* Потому что Дилан наклонил телесный член в своей правой руке и занялся тщательным смазыванием этой херовины своей левой рукой. Когда он закончил, он отложил игрушку в сторону, раскинул ноги еще шире и опустил левую руку, растирая остатки смазки по своему жесткому стволу, тяжелым яйцам и наконец ниже, по маленькой, тугой дырочке.

Мой взгляд нацелился на его пальцы, пока он дразнил и мучил себя, скользая подушечками пальцев по темной дырочке, перед тем как аккуратно толкнуться в нее. Когда стон разорвал в противовес молчаливую квартиру, мой взгляд взлетел к его глазам, и от того, как затем у Дилана перехватило дыхание, я сильно потянул за собственный член, потому что, безусловно, это означало...

Даааааа.

Когда мой взгляд опустился обратно, я увидел, как его палец исчез внутри его тела и заскользил внутрь и наружу. *Блять. Блять.* Это было так сексуально. Дилан потянулся вниз, чтобы приподнять свои яички вверх и отвести их в сторону, чтобы я мог точно видеть, чем он занимался с собой, а когда он скользнул вторым пальцем, я застонал.

— Дилан. Блять.

Но он не ответил, кроме того, что вытащил свои пальцы, а затем толкнулся ими обратно, снова и снова. Когда его рука задвигалась быстрее, а пальцы начали крутиться и расходиться в стороны, он начал задыхаться и ругаться на всю комнату, а я оставался безмолвным от распутства, которое творилось всего в метре от меня.

И пока он полностью не освободил свои пальцы и не потянулся за тридцатисантиметровым членом, я не осознавал, насколько молчаливым был во время действия. Потому что когда я попытался заговорить, мой голос дрогнул.

Дилан посмотрел на меня, его щеки порозовели, его губы припухли от постоянного жевания, когда он снова и снова натякался на простату, и я опять попробовал заговорить.

— Ближе.

Когда он сузил свои глаза, я встал на ноги с членом в руке и поманил его пальцем, намекая, что ему, блять, стоит подойти поближе ко мне. Чувственно изогнув свои губы, Дилан опустил на кровать с дилдо в руке, а затем подложил подушку под свою голову, прежде чем улечься на спину и согнуть ноги.

Да, так идеально, подумал я, потому что сейчас Дилан был настолько близко, что я мог прикоснуться к его согнутому колену.

Никогда *в жизни* я не мог и мечтать об этом. Эйс стоял у края моей кровати, расставив ноги, сжимая свой член, глядя вниз на мои широко — разведенные бедра, и желая, чтобы я загнал в себя своего тридцатисантиметрового дружка. *Да, никогда.* Но хрена с два, я не справлюсь с задачей.

Моя эрекция изнывала, она была очень твердой. Вся кровь, что текла в остальных частях моего тела, в данный момент сосредоточилась в стальном стволе, который я не мог прекратить ласкать. Смазка сочилась на мой живот, и липкий беспорядок помогал скольжению, когда я обернул свои пальцы вокруг игрушки, которой собирался активно

воспользоваться.

Я облизал свои губы, когда опустил дилдо между своих ног, и закрыл глаза, пристраиваясь им, потому что знал, что если буду смотреть на лицо Эйса в момент, когда скользну чудо — палочкой в себя, все закончится до того, как я смогу вытащить ее и толкнуться обратно.

— Да, черт, — прорычал Эйс, когда я прижал головку ко входу. — Покажи мне, как ты применишь его. Боже, я мечтал об этом.

От этого мои глаза распахнулись. Когда я медленно ввел силикон через первое кольцо мышц, я застонал, а затем впился зубами в нижнюю губу. Взгляд Эйса не поднимался от того, что происходило внизу. Поэтому я начал снова, добавляя давления на игрушку, толкая ее внутрь, а затем вытягивая наружу, прежде чем повторить движение и продвинуться немного глубже. Пока я продолжал соблазнительные толчки внутрь и полностью наружу, я добавлял сильное потягивание своего члена к отлично — поставленному представлению, которое устраивал для Эйса. Мое дыхание сбивалось, когда нарастало мое возбуждение, и наконец, когда игрушка оказалась во мне, «стоп» Эйса затормозил меня.

Я нашел его взгляд, и он должен был испугать меня, пока я лежал широко — раскрытый и уязвимый, но это не так. Вместо этого, этот первобытный взгляд вызывал во мне желание, чтобы он ворвался в меня. Это заставило мою ладонь сжаться крепче на моем члене, а всхлипу вырваться изо рта, и не произнеся ни слова, только одним этим взглядом, Эйс заставил меня умолять его.

— Пожалуйста, — сказал я, нуждаясь в его руках на мне. Его губах. Всем, что он захочет дать мне. — Закончи это за меня.

Эйс встал на колени на небольшом пространстве, что я оставил на краю кровати и потянулся вниз, чтобы обхватить конец игрушки. Когда он медленно потянул его из меня, крик вырвался из моей глотки, шокируя нас обоих запредельной громкостью, но когда он возобновил свои действия и погрузил его обратно в меня, я пропал.

Казалось, мое тело плыло, пока я терял голову под мужчиной, который доводил меня до этого. Мышцы на моей руке бугрились и сжимались, пока я продолжал лихорадочно дронить себе одновременно с быстрыми толчками Эйса. И когда я ощутил, как горячие струи спермы Эйса брызнули на мою грудь и пресс, мой собственный оргазм обрушился на меня, и я закричал на всю квартиру от самого лучшего кайфа, который я испытывал.

О, да, мы, несомненно, покинем чертово здание с шумом.

Глава 25.

Раскрыты.

— Кажется, это последняя, — сказал Дилан, крякнув, когда опустил свою сторону комода на пол в моей прихожей.

Поправочка — в *нашей* прихожей. Сейчас была середина субботнего утра, и после того как мы вытащили себя из его постели и перевезли последнюю мебель из его небольшой квартирki, он официально переехал ко мне. Ну, не считая вещей, которые все еще оставались в его доме во Флориде, но он сказал, что разберется с этим позже.

Ладонь Дилана опустилась на его поясницу, когда он распрямился, а мои губы дрогнули от смеха.

— Ты как там, старичок? — спросил я. — Ты же не собираешься загнуться, а?

Он показал в ответ палец, и я не смог сдержать смех, который вырвался наружу.

— Немного тяжелой работы и этот мужчина уже выдохся...

— Немного?

— Не сказать, что мы такой большой дом перевезли, — ответил я. — Возможно, нам стоит поработать над твоей выносливостью. Я готов заниматься этим всю ночь, если это все, что потребуется. Поработать жестко и глубоко.

Дилан стрельнул в меня взглядом и поплелся по коридору.

— Ха — ха, ты забавный, засранец. Это не мебель, а тот факт, что я занимался *сам собой* жестко и глубоко для тебя, и что этим утром мне немного неудобно в одежде. Где у тебя аспирин?

— Этот ящик я знаю, — сказал я, прошел мимо него на кухню и открыл ящик у холодильника. Я достал таблетки, прихватил воду из холодильника и все выставил перед ним. — Ибупрофен лучше подойдет при мышечной боли. И прости, нам стоило подождать...

— Нет, нам не стоило ждать, когда мы переедем сюда. В этом и заключался весь смысл прощальной вечеринки. И уж мы с этим справились. Знаешь, мне кажется, что даже Дерек не работал со мной над этими мышцами... — он замолчал и рассмеялся, когда заметил выражение на моем лице. — В смысле в тренажерке.

— Никогда раньше не слышал, чтобы кровать называли тренажеркой, но... — проворчал я.

Дилан проглотил таблетки, и когда он приговорил полбутылки воды, он ухмыльнулся.

— Должен признать, эта твоя ревнивая сторона в какой — то степени сексуальна.

Я ухватился за верх его джинсов и потянул на себя, и когда он сравнялся со мной, я вжался своими бедрами в него.

— Это ты считаешь ревностью? — спросил я.

— Нет...это удивительные ощущения, — ответил Дилан и оплел руками мою шею. Когда он поморщился, я нахмурился.

— Оууу, бедный малыш. Тебе, правда, больно, да?

Он надулся, и этих его вкусных губ было слишком, чтобы я смог устоять. Я захватил их в жесткий, быстрый поцелуй, обнимая его за талию и массируя пальцами его поясницу.

— Ох, *Боже*, — произнес он, когда оторвался от моего рта. — Это...

Я сделал так снова, и Дилан застонал так, что мой член стал тверже.

— Хорошо? — спросил я.

— Дааааа....

Я продолжил впиваться пальцами в его спину, затем провел сильную линию вдоль его позвоночника к шее, где помассировал напряженные связки. Дилан запрокинул голову назад, волной прокатываясь своими бедрами по моим, и я улыбнулся от его явного удовольствия. Он определенно знал, как мгновенно расслабиться, и натянутые мышцы под моими пальцами определенно нуждались в разминке.

Я посмотрел через его плечо на телевизор, который работал на заднем плане, и когда губы Дилана нашли мою шею, знакомое лицо мелькнуло на экране, и я замер. Руки, которыми я обнимал Дилана, напряглись, а челюсть сжалась, как тиски, когда на экране вспыхнул заголовок.

ЭКСКЛЮЗИВ: РАСКРЫТА НОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ЛЮБОВНИКЕ ЭЙСА.

Но не из — за этого я окаменел. *Нет*, подумал я, когда шоу прервалось на рекламу. Это было из — за женщины, чье лицо они крутили под заголовком. Женщины, которая сидела в той же студии, с выпрямленными волосами, идеальным макияжем, излучая невинность, которой у нее определенно не было еще неделю назад, когда она вымогала у меня два миллиона. Блять, только мысль о том, что эта сука собиралась рассказать, чуть ли не заставила меня выгнать Дилана из кухни, обратно в фургон, который мы только закончили разгружать.

— Эй, — сказал Дилан, когда оторвал губы от моей шеи, чтобы посмотреть на меня. Он видимо заметил, что мой член обмяк, а внимание было в другом месте, и учитывая мои проблемы с дыханием, когда он находился рядом, я уверен, что он уловил изменение моего настроения. *Охренительно*.

— Что не так? — спросил он, отстраняясь от меня. Когда он заметил выражение моего лица, его улыбка спала. — Эйс? Что такое? Что случилось?

Я оторвал взгляд от идущей рекламы, и когда наткнулся на его пристальный взгляд, я открыл рот, чтобы сказать ему, но периферийным зрением уловил заставку развлекательного шоу, и уже было поздно. Дилан заметил направление моего взгляда и обернулся, чтобы посмотреть на то, что украло мое внимание от него. А когда его спина распрямилась до такой степени, что это выглядело болезненно, мне стало интересно, что творилось в его голове.

— Секс, ложь и грязные секреты были раскрыты на прошлой неделе, — объявила ведущая. — Мы получили подробности про загадочного мужчину из личной жизни Эйса Локка. Именно так. Дилан Прескотт, вторая половина ПресЛокка, был загадкой до сих пор. Локк и его команда отмалчивались о закрутившемся романе, было не так много известно о сексуальной модели Calvin Klein, не говоря о том, что он выглядел *крайне сексуально* в одних трусах. И мы отправили Холи, чтобы она пообщалась с женщиной, которая знала все об этом молодом человеке. В конце концов, кто может знать его лучше, чем собственная мать...

Ох, блять.

Блять.

Блять.

Твою мать.

Мой взгляд метнулся к мужчине, который стоял на расстоянии вытянутой руки от меня, и когда я потянулся к нему, Дилан начал двигаться. Один шаг за другим, он пересекал пространство между кухней и диванами, как робот с одной — единственной целью добраться как можно ближе к встроенному в стену телевизору.

Когда проклятое шоу ушло еще на одну рекламу, несомненно, чтобы привлечь на полчаса свою зрительскую аудиторию, я следил за тем, как Дилан остановился, как вкопанный перед телевизором, и ждал.

Мда, они определенно преуспели в своем деле в этом доме. И пока остальные миллионы населения страны ждали и высиживали рекламу за рекламой до главных новостей, которые они держали на последние несколько минут, *мы* ждали рекламу за рекламой их возвращения, чтобы понять, как глубоко они планировали вкрутить нож, чтобы заполучить сенсацию.

В доме больше не было ни единого звука, кроме рекламных роликов разной продукции, которые вспыхивали на экране, что сомневаюсь, мы с Диланом воспринимали. Да, мы оба

были, как проклятые зомби. Мы отключились полностью ото всего, что происходило вокруг, включая друг друга, и ждали очередной ужасной гадости.

Глава 26.

Не скажу, что он охотник за деньгами.

Этого НЕ происходит. Этогон е происходит. Но пока я стоял с практически приклеенным носом к экрану телевизора Эйса — нет, *нашего* телевизора — желание блевануть говорило мне обратное. Мои ладони начали потеть, пока я пересекал место, на котором сейчас обосновался, и пытался вспомнить — дышал ли в последние пять минут и нужно ли мне это.

Перед тем, как прервались на рекламу, лицо Бренды вспыхивало на HD — экране, не образ, который транслировался миллионам зрителей, определенно *не* был той Брендой, которую я знал. Создавалась впечатление, что дорогая старушка — мамочка устала дожидаться звонка, которого все не было, и когда мы по глупости решили, что она внемлет совету Эйса и уедет, она сделала звонок самостоятельно.

Мои руки дрожали по бокам, пока я пробегался мысленно по всем словам, которыми мы обменялись с того момента, как она вылезла из той адовой дыры, в которой существовала, после освобождения из тюрьмы, и захотел закричать. Я не мог даже представить, что она планировала рассказать следующим — кто ж знал, когда дело касалось Бренды. Но пока моя тревога пыталась прогрызть себе путь на свободу, сквозь слои моего желудка, мое предчувствие ныло от мысли, что произойдет дальше.

Я смутно осознавал, что Эйс пошел за мной, возможно, приближался ближе, но я не оборачивался из — за страха того, что обнаружу, когда взгляну на него. О чем он думал прямо сейчас? Какую колоссальную ошибку совершил? *Блять. Наверняка.*

— И сейчас об истории, которую вы все так с нетерпением ждали. *Кто* такой Дилан Прескот? Не переключайтесь — это история, которую будут обсуждать у кулеров с водой в понедельник утром. И вы не захотите пропустить этого.

Слишком тонкая брюнетка передавала тошнотворное вступление в счастливое падение моей репутации, затем повернулась к стене телевизоров, выстроенных позади нее, где логотип шоу исчез, и камера переключилась на журналиста.

Там, в пределах рамок телевизора Эйса, стояли две женщины. Одну я опознал, как репортера шоу. У нее были светлые волосы, и полагаю, ей было за двадцать пять лет. Я видел ее раньше, — она передавала последние слухи о богатых и знаменитых — и мне было ненавистно признавать, что я ждал эксклюзивные новости по окончанию шоу, если они включали того, от кого я фанател.

Что ж, подумал я с кривой усмешкой, *как тебе такое понравится...* Ощущения немного отличаются, будучи по ту сторону, не так ли? И разве это неправда? И опять же, присутствовало то желание избавиться от завтрака, который я съел этим утром с Эйсом, и оно только усиливалось, когда репортер начала говорить.

— Бренда, спасибо, что согласились сегодня встретиться с нами. Мы не можем передать вам, в каком восторге мы были, получив ваш звонок.

Затем оператор приблизил камеру к привлекательной даме около пятидесяти в красивой, коралловой блузке, скромно застегнутой до ключиц, где нитка жемчуга —

подделка, уверен — лежала на ее коже. Ее спутанные волосы с прошлой недели были выпрямлены и убраны за уши, а на месте пестрых сережек — колец были соответствующие ожерелью жемчужины. *Разве не картинка материнского совершенства.*

— Спасибо, Холи. Я рада находиться здесь.

Когда она нацелила улыбку в сторону репортера, я понимал, что та женщина считала ее искренней, и я полагал так же. Бренда, наверняка, была в восторге о того, что играла главную роль в своем джек — потовом — реалити — шоу, но шестое чувство, которое у меня просыпалось, когда дело касалось этой женщины, заставляло меня изучать каждую черту ее лица пока... *Вот оно*, подумал я, когда подошел ближе к экрану. Я склонил голову в сторону и сосредоточился на слегка прищуренных глазах, и там, в тех зеленых глубинах, которые были так похожи на мои собственные, таился расчет, как поиметь меня.

— В первую очередь, я должна отметить, — сказала Холи, — что очевидно, пока я сижу напротив вас, откуда Дилан получил все хорошее. Вы совершенно прекрасны.

Бренда фальшиво рассмеялась и поднесла руку к своему жемчугу, чтобы потеревить его.

— Вы очень милы. Спасибо.

— Нет. Нет. Я серьезно. Пока у нас не появилось возможности поговорить с Диланом лично, то теперь — знаменитый билборд на Голливуд с национальной рекламной кампанией, где он изображен, и те вкусные фотографии, которые недавно всплыли ни с кем иным, как Эйсом Локком, дали нам небольшое представление о вашем красивом мальчике.

Бренда кивнула, опуская руку на место, на ее колено, поверх черной юбки карандаш.

— Ох, это все мой Дилан...

— Она блять серьезно сейчас? — наконец, заговорил Эйс, откуда из — за моей спины. Но я поднял руку вверх, останавливая его, и он умолк. Я хотел слышать каждое слово, которое выходило из ее лживого рта.

— Из маленького мальчика в красавца. И соблазнителя тоже...

Бренда позволила словам повиснуть в воздухе, как наживке, дожидаясь, когда на нее клюнет рыба. Это не заняло больше одного удара сердца, или двух, а затем Холи в тот же момент насадилась на этот крючок.

— Соблазнителем?

— Да, — ответила Бренда, ее улыбка растянулась, несомненно, от удовольствия, что на ее уловку повелись. — В смысле, ребенком он постоянно попадал в неприятности. Обычное поведение детей, естественно. Несколько украденных конфет там, прогулянный урок здесь, но к восьми годам...или возможно к девяти? Он стал мастером по заговариванию зубов в небольших мелочах. А потом прибавьте ко всему этому ямочки эти, и кто бы смог устоять от такого лица?

— Кто, в самом деле? — усмехнулась Холи вместе с Брендой, считая, что это милая, небольшая подколка матери, которая вспоминала годы своего маленького сына. *Угу, точно.* — Уж точно не мистер Локк.

— Уж точно, — согласилась Бренда.

— Итак, у нас есть вопрос: Дилан уже привозил Эйса к себе домой для знакомства с родителями?

Мои руки сжались в кулаки по бокам, и я стиснул их так сильно, что ногти на моих пальцах угрожали прорвать кожу на ладонях. Боже, Брендe повезло, что ее нет сейчас поблизости, потому что я всерьез раздумывал убить ее прямо здесь и сейчас. И похрен на последствия.

— К сожалению, Холи, кое — что случилось в моем прошлом, что отдалило нас с Диланом, хотя я надеюсь, что мы восстановим нашу связь, пока я здесь, в Лос — Анджелесе. Я до сих пор опечалена тем, что он отказывался увидеться со мной.

Пока одна за другой скатывалась ложь с ее коварного языка, камера приближалась к ее лицу, и мне отвратительно было видеть влажный блеск, навернувшийся на ее глаза. *Нет... она не...*

— Кое — что, — даже Холи спросила это очень аккуратно — *потому что мы же не хотим ранить ее долбанные чувства.* — Вы имеете ввиду то время, что вы провели в тюрьме из — за наркотиков и проституции?

Бренда устроила целое шоу, поднося край пальца под свой нос, втягивая продуманный всхлип, а Холи тут как тут, наклонилась с платком.

— Прошу, не торопитесь. Я понимаю, как это, должно быть, сложно.

— Спасибо, — ответила Бренда, деликатно промакивая свой нос. — Это было долгое путешествие, чтобы исправиться и оказаться там, где я сейчас. Я совершала ошибки в прошлом. Много ошибок. Но вы должны понимать, что я это делала, чтобы выжить. Я должна была обеспечить едой и крышей моего мальчика.

— Конечно. Это вызывает восхищение. Материнская любовь не знает границ.

Если бы я не стоял в двух шагах от экрана телевизора, то ни за что бы ни поверил в то дерьмо, которое услышал.

— Действительно, так, Холи. И именно поэтому, так болезненно, что Дилан...Он... — Бренда замолчала, шмыгнула носом, а затем, ага, крокодильи слезы потекли ручьем по ее щекам. — Он отказывается встречаться со мной и даже зашел настолько далеко, что убедил мистера Локка, будто я здесь для того, чтобы встать между ними.

— А это так, Бренда? Вы не согласны с тем, что ваш сын вступил в отношения с Эйсом? Вас беспокоит то, что это каким — то образом его изменит?

— Уже изменило. Дилан всегда был слишком амбициозным. Он всегда говорил мне, что сделает *все*, что потребуется, чтобы выбраться из нашей скромной...ситуации. Даже зайдя так далеко, предложив мне в то время использовать его немалое очарование, чтобы заманивать клиентов.

Холи поерзала на месте от дискомфорта, и я мог сказать, что она уже собиралась задать вопрос на миллион долларов. Я готовился к тому, что случится дальше, но никогда в жизни я бы не предположил слов, которые последовали между ними двумя.

— Так вы хотите сказать, что Дилан помогал вам продавать наркотики, когда был еще мальчиком?

Слезы, текущие по щекам Бренды волшебным образом высохли, и она воспользовалась мгновением, чтобы собраться, а затем моргнула и покачала головой.

Я задержал дыхание, молясь, чтобы произошла какая —нибудь природная катастрофа, чтобы телевышки потеряли сигнал, и чтобы меня проглотила земля, но мне не так повезло. Секундой позже, Бренда скинула бомбу, которая разнесла все те годы, которые я провел, оттачивая свое счастливое существование, прямо в ад.

— Ох, нет, дорогая. Он помогал мне с мужчинами.

Даже несмотря на то, что Бренда не выложила все сразу, то тишина, царящая в студии, где проходило интервью, и ошарашенное выражение на лице Холи, давали яснее ясного понять, что чертово сообщение получено.

Я уже видел завтрашние заголовки, или даже те, которые появятся уже сегодня вечером.

ЭЙСА ЛОККА ОБЛАПОШИЛ БЫВШЫЙ ЖИГАЛО — ОХОТНИК ДЕНЬГАМИ.

— Как я и сказала, Холи, — произнесла Бренда, и в этот раз, когда камера приблизилась к ней, она повернулась лицом к объективу. — Дилан был соблазнителем и всегда знал, как лучше всего использовать свое *привлекательное* лицо.

Кровь зашумела в моей голове, а звон в ушах стал настолько громким, что я даже не услышал, что ответила Холи в завершении диалога. Так было до тех пор, пока телевизор не отключился, а я осознал, что семиминутный отрывок закончился.

Я никогда прежде не видел Дилана настолько молчаливым и неподвижным. Как будто я находился в комнате со статуей. И его неподвижность пугала меня. Я стоял позади него, наблюдая крушение поезда во время идущего развлекательного телешоу, и с каждым заданным вопросом и каждым ответом моя ярость разрасталась.

Я хотел закричать, проклинать все до самых небес, а затем сесть в машину, выследить эту суку и преподать ей урок или два о том, насколько очаровательным могу быть я. Но ужасающая безжизненность мужчины, который стоял на расстоянии моей вытянутой руки, приковывала мои ноги к полу намертво.

Намерения и мотивация Бренды были очевидны. Раз я не собирался передавать бабки, тогда она пошла в прямой эфир и рассказала слезливую историю первому же человеку, кто предложил ей значительный кусок налички за новости. Она расставила ловушку, и теперь собиралась сидеть и ждать первого идиота, достаточно глупого, чтобы заплатить ей. И в этом городе таких было предостаточно.

Я старался обратить наше оскорбление, и мое и от имени Дилана, позвонил бы своему адвокату Логану, как можно скорее, но сначала...сначала, мне нужно было обнять Дилана и убедиться, что с ним все в порядке.

— Дилан, — осторожно позвал я, делая шаг к нему. Когда он не ответил, я попытался снова. — Дилан?

Я опустил взгляд на пальцы, которые все еще были сомкнуты в кулаки, и в тот момент, я заметил, как подол его рубашки зашевелился. Я подошел ближе и заметил дрожь, накатывающую на его напряженные плечи, и выругался себе под нос. Если я испытывал ослепляющую ярость, то не мог даже представить ту ярость, которая должно быть гудела в теле Дилана, что он напрягся настолько, что его затрясло.

Я сглотнул, пытаюсь придумать лучший способ, как к нему подобраться. Я видел многие стороны Дилана за прошедшие недели, когда дело касалось Бренды, но это...это было в совершенно другом масштабе. Я обошел его, встал между стеной, где висел темный телевизор, и мужчиной, который устоял на свои ноги с явным усердием.

— Дилан, — произнес я и заметил, как раздулись его ноздри, по меньшей мере, признак того, что он услышал меня. Когда он не поднял голову и не ответил, я приподнял свою руку, чтобы коснуться его локтя, и вот тогда он двинулся — от меня.

— Не надо, — сказал он, наконец, поднимая свой взгляд, чтобы встретиться с моим, лицом к лицу.

Отказываясь верить, что он имел ввиду именно то, как это прозвучало, я сделал шаг вперед, но когда Дилан отступил на шаг назад, я остановился и спросил его о том, что мне было трудно понять.

— Не надо что?

Дилан облизал свои губы, а затем ответил с отстраненностью, которую я никогда не слышал от него прежде.

— Не прикасайся ко мне.

И Господи, в этом заключался такой удар, что я сравнил бы с выстрелом пули прямо в долбанное сердце. Я хотел потребовать «почему», но судя по тому, как он держался, готовился к удару, я решил, что должен послушать его.

— Хорошо, я не буду, — ответил я, пытаюсь сдержать свои зашкаливающие эмоции. — Я просто хочу поговорить.

— О чем? — выплюнул он, и арктический холод от его слов дал трещину сомнений в том, что я всегда считал нерушимым основанием между нами двумя. — О том, как моя мать заявила на самое большое развлекательное шоу и рассказала всему миру, что отсидела в тюрьме за наркотики и продажный секс? Или о том факте, что она только что заявила, что ты встречаешься со шлюхой — золотоискателем?

— Дилан, — сказал я, желая заверить его, что мне плевать на все это, но он не закончил. Это как будто чека, которую сняли с гранаты в его руке, и взрыв был неизбежен.

— Ну? — спросил он, его брови взлетели так высоко, почти до линии роста волос. — О чем, Эйс? Что из этого ты предпочтешь обсудить в первую очередь? Потому что и то, и то кажется мне довольно занимательным.

— Эй, все будет в порядке. Мы можем...

— В порядке? — спросил он, и звук который последовал дальше, был уродливым и искаженным. Задушенный смех. — Каким образом все будет в порядке?

Я был готов объяснить сотни способов, идей и сценариев, которые проносились в моей голове в течении того эпизода. Но когда он сделал два шага, возвращаясь ко мне, нос к носу, а его глаза прищурились, я растерял все свои слова.

— Знаешь, что я ненавижу? — спросил он, и тот факт, что он не дожидался моего ответа, давал мне понять, что он бросил это даже не в качестве вопроса, больше как фактическим заявлением. — Я ненавижу то, что я единственный, кто разрушил твою жизнь.

— Дилан...

— Что? Даже не пытайся отрицать. Еще тогда, когда мы вышли из «Sun», твоя карьера подвергалась удару за ударом. Твоя жизнь превратилась в цирк, который ты всегда говорил мне, что ненавидишь больше всего, а теперь еще и это. Теперь все будут считать, что ты спишь с сыном какой — то обдолбанной шлюхи, и тайно гадать, как далеко мои «чары» распространяются... в постели, например? Кто знает, что Бренда будет рассказывать людям? В каком — то смысле, тебе стоит остановиться и спросить себя самого, что ты делаешь вместе со мной? Почему ты со мной? Едва ли кажется это стоит того для тебя, учитывая, где я нахожусь.

Мне не нравились разговоры Дилана о себе и нас в таком ключе, но я мог сказать, что эти слова были подпитаны досадой и неспособностью повлиять как — то на то, что только что произошло. Я проходил через такое множество раз, и лучшее, что я мог сделать для него — позволить ему обдумать это так, как ему было нужно.

Однако это не остановило меня от того, чтобы потянуться за его локтем, теперь, когда

он был так близко для прикосновения, но Дилан покачал головой и выругался.

— Мне нужно немного пространства, — сказал он, отступая.

Я отпустил его и хотел умолять его не уходить. Но если он хотел, я не собирался вставать у него на пути. Он развернулся и направился по коридору, его плечи теперь осунулись, вероятно, под весом, который только что опустился на них, и перед тем, как он исчез, он оглянулся на меня и сказал:

— Я буду наверху. Просто...подумай о том, что я сказал.

Когда Дилан исчез из виду, я знал, что тут не о чем думать. Но еще я понимал, что ничего не изменит моего мнения о мужчине, который только что поднялся наверх, чтобы побыть один в *нашей* спальне.

Глава 27.

Магия какая — то.

Я не знал, как долго лежал здесь, в постели Эйса, но когда дневной свет поглотила темнота, а ночь пробралась сквозь огромные окна и загнала солнце в тень, я скинул обувь и перекатился на бок, обнимая подушку под своей щекой, как будто она была якорем реальности, после всего, что произошло сегодня. Это, должно быть, какой — то ужасный кошмар. Да?

Несколько раз я пытался закрыть глаза и провалиться в забытье сна, но каждый раз мой мозг проматывал интервью снова и проигрывал его под моими веками. Затем я быстро вспоминал, как просил Эйс бросить мою жалкую задницу, пока не стало слишком поздно, и воспоминания выражения его лица, после того, как эти слова вырвались из моего рта, вызывали во мне желание провалиться сквозь землю снова и снова. Трудно поверить во все произошедшее, когда только прошлой ночью мы праздновали, но я понимал по тупой боли в моей груди, что придется.

Я не имел представления, где Эйс. Все, что я знал, — он сделал так, как просил я, и дал мне пространства. И теперь злость, растерянность и боль скомпоновались до онемения в моем теле, что я мог думать только об одном человеке, который мог вернуть меня к жизни.

Я перекатился на спину и скатился к краю кровати, намереваясь встать и отыскать мужчину, чью комнату я оккупировал. Но мой подъем резко затормозился, когда я определил силуэт Эйса в белом кресле с большой спинкой, который обычно стоял в углу большой комнаты. Он передвинул его так, чтобы оно встало у края кровати, ровно в середине, и мне стало интересно, как долго он просидел там в раздумьях.

— Эй, — сказал он, когда я проехал так, что мои ноги повисли с края матраса. Я провел ладонями по своим бедрам и попытался навести на него фокус, но в комнате было слишком темно, а Эйс выбирал свою позицию с осторожностью.

— Как долго ты сидишь здесь? — спросил я.

— Два часа.

Проклятье.

— Я уже говорил тебе. Мне нравится наблюдать за твоим сном.

Да, он уже говорил мне об этом, не так ли? Когда это было? *На этой неделе, на прошлой?* Такое ощущение, что прошло несколько лет с этого момента, где мы стояли со всей той странной дистанцией между нами. Дистанцией, которую установил я.

— Эйс, я...

— Нет. Не надо. Моя очередь, ты так не считаешь?

Я захлопнул рот и бросил взгляд на окна, пытаюсь проглотить эмоции, которые угрожали пролиться из меня, вынудить упасть на колени и повторять, как я сожалею. Но до того, как я успел опуститься на пол, он снова заговорил голосом, который требовал, чтобы я повернулся к нему лицом и уделил этому внимание. Поэтому я сделал именно так.

— Я сидел здесь, пытаюсь решить, как лучше всего объяснить тебе, что я почувствовал после всего, что ты мне сказал сегодня внизу. Но чем больше времени проходило, и чем дольше я ждал, когда ты придешь, чтобы найти меня, мои причины «почему» я с тобой изменились.

Боже мой. Это прозвучало не многообещающе. Он говорил, как человек, который был уверен одну минуту назад в чем — то, а затем сменил свое мнение в следующую. И учитывая, что я знал, что он любил меня всем своим сердцем ночь назад, не сулило мне ничего хорошего теперь. Но...я был решительно настроен выслушать его. В конце концов, я был тем идиотом, кто выставил дебильно требование, чтобы он подумал обо всех причинах, почему он со мной, поэтому не сказать, что я мог попросить его забыть обо всем теперь. Так ведь?

— Дело вот в чем, Дилан. Если бы я смог изменить мир, если бы я смог укрыть тебя в своих объятиях и убедиться, что ничего плохого не произойдет с тобой снова, то тебе стоит знать, что я сделал бы это в мгновение ока.

— Эйс...

— Нет, — рывкнул он и на этот раз поднялся на ноги. — Моя очередь.

Я кивнул в темноту, где оставался лежать на краю его кровати, наблюдая за ним с близкого расстояния.

— Ты задал мне два очень важных вопроса, и ты, черт возьми, выслушаешь мои ответы.

Когда он протянул свою руку ко мне, ладонью вверх, я скользнул своей в нее, и он потянул меня на ноги, поднимая. Нос к носу, взгляд к взгляду, я теперь мог ясно разглядеть его сквозь тени, которые играли на стенах и шторах в комнате. Его брови были сведены вместе, а губы вытянулись в жесткую линию, и пока он выглядел так, будто хотел придушить меня, я так же видел сочувствие и беспокойство, отраженное на его лице.

— Первое, о чем ты спросил меня, — что я делаю вместе с тобой? — переплетая наши пальцы вместе, Эйс глубоко вдохнул, и когда он выдохнул, создавалось ощущение, будто это первый полноценный вдох, после его последнего прикосновения ко мне. А затем он прошептал. — Я живу.

Я чувствовал, как слезы наворачивались на мои глаза, и когда закрыл их, чтобы сдержаться, я услышал, как он сказал:

— Посмотри на меня, Дилан.

И когда я сморгнул и сосредоточился снова на нем, меня шокировало то, что его собственные глаза блестели.

— Вторым было — почему. *Почему* я с тобой... — когда голос Эйса затих, он поднес свою вторую руку к моей щеке и спросил. — А где еще мне быть?

Мой рот приоткрылся, но до того как я смог вымолвить хоть слово, он налетел на меня и захватил мои припухшие губы в поцелуй, который был настолько нежным и полным обещания, что я положил свои ладони на его грудь для устойчивости, когда я покачнулся. Когда он уперся своим лбом в мой, он произнес в мои губы:

— Я люблю тебя. Там где ты, там хочу быть и я, и я понял это, пока обходил весь периметр этого дома три часа подряд. Не имело значения, что ты был здесь наверху, а я — внизу. Ты выбрал остаться здесь, даже несмотря на то, что тебе было нужно пространство. Это значит для меня все.

Я был *таким* идиотом. Но вместо того, чтобы сказать это, я наклонился и поцеловал его снова. Передавая без слов, что я чувствовал то же самое и сожалел за слова, сказанные мной внизу, когда злость и досада взяли верх надо мной.

Я потерялся в этом поцелуе, когда мы воссоединились здесь, в интимном объятии ночи, но когда я подумал, что он опустит меня на постель и притянет к своему телу, чтобы уснуть после этого ужасного вечера, Эйс снова поступил неожиданно. Он отстранился от меня и тихо сказал:

— Я не хочу, чтобы ты больше волновался. Я уже позвонил Логану, чтобы мы могли сесть и обсудить, какие законные права мы оба имеем в данной ситуации и ...

Я с облегчением услышал, что мы сможем поговорить с адвокатом по поводу всей этой ситуации с Брендой, но кое — что еще происходило здесь. Я наклонил голову в бок и всмотрелся в кривую ухмылку, которая изогнула губы Эйса.

— И? — наконец, спросил я, давая ему понять, что я более чем настроен продолжить разговор дальше.

Когда он кивнул и сделал еще один глубокий вдох, он сказал:

— Я позвонил Роджеру и Мартине, и сказал им, чтобы Карли Уайлд позвонила и назначила интервью, которое ей было необходимо.

Когда мой рот распахнулся, Эйс приложил указательный палец к моему подбородку, чтобы помочь мне закрыть его.

— Почему тебя это так шокировало, Мечта? Я подумал, что пришло время «Эйсу и его команде» подать немного голоса о новом, таинственном мужчине в моей личной жизни. Ты так не считаешь?

— Но...но...я знаю, как сильно ты не хотел...

— Я изменил свое мнение, — ответил он с огромной ухмылкой, от которой я засмеялся.

— Просто так?

— Просто. Так, — сказал Эйс, и выделил каждое слово поцелуем, перед тем как взять мою руку и повести меня к двери спальни. — Пойдем...нам нужно сделать несколько телефонных звонков и назначить несколько встреч, а затем мы оба поднимемся сюда и уснем в *нашей* спальне.

Пока мы спускались вниз, я не мог сдержаться и задавался вопросом, о магии, которая была в Эйсе, потому что даже в худшие времена у него была врожденная способность делать так, будто все будет хорошо.

Глава 28.

Время для безумства.

— Мистер Локк?

Нерешительный женский голос последовал за двумя легкими ударами в дверь гримерки, в которую мы с Эйсом вошли около десяти минут назад. Он только закончил со своим гримом и оделся в приталенный пиджак от Armani, который соответствовал его темным брюкам.

— Да. Входите, — сказал он с того места, где стоял у зеркала, поправляя манжеты черной рубашки.

Я сидел на плюшевом двухместном диване, который был придвинут к одной из стен, наблюдая за тем, как он собирался для своего эксклюзивного интервью «Эйс Локк у Карли Уайлд», которое должно было начаться...

— Мы будем готовы для вас через десять минут, — сказала Келли, ассистентка, которая помогала нам сегодня. — Я пришла, чтобы проводить вас в зеленую комнату. Мистер Прескотт может наблюдать за шоу оттуда.

Десять минут. *Ох, черт.* Десять минут внезапно показались очень короткими.

— Отлично. Думаю, все пройдет хорошо, — сказал Эйс, когда повернулся в мою сторону.

Я встал на ноги и потер вспотевшие ладони об свои серые слаксы, а затем прошелся взглядом от длинных ног к его красивому лицу. Когда я заметил легкое напряжение в плечах Эйса, то был достаточно осведомлен, какие чувства скрывал мужчина, на которого я смотрел, под своей улыбкой. Я поднялся и подошел к нему, поднося правый указательный палец к своим губам, и постучал в по ним в раздумьях.

— Ты похож на знаменитого парня, которого я знаю, — сказал я, а затем щелкнул пальцами перед тем, как указать на него. — Да... крупная звезда боевиков. Никого не берет в плен. И сексуальный, — сказал я, разглаживая ладонями его плечи. — *Очень сексуальный.*

Взгляд Эйса сместился на женщину за моим плечом, а затем он ухмыльнулся.

— Ну, поскольку его мнение — единственное, что меня волнует, я скажу, что мы готовы.

— Очень хорошо, — сказала она, а я повернул голову в ее сторону и сделал шаг вперед, чувствуя, как Эйс взял меня за руку. Я оглянулся через плечо на него, и когда он глубоко вдохнул, я усилил хватку на его пальцах, пока мы направились на выход их гримерки.

Сегодня большой день. То, что собирался сделать Эйс было монументальным, изменяющим жизни, и я не мог поверить, что он согласился на это, тем более казался не менее взволнованным предстоящим, не считая того небольшого случая с нервозностью.

Прошло чуть больше двух недель с того вечера с унижительным интервью от Бренды, и тогда у нас было несколько встреч с другом Эйса и его адвокатом Логаном Митчеллом, который посоветовал нам не контактировать с ней и не *комментировать* ее никак. Лучшим способом бороться с этим было молчание, и хотя Эйс решительно заявил Логану, что он хочет сделать намного больше, чем просто прикусить язык, Логан посоветовал ему:

«Хоть раз послушайся меня, Локк. За это ты мне очень хорошо платишь. Хотя мне говорили, что только мой рот стоит миллионы»

И после еще большего ворчания, мы согласились с властным адвокатом и последовали его инструкциям.

Мы продолжали молчать, как и Бренда, но знали, что ее молчание не продлится долго. А прямо сейчас, единственными людьми, кто продолжал обсуждать и размышлять, о тех посиделках Холи и моей матери, были журналы, у которых не было ничего, кроме слухов, и именно поэтому пришел черед Эйса. Оба и Роджер, и Мартина согласились, что пришло время рассказать нашу историю. Пришло время Эйсу «выйти из шкафа» на публику с эксклюзивным интервью на «*Шоу Карли Уайлд*», и теперь мы шли по коридору в ее зеленую комнату ожидания.

Когда мы вошли внутрь, первое, что я заметил, было то, насколько здесь красиво. По

какой — то причине, я ожидал небольшой комнатки с диваном и телевизором, но дело было даже не в этом. Здесь был бар вдоль дальней стены, свет был приглушен, и несколько диванов стояли лицом к стене из телевизоров, транслирующих программу, которая в данный момент записывалась.

— Пожалуйста, почувствуйте себя удобно, — сказала Келли. — Напитки в баре и вскоре кто —нибудь придет за вами, мистер Локк.

— Спасибо. Вы были сегодня очень полезны, — ответил он.

— Всегда пожалуйста. И мне было очень приятно познакомиться и с вами мистер Прескот.

— Мне тоже, — ответил я с улыбкой, прежде чем она закрыла дверь, а я подошел к одному из диванов, чтобы занять место. — Здесь красиво.

Эйс последовал за мной и расстегнул пиджак, усаживаясь рядом. Я вытянул свои руки вдоль кожаной обивки и пошевелил своими бровями.

— Жалко, что у тебя всего две минуты. Мы совсем одни с полностью укомплектованным баром, ты так горячо выглядишь в своем костюме...

Эйс прикрыл веки, наклоняясь вперед для легкого поцелуя в губы, а затем прошептал в них:

— Ты уверен, что хочешь, чтобы я это сделал? Есть еще время отказаться.

Я втянул верхнюю губу под нижнюю и притворился, что раздумываю над его вопросом, перед тем как изогнулись мои губы.

— Уверен ли я, что хочу, чтобы ты вышел к зрителям и рассказал всему миру, что мы встречаемся?

— Ну, вероятнее всего все будет намного больше, чем только это.

— Хмм, да, думаю, да. Но...я не против того, чтобы разрекламировать людям, что ты занят. И я доверяю тому, что ты скажешь.

Эйс поднял руку, чтобы мазнуть большим пальцем по моему подбородку, а затем зафиксировал мое лицо.

— Хорошо. Потому что я никогда не сделаю ничего, что причинит тебе боль.

Я сморгнул от искренности, которую видел в его глазах, а затем кивнул.

— Знаю.

— Хорошо. И к сведению, для меня тоже много значит сообщить миру, что *ты* занят. Так что ни на секунду не верь, что это не был чисто эгоистичный шаг.

Я усмехнулся на это, а затем стал серьезнее, пока изучал его голубые глаза.

— Ты нервничаешь?

Я вспомнил, как он рассказывал мне однажды, что ему не нравилась его нервозность, поскольку если бы он позволил ей, она бы взяла над ним верх. Однако на этот раз, он не сомневался. Уголок его губ изогнулся, и он ответил:

— Да.

— Да?

Когда он кивнул и обхватил своей ладонью мою щеку, я поднял собственную, чтобы накрыть его.

— Насчет какой части? — спросил я.

— О том, чтобы не выставить себя дураком перед тобой.

Мое сердце екнуло на это, а затем смех облегчения вырвался из меня.

— Ох?

— Мхмм, — ответил он, проводя подушечкой большого пальца по моей нижней губе. — Как я должен отвечать спокойно, когда она станет спрашивать меня о моих чувствах к тебе, когда все, что я хочу сделать... — Эйс судорожно вздохнул и наклонился, чтобы украсть поцелуй, и когда он откинулся обратно на спинку, я спросил, теперь сам слегка задыхаясь:

— Когда все, что ты хочешь сделать — что?

Тук. Тук. Тук.

— Мистер Локк, мы готовы, — сказала Келли, просовывая свою голову в дверь.

Эйс кивнул и поднялся на ноги, пока меня тут разрывало на части от желания узнать, что он собирался сказать. Но я просто спрошу его об этом позже. Пришло его время идти и сесть рядом с самой популярной ведущей телешоу в Америке, и ни за что вы не заставите ее ждать.

— Скоро увидимся, — сказал он, а затем согнулся в талии, чтобы подарить мне еще один поцелуй. — Пожелай мне удачи.

— Удачи, красавчик. Я буду следить за тобой, — сказал я, указывая на телевизоры на стене.

— Лучше, да, — ответил он, а затем сразил меня своей звездной улыбкой, разворачиваясь и уходя к двери.

Пока я наблюдал, как он уходил: широкая линия плеч, узкая талия и длинные ноги поедали пространство, я не смог ничего поделать с гордостью, которая затопила мою грудь. Это мужчина был моим, и он собирался пойти и рассказать об этом всему миру.

ШОУ НАЧИНАЕТСЯ, подумал я, пока следовал за Келли, которая прокладывала путь за сцену вокруг декораций, людей и строительных лесов к боковой двери. Она проинструктировала меня дожидаться, когда два эффектных мужчины подцепят к моему поясу аккумуляторный блок, а затем протянут крошечный микрофон к моему лацкану. Я слышал восторженный шум зрителей через двери, когда закончилось предварительное развлекательное шоу, и нервозность, в которой я признался Дилану, только несколько секунд назад, впечаталась в меня с десятикратной силой.

Господи, я испытывал головокружение.

— Простите, можно немного воды? — попросил я Келли, которая кивнула и быстро убежала, появившись с бутылкой. Я сделал несколько глотков, а затем зажмурил глаза, пытаясь вернуть себе равновесие, пока из — за двери, за которой стоял я, слышался громкий рев толпы.

Карли Уайлд только что вышла на сцену, услышал я откуда — то позади себя бормотание.

Боже мой. Боже мой. Это, правда, происходит. Я, правда, собираюсь сделать это.

Я продолжал смотреть на дверь всего в нескольких метрах от меня и понимал, что меньше чем через две минуты, она распахнется для моего выхода на сцену, где я сяду и расскажу все свои секреты нескольким миллионам моих самых ближайших друзей. И хотя я хотел этого, когда думал об этом в таком ключе, я так же хотел еще и отключиться.

Я закрыл глаза и встряхнул руками, напоминая себе, почему я здесь. *Что я собирался сделать здесь.* И когда я вспомнил взгляд Дилана, когда оставил его в зеленой комнате, мой пульс успокоился, а обезумевшие нервы каким — то образом утихли, потому что я знал

окончание игры, а это означало рассказать всему миру правду и, наконец — то, стать свободными и счастливыми.

— Отлично, мистер Локк, — сказала Келли, оглядываясь на дверь. — Вы выходите через пять, четыре, три...

Ничего больше не было сказано, я просто увидел, как открылась дверь и услышал:

— А сейчас момент, которого вы все с таким нетерпением ждали. Пожалуйста, поприветствуйте, Эйса Локка.

И зрители, приблизительно три сотни человек, встали на ноги и пришли в неистовство.

Крики, шум и свист и даже парочка рыдающих дамочек спереди, они обнимались и прыгали рядом друг с другом, когда я вышел на сцену и помахал толпе. Я остановился между дверью и диваном лицом к зрителям и широко помахал и коротко поклонился, пока меня представляли, и это вызвало еще больше криков и свистов и заставило меня расслабиться в восторженной атмосфере и моей роли на сегодня.

Сегодня я — знаменитость, которой был последние десять лет. Я предпочитал эту личность и характер, и когда нацелил свою знаменитую улыбку в толпу и повернул голову к женщине, которая вела это шоу, я был шокирован спокойствием, которое захватило меня. Я знал эту роль. Я мог ее сыграть, и будь я проклят, если не сделаю эту группу к концу этого интервью.

Когда я потянулся к Карли, ее улыбка лучилась искренностью, когда она раскрыла для меня свои приглашающие объятия.

— Эйс, я так счастлива, что ты сегодня здесь, — сказала она в мою щеку. Ее черные волосы были убраны в шикарный пучок, а кремовые каблукы делали ее чуть — больше — полутораметрового — рост достаточно высоким, чтобы она была на одном уровне глаз со мной. Она была в гладком платье без рукавов, которое удерживал на талии кремовый пояс, а затем он обнимал ее соблазнительную фигуру до подола чуть выше колен. Она была великолепна, и не только как самая уважаемая ведущая телешоу и бизнесвумен, но и как икона стиля.

Я заключил ее в теплые объятия, которые были на удивление крепкими для такой крошечной дамочки, и когда мы отстранились, она повернулась к своей обожающей аудитории и заявила:

— Он, правда, здесь!

И от этого толпа снова зашумела.

Они поддерживали и выкрикивали, некоторые даже ахали, когда я смотрел в их стороны. Карли села на свой знаменитый малиновый диван, и я занял место рядом с ней. Она улыбалась мне, пока я поправлял свой пиджак и откидывался на спинку, чтобы видеть толпу. Свет был ярким, но не слепящим, пока я рассматривал незнакомые лица, улыбающиеся мне в ответ, дожидаясь того, что бы там ни открылось сегодня, а когда восторг утих до тихого перешептывания, Карли шумно рассмеялась и посмотрела в мою сторону.

— Добро пожаловать на мое шоу, — сказала она, и я не мог не ответить ей собственным взаимным смехом.

— Спасибо. Я определенно ощущаю радушный прием.

Она кивнула, а затем просканировала своих фанатов, перед тем как перевести свой взгляд обратно на меня.

— Они сегодня довольно буйные, не так ли?

Я хлопнул в ладоши вместе с последовавшими за этим аплодисментами, а затем

услышал, как кто — то выкрикнул:

— Мы тебя любим, Эйс.

Я посмотрел левее главного направления, откуда послышалась банальность, и помахал и улыбнулся туда.

— И это правда, — сказала Карли, снова завладевая моим вниманием. — Мир любит Эйса Локка. Они любят смотреть твои фильмы. Они любят узнавать о тебе из журналов и интервью. Они любят обсуждать *особого* мужчину, который привлек твое внимание. И вообще, мир, похоже, просто не может прекратить говорить о тайном мужчине за спиной очень большой кинозвезды, которой ты являешься. Так что, успокойтесь, люди, — сказала Карли добродушно. — У нас с ним ограниченное время, и я знаю, что вы хотите некоторых ответов об этом парне, до того как он уйдет. Я права?

Когда «да» раздалось в студии, я откинулся на спинку дивана, укладывая на нее руку, как скорее всего делал Дилан в зеленой комнате. Устроившись на месте, я уложил лодыжку на свое колено и повернулся телом к своей ведущей, которая скрестила ноги и повернулась лицом ко мне. Ее голубые глаза блестели, когда она потянулась, чтобы хлопнуть меня по руке, которую я устроил на спинке плюшевого сидения.

— Итак, как у тебя дела? — спросила она.

Я расхохотался на ее простой переход в начало интервью.

— Просто замечательно, Карли. А у тебя?

— Ох, я — фантастически, — ответила она, как будто мы были на частном завтраке вдвоем, а не сидели на интервью перед примерно семью миллионами зрителей. — Но мы здесь, чтобы не обо мне разговаривать, мистер. Мы все собрались, чтобы поговорить о тебе, — она замолчала на мгновение, а затем добавила. — Значит ты и некто определенный, по имени Дилан Прескот.

Боже, я не мог удержать улыбку, как ни пытался. Но так и было, я не пытался.

— Посмотрите на эту улыбку, — сказала она, хлопнув меня по руке, и наклонилась вперед. — Только от одного упоминания его имени все твое лицо озарилось.

Это нельзя было отрицать.

— Он обладает таким эффектом, — сказал я, и толпа взорвалась аплодисментами.

— Да. Я заметила. И должна поблагодарить тебя за то, что согласился встретиться и поговорить со мной сегодня.

Я кивнул ей, довольный, что с ней было так легко разговаривать. Я всегда слышал о ней, но никогда не был на интервью в прошлом, и не был уверен до этого момента.

— Спасибо, что пригласила.

— Не за что. Ты должен понимать, насколько я счастлива, что ты здесь сегодня. Ты — большое вдохновение уже сейчас для многих людей своей работой и благотворительностью за многие годы. Теперь и твой камин — аут, который, я уверена, помог многим молодым людям, дал им понять, что это нормально, гордиться тем, кто ты есть. А теперь ты здесь, очень скрытный человек, доказывающий еще раз, какой бывает смелость. Ты разбил Голливудские стереотипы и «вышел из шкафа» самым *публичным* образом, и я лично благодарна за то, что сижу здесь и наблюдаю твою улыбку при упоминании имени твоего парня... я же могу его так называть, да?

Я усмехнулся.

— Да. Он определенно такой.

— Тогда, чтобы закончить мою мысль, это такая радость видеть твою улыбку при

упоминании имени твоего парня.

— Спасибо, Карли, — ответил я, и толпа захлопала и застучала ногами, пока я путешествовал своим взглядом по всей длине студии. Принятие во всех этих лицах, плюс от женщины напротив меня, помогало легче открыться ей и просто быть собой. — Это был нелегкий путь, особенно в последние несколько месяцев. Я имел дело с бесчисленным количеством отказов в своей карьере, людьми, которые решали не рисковать, работая со мной и учитывая, что происходит в моей личной жизни, но я не изменил бы это. Дилан сделал все это стоящим. И если я пройду через всю эту публичность — разделю нашу историю со всеми вами — и сделаю жизнь одного человека чуточку легче...то я рад быть здесь и разговаривать с тобой о мужчине, который сделал из меня лучшего человека.

Когда возгласы «ааах» отразились эхом по помещению, я застенчиво пожал плечами.

— Что я могу сказать? Это в каком — то роде делает меня сентиментальным.

— Мы не собираемся жаловаться на это. Так ведь, ребята? — спросила она у своей обожающей публики, которая начала выкрикивать «нет» и «ни черта», пока она не вернула свое внимание ко мне. — Ладно, итак продолжим, ты знаешь, что мне кое — что нужно. Сочные сенсационные подробности того, как вы действительно познакомились. Всегда множество догадок насчет такого рода вещей, но мы должны узнать. Было ли это романтично? Увидел ли ты его через толпу и заговорил с ним, как сообщалось? Или ты позвонил ему после того, как заметил тот жаркий билборд вместе с ним, ну знаешь, тот самый, — сказала она, указывая своим большим пальцем через плечо на массивную стену из экранов позади нас, на которой появилась та греховная реклама Calvin Klein с Диланом. Та, где он в кожаной куртке, боксерах и с тем манящим взглядом, с которой все началось, и я подумал, что для меня все эти восхищенные свисты были слишком громкими...Женщины, которые составляли девяносто девять процентов этой аудитории сходили с ума. Они складывали свои ладони на своих ртах и завывали так, будто были на стриптизе, а некоторые даже прикладывали пальцы к губам, чтобы свистнуть очень громко, пока реклама Дилана взрывала центральную сцену для их удовольствия и, о, да, для моего.

Самодовольно улыбаясь, я медленно вернул взгляд к женщине, чей взгляд был широко — распахнутым и невинным, когда она сказала:

— Не знаю, как ты вообще можешь смотреть на него и *не* улыбаться.

— Это грязный ход, Карли. Как я вообще должен думать, когда у вас тут эта фотография?

— Хорошее замечание, — сказала она. — Мы просто притворимся, что ее там нет.

Я оглянулся на ухмыляющиеся лица, приятно видеть, что они наслаждались собой.

— Конечно. Я могу это сделать. Эмм...а какой был вопрос? — пошутил я.

Карли хлопнула в ладоши и рассмеялась.

— Как вы оба познакомились?

— Ах да, точно. Ну, — начал я, а затем почесал свой нос. — Это забавная история, вообще — то. И он рассказывает ее немного по — другому, чем я.

— Да?

— Да. Я уверен. Но, эмм, я познакомился с ним на первом дне съемок «*Мятеж 2*». Я ехал на работу, а он шел посередине дороги, и ну... — я замолчал и посмотрел на толпу своим самым лучшим «*это не моя вина*» взглядом, когда закончил. — Я чуть не задавил его.

— Погоди, ты чуть не задавил его?

— Ага, — рассмеялся я.

— Но он все равно в итоге стал с тобой встречаться?

— Что я могу сказать? — сказал я с самодовольной улыбкой. — Я такой очаровательный.

— Уууухууу. Мы можем в *это* поверить. Так ведь? — сказала Карли, подбадривая массы озвучить ее мысли, и когда они все громко закричали «да» одновременно, она посмотрела на меня и дождалась, когда они снова успокоятся. — Должна признаться, Эйс. Как и все здесь и за экранами, я следила и читала все, что попадало в мои руки о вас двоих. Я не уверена, что именно притягивало нас ко всему этому или желание узнать об этих отношениях, но... Ой, да кого я обманываю? Все из — за тебя, Эйс Локк, огромной кинозвезды в мире, секс — символа, открытого и гордого гея в преданных отношениях, заставляющего эту историю взорваться. Затем добавьте те сексуальные снимки тебя и Дилана из Вегаса, и то количество внимания к вам двоим в последние несколько месяцев было неслыханным. Как вы со всем этим справлялись?

Меня шокировало то, что мою грудь не стянуло от страха, а лицо не вспыхнуло после ее слов, но пока я сидел здесь и раздумывал над вопросом Карли, я понял впервые, что мне, наконец — то, комфортно разговаривать об этом, а *это* было мощным осознанием. Это было еще одним пунктом, за который я благодарен Дилану. За то, что помог мне принять то, кто я есть вплоть до самой моей сути.

— Ну, не без происшествий, это уже точно, — сказал я, а затем сместился, чтобы опустить обе ноги на пол и положил свои предплечья на колени. Я сцепил пальцы вместе и оглядел толпу, которая, я заметил, стала жутко молчаливой, пока ждала моих слов. — За прошедшие десять лет или около того — больше, вообще — то — я выбирал жизнь в центре внимания. Это было решение, которое я принял, придя в эту индустрию, и то, которое я сделал бы снова, если бы это означало, что это приведет меня в именно этот момент в моей жизни и к этому мужчине. Но сейчас, когда я нашел Дилана, я не хочу скрывать этого. Я не хочу беспокоиться, что кто — то сделает снимки и станет гадать, кто он такой. Поэтому, если это означало раскрыться и рассказать вам всем, что я влюблен в него, тогда я более чем счастлив сделать это. Поделиться этим.

— Я думаю, это так очаровательно, — сказала Карли. Я наклонил голову, чтобы посмотреть на нее, и она подогнула одну из своих ног под себя, как будто мы сидели в ее гостиной, а не в забитой студии в прямом эфире сетевого телевидения. — Что ты настолько открыт в этом. В смысле, конечно, прошло какое — то время после того, как всплыли снимки из Вегаса, но для человека, который никогда раньше не распространялся о своих отношениях, услышать, как ты говоришь о Дилане — удивительно. Это мужчина действительно изменил тебя.

Я кивнул и пожевал свою нижнюю губу.

— Ты права. Он изменил меня. Он веселый, умный, невероятно добрый и осознающий себя, и... — я остановился и взгляделся в восхищенные лица, смотревшие на меня в ответ, и развязно улыбнулся. — ...невероятно сексуальный, я прав? — одна женщина крикнула «черт, да», и я указал на нее пальцем. — Видите, она понимает это.

Карли засмеялась.

— Ох, думаю, мы все это понимаем.

— Я не могу описать его лучше, чем так. Наша жизнь под микроскопом. И были дни, которые были невероятно трудными, и истории, которые рассказывали про нас, не были правдой. Но все отношения сталкиваются с проблемами — наши только для публичного

потребления, и мы понимаем это. И пока мы оба знаем, что настоящее и что правда, мы сможем пройти через любой день здраво расценивая обстоятельства, что является одной из причин того, что я сегодня здесь. Пришло время озвучить эти отношения в самом истинном смысле этого слова. Чтобы честно рассказать, что мы разделили и кто мы такие. И спасибо, что позволили мне быть здесь и сделать это.

Когда толпа взорвалась аплодисментами, Карли положила свою ладонь на мое плечо и сжала.

— Ты быстро становишься одним из моих самых любимых людей в мире. Сидите смиренно, все — мы вернемся после рекламы с большими подробностями об Эйсе Локке и его роли в предстоящем фильме, и где он видит себя и своего парня, Дилана Прескота, в будущем.

Я не думал, что такое возможно — быть настолько счастливым, как я прямо сейчас, сидя в зеленой комнате «*Шоу Карли Уайлд*». Но с каждым словом и ответом, который выходили изо рта Эйса, моя улыбка растягивалась все больше по лицу. В ту секунду как он вышел на сцену, Эйс получил аудиторию, которая была готова есть с его руки, и они любили его. Напряженная линия его плеч исчезла, и когда он сел рядом с Карли на диван, он разговаривал с ней и толпой, как будто поддерживал обычный разговор со мной. Как будто он знал их долгие годы, и время от времени просто на случай, если они забывали с кем разговаривали, Эйс нацеливал свою ослепительную улыбку на них и выбрасывал немного того звездного высокомерия, и господи, они просто с ума от этого сходили.

Мой парень был невероятен. И не сказать, что я не знал этого раньше, но пока я сидел здесь и следил за реакцией людей лишь на его присутствие, я действительно понял это. Эйс был...ну, он был настоящим вдохновением. Когда он говорил, эти люди в толпе, и несомненно по всей стране, ловили каждое его слово. И было легко забыть, кем он был, когда ты находишься с ним — он просто был таким приветливым.

За прошедшие несколько месяцев я начал понимать из первых рук, что в отношении знаменитостей публика рассматривала их как личную собственность. Каждый их шаг был подвержен ударам, их жизни, развлечения для всех нас — нормальных людей, потому что пока мы — *и да я примешивал и себя туда же* — продолжали ставить их на пьедестал, они всегда будут под пристальным вниманием. Но именно то, что они делали со всей этой славой, известностью и уровнем успеха, действительно делало их любимыми или подвергало критике. И так было, пока я слушал, как Карли обсуждала выбор Эйса, его решение выйти на публику и рассказать всему миру, кем он был и как это повлияло и помогло другим, что я действительно задумался о нем и его доступе в широком спектре вещей. Во всем мире, помимо только нас двоих. И будь я проклят, если от этого я не был горд, что именно я нахожусь в его объятиях.

Я сделал глоток из бутылки с водой, которую взял из бара, и снова бросил взгляд на экран, где Эйс наклонился и что — то сказал Карли на ухо. Они только что прервались на рекламу, и кто — то бросился к ним, чтобы поправить их макияж, но уже приближался возврат в прямой эфир, потому что все исчезли со сцены, Карли ухмыльнулась ему и кивнула, а затем зазвучала музыкальная заставка шоу, появился логотип, и они вернулись, толпа хлопала и выкрикивала от восторга.

— Добро пожаловать обратно всем и тем, кто только что присоединился к нам, я здесь с Эйсом Локком, звездой *«Последний беспризорник»*, *«По газам»* и *«Первоклассный Бурбон»*, если перечислить несколько, и он только что закончил съемки в сиквеле блокбастера *«Мятеж»* Рона Кинга. Так совпало, что площадка его последнего фильма *«Мятеж 2»* так же место, где Эйс впервые встретился с новым мужчиной в своей жизни, мужчиной, о котором мы узнали немного больше сегодня лично от Эйса. Правильно?

— Да, — ответил Эйс с чрезвычайно довольной улыбкой, и мои щеки загорелись так же, как и тогда, когда они разместили мой билборд на огромном экране позади него. Когда зрители захлопали, и камера приблизилась обратно, чтобы захватить обоих Эйса и Карли, я удивился тому, насколько он был расслабленным. Он успокоился прямо на обсуждении своей жизни и нас, и тот комфорт и уровень расслабленности вызывали в моем сердце желание взорваться от счастья, потому что я знал какой долгой дорогой шел Эйс к этому моменту.

— Ладно, — сказала Карли. — Давайте перейдем к делу и зададим несколько вопросов, которые, я знаю, мы все *смертельно* хотим узнать. Как долго ты ждал вашей первой совместной встречей с Диланом? Ты пригласил его на свидание?

Я усмехнулся на выражение лица Эйса. Его рот открылся один раз, два, а затем он рассмеялся. Спонтанный взрыв его *«охреть»* смеха, когда он видимо вспоминал первый раз, когда мы были *вместе*. Затем он как — то успокоился и ответил:

— Это была вечеринка по поводу моего дня рождения.

— Ох! — воскликнула Карли, хлопая в ладоши, довольная от, казалось бы, достаточно невинного откровения. — Так ты попросил его стать своей парой?

— Нет, — сказал Эйс и покачал головой. Затем он посмотрел прямо в камеру, и я знал это взгляд, напряженный взгляд, который предназначался мне, и он ответил. — Я был не таким смелым. *Он* попросил меня пойти с ним, и я пошел.

Блять, ни за что он не сказал только что этого по национальному телевидению. Но улыбка, которая изогнула его губы, была той, которую я слишком хорошо знал, и ту вспышку в его голубых глазах, когда толпа обезумела. *Наглый придурок*, подумал я, усмехаясь про себя. *У него позже будут большие неприятности.*

— Ахх, так значит Дилан не застенчивый и скромный тип?

Боже мой. Я мог только представить, что Эйс собирался ответить на это.

— Нет, — сказал он. — Я никогда бы не обвинил его в застенчивости. Была парочка случаев...но по большей части я могу сказать, нет. Совсем не скромный.

— Так значит...он не станет возражать, если мы позовем его на сцену к нам, да?

Погодите. *Что она только что сказала?* Я подскочил на ноги, как будто меня только что укусили за задницу. Мои глаза распахнулись, и уверен, что челюсть так сильно отвалилась, что должно быть ударились о пол. Но Карли продолжила говорить.

— Я понимаю, что он здесь сегодня с тобой, ждет за кулисами. Как думаешь, он будет возражать выйти и обсудить ваш фильм, в котором вы вместе снимались? Это же его первый фильм, так? Я бы с удовольствием посмотрела со стороны на Эйса Локка так близко и лично, — Карли убедилась, что добавила огромное количество намеков к последним словам, и когда Эйс начал смеяться и оглядел обезумевших людей, которые теперь выкрикивали *мое* имя, он потер рукой свое лицо и посмотрел снова на нее.

— Да, хорошо. Давай позовем его сюда.

Нет. Ни за что. Это не...Он не сказал только что...

Дверь в зеленую комнату распахнулась, и мой взгляд метнулся к Келли, которая яростно показывала своей рукой «*скорее, скорее*», но мои ноги приросли к полу, и она говорила какие — то слова, которые я не мог понять. Пока мой мозг пытался догнать, двое мужчин бросились ко мне, прикрепляя что — то на мой пояс, под моей приталенной серой жилеткой, затем прикрепили — *ох черт, это микрофон* — к моему черному галстуку, а Келли потянула меня за запястье, говоря:

— Следуйте за мной.

И бросив финальный взгляд на телеэкран, я увидел, что Эйс встал на ноги и смотрел через плечо, дожидаясь меня, пока толпа ревела, и ни за что я не заставлю его ждать ни минуту дольше.

Глава 29.

Потрясение.

Дилан убьет меня. Это была моя первая мысль в голове, но второй была, что это будет самый лучший способ умереть, потому что я не хотел ничего больше в мире сейчас, чем увидеть его лицо. Даже если это означало, увидеть его в помещении с тремя сотнями незнакомцев и многими зрителями перед экранами.

Разговоры о нем последние десять минут вызвали во мне желание, чтобы он снова оказался рядом, прикоснуться к нему, а знание, что он за кулисами дожидается меня, сделало желание вытащить его сюда номером один в моем списке приоритетов.

Я слышал хлопки и топот ног, пока зрители скандировали: «*Дилан, Дилан, Дилан*», и поднялся, чтобы повернуться лицом к двери, из которой я вышел ранее. Все это заняло менее двух минут, и затем дверь распахнулась, и появился он. *Проклятье*, он был роскошен.

Он выглядел именно таким, каким я оставил его в зеленой комнате. Идеально собран в брюках угольного цвета, плотном жилете соответствующего цвета, и светло — голубой рубашке с закатанными рукавами до локтей и завязанным у основания его горла безупречным черным галстуком. Его светло — каштановые волосы, которые начали отрастать на макушке были высветлены и уложены назад, и не было ни грамма макияжа на его потрясающем лице, но ничего не нужно было добавлять, чтобы сделать его еще привлекательнее, чем сейчас.

— Привет, — сказал я и знал, что моя улыбка была большой и глупой, потому что у меня было желание обхватить его руками за талию и закружить, как идиот, и когда его губы изогнулись, он сказал:

— Я надеру тебе задницу за это, — он возможно так же сказал, что любит меня, настолько счастливым от этого я стал.

Я протянул ему свою руку и когда он скользнул своими пальцами в мои, я подмигнул ему и повернулся к студии полной людей, которые на несколько секунд полностью исчезли, и они все поднялись на свои ноги и приветствовали Дилана так же, как и меня немного раньше.

Мы перешли сцену рука об руку, и когда добрались до Карли, ее улыбка была огромной. Когда она сделала шаг вперед, я отпустил Дилана, чтобы он обнял ее. Дилан ответно обнял ее в настоящем стиле Мечты. Он обнял ее и поцеловал в щеку, а когда она отступила на шаг назад, Карли поднесла пальцы к своей коже, как будто проверяла, действительно ли он

приложил свои губы туда, и я понял, *Господи*. Чистая аура и энергия Дилана были заразительными. Он излучал счастье и тепло для всех вокруг, и это было настоящим свидетельством для Зигги и Солнышка, что их мальчик имел способность быть таким открытым и любящим после всего, через что он прошел до них.

— Дилан Прескот, дамы и господа! — объявила Карли и повернулась к зрителям. — Вторая половина ПресЛокка.

Когда Дилан повернулся лицом к нашей обожаемой публике, он сделал шаг вперед ко мне и наши плечи столкнулись. Затем он повернулся, чтобы посмотреть на меня, и от его ухмылки мне пришлось перехватить его руку в своей просто, чтобы напомнить себе, что он настоящий.

— Прошу, парни. Присаживайтесь, присаживайтесь, — сказала Карли.

Дилан облизал свою верхнюю губу, а затем оглянулся на диван, где Карли устраивалась в той же позе, что и раньше, и я сел с краю, оставляя Дилану место между нами. Когда я развернулся телом к Карли, Дилан автоматически пристроился ближе к моему боку, так же лицом к ней, и это вызвало еще больше безумных воплей. Он добродушно рассмеялся, похлопав меня по колену, а затем Карли подняла руки, показывая, что все должны смокнуть, если хотят услышать больше. Но воздух в студии гудел от напряжения.

— Фух... Этот выход просто нечто. Думаю, он был даже круче чем твой, Эйс, — пошутила Карли, и Дилан бросил взгляд на меня через плечо.

— Думаю, что ты можешь быть права, только посмотри на эту улыбку, — сказал я, когда появились ямочки Дилана. — Кто не придет в восторг от этого?

Дилан рассмеялся, и это озарило все его лицо, когда он покачала головой.

— Хватит, — сказал он, но там не было настоящей угрозы, и я выгнул бровь, давая ему понять, что не собираюсь останавливаться в ближайшее время. Эта его застенчивая реакция на мою такую явную любовь была настолько чертовски очаровательной, что я не смог бы остановиться, даже если бы захотел.

— Дилан, — сказала Карли, перехватывая его внимание, и когда он посмотрел на нее, мне потребовалось все, чтобы удержать свою руку на спинке дивана, где она сейчас лежала. — Как ты?

— Немного ошеломлен, — усмехнулся он. — Не стану врать.

— Ошеломлен? — переспросила она. — Я считаю, что в это трудно поверить. Как такая маленькая группка людей могла ошеломить тебя, когда ты встречаешься с этим парнем?

Дилан погладил мое колено и оглянулся на меня.

— Верно подмечено. Он...временами его слишком много.

— Могу себе представить, — сказала Карли. — Хотя Эйс сказал, что ты был первым, кто подошел к нему. Для этого требуется немного смелости, не так ли?

— Боже мой, — сказал Дилан и рассмеялся, и я мог сказать, что он борется с приличной долей нервозности и смущения, когда он поднес обе руки к своему лицу. Чем дольше он оставался таким потерянным и смеялся, тем больше он покорял толпу. Затем, когда он, наконец, взял себя в руки, он опустил ладони и медленно кивнул. — Это правда. Я пригласил его на свидание. Я так же несколько раз просил его номер. Я был его фанатом долгое время.

Я ничего не мог поделать с собой тогда — загордился перед Карли и сжал пальцами плечо Дилана.

— Мой фанат номер *один*, да?

Дилан фыркнул и показал большим пальцем на меня и сказал Карли:

— Видите, с чем мне приходится иметь дело?

На это вся толпа засмеялась вместе с их ведущей, и это расслабило Дилана, когда он откинулся на спинку дивана и в изгиб моей руки.

— Вы двое просто очаровательны вместе. Правда, такое удовольствие разговаривать вот так вот с вами.

— Спасибо, — сказали мы оба.

— Итак, «Мятеж 2». Место, где вы оба познакомились. Что вы можете рассказать нам об этом? — спросила Карли, подгибая под себя свою ногу.

— Не много, — сказал я, отдавая слово Дилану, и он кивнул.

— Мххм, наши рты на замке. Но как большой фанат первого фильма, — добавил он, оглядываясь на зрителей. — Могу сказать без преувеличения, что вы не захотите пропустить сиквел. Этот парень — один из талантливейших актеров. И он *очень* мило выглядит в белом.

Когда все захлопали, я притянул Дилана ближе к своему боку и чувствовал, как мое сердце заколотилось от момента, который мы делили прямо сейчас, и его совершенства, и я знал, что то, что мы делали здесь, было правильным. Это было именно так, как и должно быть. Каждая минута, которая соединяла нас вместе и привела к этому моменту, на этот диван, к разговору с Карли Уайлд о наших жизнях, моих предстоящих проектах, модельных показах Дилана — это стило того. Потому что мужчина, сидящий рядом со мной, был моим будущим, он был моим всем, и я никогда не был еще больше уверен в этом, когда Карли потянулась, похлопала Дилана по колену и спросила:

— Ладно, молодой человек. Мы все видели этого парня на большом экране и представляли, какого бы это могло быть встречаться с ним и знать его. Но мы должны спросить тебя...каково это *встречаться с* Эйсом Локком?

Когда вопрос повис в воздухе, зрители смолкли, что можно было услышать, как падает капля, и затем Дилан поерзал на своем месте, оглядываясь на меня, и от любви в его глазах у меня перехватило дыхание в горле, и мои причины находиться сегодня здесь только стали тверже.

— Это все, чего вы можете ожидать...и даже больше, — Дилан положил ладонь на мою грудь и улыбнулся мне, прежде чем повернуться своим — вскоре — многомиллионным — лицом к людям, наблюдающим за этим интимным моментом между нами. А затем он сказал им с убежденностью и гордостью. — Эйс — самый удивительный человек, которого я встречал. Его способность отдавать себя другими и все равно оставаться скромным перед лицом всего происходящего, — это правда изумляет меня. И даже когда все в его жизни пошло под откос, он был здесь, поддерживая меня стремиться выше и сильнее к своим целям. Он — человек, которого вы все видели во всех фильмах. Мужчина, в которого вы влюбились, потому что он смелый и приходит на помощь. И я считаю своей счастливой звездой тот первый день, когда он чуть не задавил меня на студии Warner Bros.

Когда речь Дилана закончилась, и сердца всех в студии растаяли, пока они *охали и ахали*, я понял, что пришла моя очередь и до того, как Карли задала еще один вопрос, я встал с дивана и опустился на колено.

Когда Эйс зашевелился рядом со мной, я повернулся к нему — *мать моя женщина* —

он опустил на одно колено рядом со мной. Интересно, возможно ли глазам вывалиться из головы, потому что в этот момент, я был точно уверен, что мои раскрылись так широко, что были к этому близки.

Что он... Я оглянулся на Карли, чья красивая улыбка работала в полную силу, и когда я встретился с ее глазами, то заметил блеск влаги в них, когда она поднесла руки к своему рту и опустила взгляд к...

Эйсу.

К Эйсу, который стоял на одном колене, глядя на меня снизу — вверх своими потрясающими голубыми глазами полными любви, и потянувшемуся в карман своего черного пиджака и доставшего небольшую, бархатную коробочку. Я несколько раз моргнул, когда он начал размываться, и понял, что это из — за слез в моих глазах. Студия, которая всего мгновения назад сходила с ума, превратилась в приглушенный шепот ожидания, пока Эйс улыбался мне — и тогда все и всё в мире исчезло.

Я поднял руку, чтобы смахнуть из глаз слезы, и заметил, как подрагивает кадык Эйса, когда он сглатывал, вдыхая и произнося:

— Дилан, не стану объяснять все то, что ты изменил в моей жизни. Ты буквально возник у меня на пути в тот первый раз, когда я увидел тебя, и нет, я не про студийную парковку. Я говорю о первом разе, когда я *увидел* тебя. А затем, по какому — то волшебству судьбы, ты шагнул перед моей машиной в тот день, и если это не было знаком, то тогда я не знаю, что это.

Я слышал приглушенный звук охов вокруг нас, но это казалось где — то далеко на расстоянии, потому что прямо сейчас единственный человек, который существовал, был тем, кто смотрел на меня именно так, как описывала Солнышко, как будто я прекраснее всех на свете. Губы Эйса сложились в захватывающую улыбку, когда я шмыгнул носом, а затем он потянулся, чтобы погладить большим пальцем мою щеку.

— Каждый день ты открываешь мне что — то новое о себе, Дилан. И каждую минуту, что я с тобой, я нахожу еще одну причину, почему люблю тебя.

Моя рука дрожала, когда я потянулся к нему, и когда Эйс переплел наши пальцы, я попытался удержаться и не расклеиться окончательно, когда он продолжил произносить слова, которые я не мечтал услышать от него.

— Знаю, что наши отношения были быстрыми и немного необычными в сравнение с большинством других. Но я знаю, чего хочу. Я знал это с того момента, когда ты сел напротив меня в тот первый день на съемках. Я хочу тебя. Я люблю тебя, — сказал он, пока я сидела на «*Шоу Карли Уайлд*» абсолютно потрясенный.

Я пристально следил за мужчиной, который отпустил мою руку и открыл бархатную коробочку, которую держал, и пришла моя очередь ахать, потому что внутри устроились два изящных кольца из белого золота, и когда Эйс достал одно, моя рука взлетела, чтобы закрыть мой рот от его абсолютнейшей красоты. На первый взгляд сияние полированного покрытия было роскошным, но когда Эйс достал его из мягкого домика, я заметил круглые, черные бриллианты, связанные между собой, идущие спереди и сзади по кольцу, и потерял возможность думать.

— Дилан *Мечта* Прескот, — произнес он с красивой улыбкой, отнимая мою руку ото рта и удерживая в своей. — Если ты сможешь мириться со всем, что связано со мной, *ничто* не сделает счастливее меня, чем то, что ты согласишься выйти за меня.

Студия продолжала оставаться молчаливой и замершей, дожидаясь моего ответа

мужчине, который смотрел на меня с сердцем в своих руках, но здесь не было сомнений, никаких вопросов. Эйс знал, что я чувствовал, он видел это в моих глазах, и когда я кивнул — потому что, это похоже все, что мне удавалось — слезы свободно потекли по моим щекам, и я пытался подобрать слова.

Толпа разразилась аплодисментами, когда Эйс скользнул кольцом на мой палец, и затем он потянулся к моему лицу, обхватывая его ладонями, наклоняясь вперед и целуя на сцене перед восторженной толпой и миллионами телезрителей, наблюдающих за нами, и я потерялся в нем.

Прямо здесь на национальном телевидении, я обхватил ладонями лицо Эйса в ответ и поцеловал его, как будто мы находились в интимной обстановке нашего собственного дома. Я закрыл глаза и выливал всю любовь и эмоции, которые испытывал к нему через эту связь, и когда мы, наконец — то, отстранились, я сказал: «Да», и микрофон подхватил слово и разнес его по зрителям, которые замолчали, чтобы услышать, что я еще собирался сказать.

— Да, я с радостью буду мириться со всем, что встанет на нашем пути. Для меня честь выйти за тебя. Я люблю тебя, Эйс.

Эйс снова захватил мои губы сладким, но неистовым поцелуем, и когда аплодисменты зазвенели вокруг нас, я услышал, как рядом с нами сказала Карли:

— Я так влюблена в этих двоих, я просто должна попросить их вернуться через месяц, чтобы все разузнать. И на сегодня на этом все, но кажется, мы получили больше, чем ожидали. Если вы попали только на концовку этого, тогда можете читать заголовок внизу — Эйс Локк и Дилан Прескотт официально обручились. Теперь вопросом у всего на устах будет, когда и где эти двое свяжут себя узами. Спасибо всем, что были с нами, и увидимся в следующий раз на «*Шоу Карли Уайлд*».

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Конец уже близко. Ждите его в 3-й и последней книге серии

Заметки

[

←1

]

П.А.Т.Э. — инициалы Пейдж (прим. пер.)

[

←2

]

Мэри Джейн — на жаргоне означает марихуана.

[

←3

]

Смор (англ. S'more) — традиционный американский десерт, который едят в детских лагерях обычно по вечерам у костра. Смор состоит из поджаренного маршмэллоу и куска шоколада, прослоенных в два куска крекеров.